

Черняховское историко-краеведческое общество «Седьмая земля»
Музей истории (г. Черняховск)
Общественная организация по содействию развитию культурного наследия
г. Черняховска Калининградской области «Черняховское землячество»

Историко-краеведческий журнал

НАДРОВИЯ

2014. 8. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Мировая война

События. Судьбы. Документы

Калининград
Страж Балтики
2014

63.3(4Гем)53

94(430)

Н 17

Черняховское историко-краеведческое общество «Седьмая земля»
Музей истории (г. Черняховск)
Общественная организация по содействию развитию культурного наследия
г. Черняховска Калининградской области «Черняховское землячество»

Идея журнала: Г.Ф. Разумный

Редакторы-составители:

Г.В. Каштанова-Ерофеева, Л.В. Климова

Редакционная коллегия:

И.В. Ерофеев, Г.В. Каштанова-Ерофеева, Л.В. Климова,

А.В. Кленовый, А.К. Оглезнев

Н 17

Надровия : историко-краеведческий журнал. – Калининград: Страж Балтики, 2014 – .

2014, Вып. 8 (специальный выпуск) : Мировая война. События. Судьбы. Документы / «Седьмая земля», историко-краевед. об-во, Музей истории; ред., сост. Г. В. Каштанова-Ерофеева, Л. В. Климова, ред. И. В. Ерофеев, А. В. Кленовый, А. К. Оглезнев. – 2014. – 216 с.: [24] л. , ил., схемы. – Библиогр. в конце ст. – 300 экз. – ISBN 978-5-91728-062-2: Б.ц.

63.3(4Гем)53

94(430)

В оформлении использованы фотографии В. Саранова, В. Сягина, Г. Каштановой-Ерофеевой, материалы из фондов Музея истории (г. Черняховск), Музея истории города Советска, Черняховской библиотеки, журнала «Инстербургер бриф» (Инстербургское землячество; Крефельд, Германия), коллекции В. Васильева, личных коллекций авторов сборника, Интернета.

На 1-й стр. обложки – Памятный знак в честь парада русской гвардии в Инстербурге 23 августа (5 сентября) 1914 г. (Черняховск, пл. Ленина – ул. Горная).

Скульптор *Андрей Шевцов*.

На 4-й стр. обложки – Инстербург, здания, где в 1914 г. располагались лазареты Российского общества Красного креста: мужская средняя школа (лазарет Мраморного дворца), гарнизонный лазарет (Владимирский этапный лазарет) (немецкие открытки из коллекции *В.Е. Васильева*).

За достоверность публикуемых материалов ответственность несут авторы.

ISBN 978-5-91728-062-2

© Редакторы-составители, коллектив авторов, 2014

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Новый выпуск историко-краеведческого журнала «Надровия» выходит в свет в годовщину начала Первой мировой войны. Многие десятилетия эта война стиралась из истории России как «империалистическая» и в результате даже приобрела ярлыки «забытая» и «неизвестная». И только в последнее время мы стали осознавать, что «белые пятна» лишь обедняют историю нашей великой страны и многое передают незаслуженному забвению.

В основном выпуск посвящен событиям начального периода войны, имевшим место на территории нынешней Калининградской области. Авторы рассматривают различные аспекты военной истории этого героического и одновременно трагического времени в судьбе России и находят отражение исторических событий в судьбах знаменитых соотечественников и собственных предков.

Приведенные в сборнике документы и материалы из периодических изданий того времени помогают увидеть довольно объективную картину, а воспоминания очевидцев тех давних событий – как с русской, так и с немецкой стороны – позволяют глубже осознать трагизм любой войны, где бы и в чьих бы интересах она ни велась.

Надеемся, что материалы этого выпуска окажутся для читателей небезынтересными и полезными.

Редколлегия.

Геннадий Викторович КРЕТИНИН,
доктор исторических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук

Август четырнадцатого в Восточной Пруссии*

...17 августа 1914 г., спасая от разгрома своего союзника – Францию, русские войска перешли границу Германии на восточнопрусском направлении. 1-я русская армия генерала П.К. Ренненкампа продвигалась вдоль железной дороги по направлению к Гумбиннену. Первая проба сил произошла на следующий день у Шталлупёнена. К концу дня немцы отступили. После боя 1-я армия продолжила движение на рубеж реки Ангерапп – впереди было решительное приграничное сражение, коренным образом повлиявшее на весь ход войны, особенно на Западе.

Командующий 1-й армией генерал Ренненкампа, правильно оценивая сосредоточение войск противника, стремился развернуть пехотные дивизии так, чтобы охватить левый фланг 8-й германской армии. Русской коннице генерала Хана Нахичеванского в составе четырех кавалерийских дивизий предстояло действовать в направлении на Инстербург через Каушен, углубляя задуманный охват.

Аналогичные действия планировал и командующий 8-й армией генерал Притвиц, рассчитывая окружить основные силы русских на подходе к реке Ангерапп. Предстояло встречное сражение, поэтому Ренненкампа на подходе к Гумбиннену принял решение дать войскам армии 20 августа суточный отдых, так называемую «дневку». Армия находилась несколько дней в непрерывном движении, причем с боями. Отдых был необходим.

Но накануне конница Хана Нахичеванского ввязалась в тяжелый бой со 2-й ландверной бригадой, прибывшей из Кенигсберга на реку Инстер в район Каушена. Значительную роль в его успехе сыграл барон П.Н. Врангель, будущий главнокомандующий Белой армии на юге России в 1920 г. Стремительной атакой своего эскадрона он захватил два немецких орудия, больше всего досаждавших русским. За этот бой Врангель был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Кстати, по окончании боев в Восточной Пруссии он стал полковником, командиром полка¹.

Однако успех кавалеристов обернулся бедой. Он сорвал отдых войскам. Более того, одержав победу, Хан Нахичеванский отвел свою конницу в тыл и на следующий день, когда немцы повели наступление, несмотря на приказ командующего, участия в сражении не принял, мотивировав свое бездействие рядом причин. Правый фланг русской армии оказался открытым, чем воспользовался противник, нанеся сильный удар.

...20 августа немецкие дивизии I и XVII армейских корпусов атаковали гумбинненскую группу русских войск. По подсчетам современных историков, численный перевес в сражении был на немецкой стороне: 74,4 тысячи человек у немцев против 63,8 тысячи у русских². Немецкие войска шли в атаку «густыми цепями, почти колоннами, со знаменами и пением, без достаточного применения к местности», что в скором времени сказалось отрицательно³.

Бой на правом фланге III корпуса 1-й армии русских оказался исключительно кровопролитным, причем с обеих сторон. Немцы нанесли здесь главный удар по открытому флангу русских. Потери несли и те, и те. Один из участников этого боя рассказывал: «...утром на 28-ю дивизию обрушился удар германского корпуса, подкрепленного частями Кенигсбергского гарнизона. Долго и упорно держалась наша пехота. Отдельных выстрелов слышно не было; казалось, что кипело что-то в гигантском котле... Под страшным огнем наполовину растаявшая и потерявшая почти всех офицеров, медленно отходила 28-я пехотная дивизия за линию артиллерии... Менее чем в версте перед батареями тянулось шоссе, и через минуту, насколько хватал глаз, через шоссе хлынула серая волна густых немецких колонн. Батареи открыли огонь, и белая полоса шоссе стала серой от массы трупов... Тогда до дерзости смело выехала на открытую позицию германская батарея, и в то же время над нашими батареями пролетел аэроплан с черными крестами. На батареях стал ад... Батареи били по противнику лишь редким огнем, ибо не было снарядов»⁴.

На поле боя остались лежать целые «цепи рот со своими офицерами и с батальонными командирами: они как бы застыли в тех позах, в которых застала их смерть». У Брауна в одной из братских могил только с русской стороны было погребено 10 офицеров и 300 нижних чинов 112-го Уральского полка 28-й дивизии. Возможно, над этой могилой и был установлен памятник русским воинам, сохранившийся до сих пор⁵.

Успех немецких войск на правом фланге русских был несомненен. Сложная ситуация была и на левом русском фланге. Однако 25-я и 27-я пехотные дивизии III корпуса Епанчина выдержали встречный удар и сами перешли в контратаку. Мощная поддержка этой контратаки артиллерией привела к тому, что противник был сначала остановлен, а затем был вынужден отступить. Немецкий писатель Курт Хессе, участник сражения, так описывал этот момент: «21-й пехотный полк был брошен в атаку, но атака захлебнулась. Люди чувствовали, что смерть свирепствует в их рядах... Ими начинает овладевать ужас перед невидимым врагом. Начинается развал, сначала медленно, но затем он идет все быстрее... пока, наконец, паника не одерживает победы над самой прочной дисциплиной – дисциплиной прусской – дисциплиной Восточно-Прусских полков»⁶.

Контрудар русских частей вызвал панику в I корпусе генерала Франсуа. Правый фланг корпуса в беспорядке начал отступление, и Франсуа с огромным трудом удалось восстановить управление деморализованными частями. Был практически разбит и XVII корпус генерала Макензена. Его корпус, попав под жесточайший ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь русских и понеся огромные потери, местами в панике отступил с поля боя. Впоследствии широкое распространение получит официальное заключение немецкого командования о происшедшем: «Сцепление несчастных обстоятельств привело к тому,

* Крети́нин Г.В. Август четырнадцатого // Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Крети́нин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов [и др.]. Калининград: ОАО «Янтарный сказ», 2006. С. 346–364. (Печатается с согласия автора и в сокращении.)

что великолепно обученные войска, позднее всюду достойно себя проявившие, при первом столкновении потеряли свою выдержку. Корпус тяжело пострадал. В одной пехоте потери достигли в круглых цифрах 8000 человек – треть всех наличных сил, причем 2000 человек было убито и ранено»⁷.

Но развить успех путем преследования противника русским не удалось во многом из-за того, что конница Нахичеванского отсутствовала на поле боя. Генерал фон Франсуа впоследствии отмечал: «...после боя под Гумбиннем русская конница имела открытый путь. Сражения в Восточной Пруссии имели бы иные последствия и армия генерала Самсонова была бы избавлена от катастрофы под Танненбергом, если бы конница генерала Ренненкампа преследовала по пятам отступающие германские корпуса»⁸.

Последовавшие за Гумбинненским сражением события оставили в тени ту роль, которую оно сыграло в этой войне. Так, У. Черчилль в мае 1930 г. в интервью газете «Дейли Телеграф» заметил: «Очень немногие слышали о Гумбинне, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Русская контратака Третьего корпуса, тяжелые потери Макензена вызвали в 8-й немецкой армии панику, она покинула поле сражения, оставив на нем своих убитых и раненых, она признала факт, что была подавлена мощью России»⁹.

Между тем продвижение русских войск по территории Восточной Пруссии вызывало серьезную обеспокоенность среди местных жителей. Руководство провинции по мере своих сил и возможностей стремилось поддержать население, публикуя сообщения с фронта боевых действий. Как это часто бывает в военное время, подобные сообщения не говорят всей правды, и население затем оказывается в критической ситуации. Реальная же картина краткосрочного периода русской оккупации Восточной Пруссии, взаимоотношений русских военных и прусского мирного населения до настоящего времени не представлена, много свидетельств самого разного толка. Чаще – негативного для российской стороны. Но тот же Людендорф, в конечном счете, был вынужден признать, что «в августе и сентябре многие русские части вели себя при вторжении в Восточную Пруссию образцово. Винные погреба и склады охранялись. Ренненкампф поддерживал в Инстербурге строгую дисциплину»¹⁰, «сурово наказывал уличенных в мародерстве, например, однажды он приказал расстрелять без суда и следствия семерых мародерствующих солдат...»¹¹.

О том, что в Инстербурге, где, кстати, располагался штаб 1-й армии, соблюдался полный порядок, свидетельствуют и русские офицеры. В. Звезгинцов, корнет Кавалергардского полка, вспоминал, что гостиницы, рестораны, магазины были открыты, торговали. Причем в уплату за товар принимались и русские деньги. Кроме военных патрулей, порядок среди населения поддерживался городской милицией¹².

24 августа 1914 г. Ренненкампф назначил губернатором Инстербурга доктора Бирфройнда, до этого бывшего советником местного магистрата. За его подписью в «Восточнонемецкой народной газете» [«Ostdeutsche Volkszeitung»] появилось объявление от 31 августа 1914 г.:

«Главкомандующий армией великий князь Николай приказал принимать рубль как платежное средство по курсу 1 р.=2,5 марки. За отказ принимать рубль налагается штраф в 3000 марок...»

Магазины должны работать с 8 часов утра до 6 часов вечера... Товары в магазинах, закрытых в указанное время, подлежат конфискации, на владельцев накладывается штраф в 3000 руб., их подвергают аресту... Запрещается поднимать цены на товары по сравнению с периодом до прихода русской армии. Штраф – 3000 марок...»¹³

5 сентября Ренненкампф провел в городе строевой смотр конной гвардии, которая убывала на другой участок фронта. Перед началом смотра командующий вручил особо отличившимся боевые награды (в том числе и барону П.Н. Врангелю). Все это при большом стечении местных жителей. Спокойная обстановка, по крайней мере внешне, наблюдалась в Тильзите. Там были открыты лавки, работал рынок, в школах шли занятия¹⁴.

Но война есть война со своими беспощадными законами. 8 сентября был расклеен на улицах и опубликован в газете суровый приказ русской комендантуры в Инстербурге:

«...Вчера вечером из дома Дренгвица на улице Банхофштрассе прогремел выстрел, вследствие этого военный комендант заявил следующее:

1. Прогремит выстрел из какого-либо дома, будет сожжен дом; прогремит еще один выстрел, будут сожжены все дома на улице; прогремит третий выстрел, будет сожжен весь город.

2. Все лица, появившиеся на улице после 8 часов вечера, независимо от пола и возраста, будут арестовываться русскими патрулями.

3. Строжайше запрещается приближаться к военным зданиям и складам; рекомендуется держаться по возможности дальше от прочих сооружений, перед которыми выставлены военные посты»¹⁵.

Но в целом вопрос отношений военных властей с местным населением на оккупированной территории всегда рассматривался как один из наиболее сложных. Как для военных властей, так и для последующей историографии. Военным надо было решать этот вопрос практически и не всегда мирными методами, а историки часто не уделяли ему соответствующего внимания по ряду причин.

Процесс взаимоотношений русских военных властей и местного населения можно квалифицировать только в полосе наступления 1-й русской армии, так как в ходе ее наступления были оперативные паузы. Войска какое-то время проводили в населенных пунктах, где эти взаимоотношения оформлялись. Сложнее что-либо говорить о 2-й армии Самсонова.

Успех 1-й армии русских был настолько значителен, что командующий 8-й немецкой армией генерал Притвиц принимает решение вначале отвести назад свои войска, а затем склоняется к мысли вообще оставить Восточную Пруссию и отойти за Вислу. В таком следовании плану Шлиффена не было ничего необычного, однако политические обстоятельства воспрепятствовали этому шагу.

Круги от поражения под Гумбинненом прошли по Восточной Пруссии, вызвав повальную панику среди населения, которое начало покидать города и населенные пункты, уезжая в центральные области Германии. Когда известия о поражении дошли до Кобленца, где располагалась ставка верховного главного командования, то трудно переоценить тяжесть того гнетущего впечатления, которое поражение произвело на немецких военачальников. На фоне побед на Западном фронте стали вырисовываться перспективы возможного марша русских на Берлин, до которого от Вислы было, как говорится, «рукой подать».

Военное руководство Германии принимает решение удержать Восточную Пруссию во что бы то ни стало. Было сменено командование армией (командующим стал генерал Гинденбург, начальником штаба – генерал Людендорф), с Западного фронта сняли два корпуса и кавалерийскую дивизию, срочно началась их переброска на Восток¹⁶.

Армия Ренненкампафа начала продвижение по Восточной Пруссии первой. Через несколько дней в обход Мазурских озер из Польши двинулась 2-я русская армия генерала А.В. Самсонова. Самсонов должен был глубоко охватить немецкие войска, с тем чтобы перерезать им пути отхода к Нижней Висле. Получилось так, что две русские армии действовали в отрыве друг от друга, не согласовывая свои действия. С чисто военной точки зрения, русское командование, причем всех уровней – Ставки, Северо-Западного фронта, 1-й и 2-й армий, наделало столько ошибок, что противнику ничего не оставалось, как завершить эту кампанию в свою пользу.

Используя предоставившиеся возможности, вновь назначенное командование 8-й немецкой армии затеяло рискованную игру, которая вскоре принесла успех.

Развитая сеть железных дорог позволила немцам перегруппировать свои силы в Восточной Пруссии к своему правому флангу, оставив против армии Ренненкампафа их незначительную часть. Планировалось, сосредоточив основные усилия, перейти в наступление против левого фланга 2-й русской армии. Сосредоточение 8-й армии намечалось в районе Торн – Алленштайн.

Самсонов, не разобравшись в складывающейся обстановке и не получив поддержки со стороны Ренненкампафа и штаба фронта, вынужден был ввязаться в сражение с основными силами немцев.

В отличие от Гумбинненского, сражение в районе Мазурских озер было длительным и упорным. В соответствии с документами того времени, перед этим сражением и в его ходе армии Самсонова удалось разгромить 6-ю и 70-ю ландверные бригады у Грос-Бёссау и Мюлена, ландверную дивизию Гольца и 3-ю резервную дивизию у Хохенштейна [Гогенштейн, Хознштайн], 41-ю пехотную дивизию у Ваплица, 37-ю пехотную дивизию у Лана, Орлау, Франкенау; наконец, было нанесено поражение 2-й пехотной дивизии под Уздау. Но отдельные блестящие тактические успехи русских войск не были увязаны в общую победу¹⁷.

Напротив, немецкому командованию удалось окружить и разгромить XIII и XV корпуса армии Самсонова, сам командующий 2-й армией застрелился, русские войска вынуждены были отступить. Немцы же постарались развить свой успех. Гинденбург и Людендорф планировали нанести главный удар против левого фланга русских, выйти к среднему течению Немана и окружить

1-ю армию. К 5 сентября 1914 г. закончилось сосредоточение 8-й германской армии против армии Ренненкампафа.

Однако замысел немцев был своевременно разгадан, и Ренненкампаф принял решение отвести армию назад. Гофман писал впоследствии, что этим отступлением «была разрушена надежда нанести Ренненкампафу сокрушительный удар»¹⁸.

Получив сообщение об отступлении русских, немецкое командование отдало приказ начать преследование по направлениям на Мариамполь, Шталлупёнен и Пилькаллен. Бегства, конечно, не было. Был отход, что признал даже Людендорф: «Русские сумели организовать отступление...»¹⁹ Более того, отступая, русские войска вели активные боевые действия и заставляли ошибаться своих противников. В частности, когда утром 11 сентября несколько русских полков на шталлупёненском направлении атаковали XI армейский корпус немцев, то немецкое командование было вынуждено выдвинуть этому корпусу в помощь дополнительно I и XVII корпуса (!). Такой маневр вызвал остановку в преследовании, эту потерю времени немцы так и не наверстали²⁰.

Пруссаки ликовали. 17 сентября 1914 г. «Восточнонемецкая народная газета» писала: «Русские в Восточной Пруссии полностью разбиты. Отступление перешло в бегство. Армия Гинденбурга, преследуя неприятеля, уже перешла границу. Взято 10 тысяч пленных, 80 орудий, много военного снаряжения. Военные трофеи увеличиваются»²¹.

С профессиональной, военной, точки зрения, можно соглашаться или нет с теми или иными выводами, но, исходя из сегодняшнего понимания ситуации, надо признать: германское командование сумело в нужный момент на решающем направлении добиться значительного перевеса сил. Ренненкампаф впоследствии обвинят в измене и предательстве²².

Нельзя полностью отрицать военные способности Ренненкампафа как командующего. Например, военные историки до сих пор не оценили должным образом его диагональный, быстрый маневр XX армейским корпусом от реки Деймы, через свои отступавшие боевые порядки, на левый фланг армии, к Даркемену, по сути сорвавший план выхода немцев к Среднему Неману. За несколько дней до конца операции Гинденбург, которому этот неожиданный маневр русских спутал все карты, был вынужден отказаться от своего плана. Операция пошла по затухающей линии, тем более что «разгромленная» 2-я армия русских к тому времени уже сумела привести себя в порядок и стала угрожать правому флангу немцев.

Каковы были потери войск русских и немецких? Материальное ослабление всей русской армии в результате проигранной Восточно-Прусской операции составило всего 8%²³. Людские потери русских армий до сих пор не оценены.

В ходу данные, приведенные в известной работе военного историка А. Строкова, который сообщает, что «общие потери в Восточной Пруссии исчислялись в 245 тысяч человек, в том числе 135 тысяч пленных»²⁴.

Пленных было действительно много. Из современной литературы мы знаем о наиболее крупном в Восточной Пруссии лагере для военнопленных в Арисе (ныне территория Польши), в ряде населенных пунктов области

сохранились памятники, поставленные местными жителями русским воинам, не только погибшим в бою, но и умершим от ран после боевых действий. Появляются сведения (до конца не исследованные) о пребывании русских военнопленных в Восточной Пруссии до 1920 г. и даже позже. Но откуда взялась цифра 135 тысяч? Видимо, до сих пор принимаются на веру воспоминания генерала Людендорфа, писавшего в своих мемуарах: «Под Танненбергом (в районе действий 2-й армии) захвачено 90000 пленных, теперь же мы насчитали 45000»²⁵. Получилась цифра 135 тысяч.

Она, эта цифра, и кочует по разным изданиям. Точных данных до сих пор нет. Н. Головин, например, приводит свидетельства немецких источников всего о 30 тысячах русских пленных и считает, что и эта цифра преувеличена. Другой русский исследователь, Ф. Храмов, пишет, что «германцам в период 29–30 августа удалось взять в плен около 30 тыс. чел. Между тем по их источникам количество пленных исчисляется до 90 тыс. чел., что не соответствует действительности, так как в XIII и XV корпусах и 2-й пехотной дивизии, вместе взятых, всего насчитывалось до 80 тыс. человек, из них около 20 тыс. провались из окружения и отошли на юг, 6 тыс. было убито и до 20 тыс. раненых остались на поле боя»²⁶.

Нет достаточно ясной картины и с потерями немецкой стороны. Официальные сведения о потерях кайзеровских войск были опубликованы в «Санитарном отчете о германской армии (германская полевая армия и армия гарнизонов) в мировой войне 1914–1918 гг.» в 1934–1938 гг.²⁷ Так, в Восточно-Прусской операции, т.е. в боях в августе–сентябре 1914 г., по данным этого издания, у немцев погибло 3847, пропало без вести 6965, было ранено 20376, заболело 23168 человек, вернулось в строй 17802 человека. Безвозвратные потери составили 36554 человека²⁸.

Но, несмотря на скрупулезность немецких специалистов, подсчитавших свои потери с точностью до человека, ряд вопросов все же остается. Например, 17802 человека, вернувшихся в строй, составляют всего 40% от общего количества раненых и заболевших. Не преувеличивая возможности медицинской службы того времени, следует все же задаться вопросом: почему эффективность возвращения в строй у немцев была столь низкой? Как правило, эта цифра бывает значительно большей: свыше 60%.

Затем, количество больных значительно превышает количество раненых. Что за эпидемия поразила вовремя отобилизованные, прекрасно оснащенные войска Германии, воевавшие на родной территории? Малое количество убитых, приведенных в официальных данных, объясняется вполне просто: в донесениях из войск убитыми показывались те военнослужащие, которые были вынесены с поля боя. Остальные попадали в рубрику «пропавшие без вести». По мнению современных исследователей, из состава «пропавших без вести» примерно 40-50 % можно считать погибшими, остальных, с высокой степенью вероятности, следует считать попавшими в плен²⁹.

Более того, один из самых авторитетных аналитиков в вопросах о боевых потерях Б. Урланис прямо заявляет, что общие цифры, представленные в «Санитарном отчете», занижены, по крайней мере, вдвое³⁰.

Восточно-Прусская операция завершилась для русских неудачно. Но и немцы не смогли развить успех, они остановились на русской границе. Их выигреш армейской операции не мог идти ни в какое сравнение с провалом стратегических замыслов на французском фронте. Ошибки, допущенные германским генеральным штабом до Марнского сражения и во время него (отправка двух корпусов с правого ударного фланга немцев помогла французским и английским войскам остановить успешно наступавшие войска противника и отбросить их в ходе сражения на реку Эн), образно выражаясь, превратили сражение в Пруссии в его крупнейшее стратегическое поражение³¹.

...К концу 1914 г. окончательно была похоронена идея Шлиффена. Германское командование постепенно перешло к проведению операций хотя и крупномасштабных, но все же частного характера. Сил для действий на два фронта не хватало. Выручало инженерное оборудование театра военных действий, позволявшее осуществлять массовые переброски войск в короткие сроки с одного фланга на другой. Однако подобный характер ведения боевых действий позволял разве лишь защитить собственную территорию.

Складывалась любопытная ситуация. Германская армия вытесняла русских со своей земли и тут же как бы наткалась на стену в виде русских резервов, восстанавливавших статус-кво.

Подобное произошло осенью 1914 г., когда немецкие войска, занятые в Лодзинской операции, не смогли должным образом противодействовать 10-й русской армии генерала Сиверса, вступившей в Восточную Пруссию и дошедшей до линии Августов – Гольдап – Гумбиннен – Лазденен. Первоначально особо жестокие бои развернулись на ее правом фланге, где действовала Вержболовская группа под командованием генерала Епанчина. Действия армии на левом фланге значительно осложняли крупные лесные массивы (Августовские леса). К декабрю 1914 г. фронт относительно стабилизировался, и бои местного значения, без особого успеха для обеих сторон, шли до конца января – начала февраля 1915 г.

В качестве примера можно привести бои за Лазденен. До нашего времени на шоссе Краснознаменск – Добровольск сохранился небольшой мостик через реку Инстер. Здесь совершил свой подвиг ротмистр В. Бушнев, командир эскадрона 3-го уланского Смоленского полка. Мостик прикрывался немецкими пулеметами; казалось, к нему невозможно пробиться. Бушнев лично повел в атаку спешившихся кавалеристов. Мост был взят, но ротмистр погиб. Данный факт интересен тем, что в неудачных боях награды вручаются не так уж часто, а Бушнев до своей гибели успел заслужить за восточнопруссские бои три (!) ордена³².

Военные действия, которые развернулись в этом районе, получили название Лаздененской операции. Операция эта мало известна даже военным историкам. В обыденном же сознании эти бои идентифицируются с первым вторжением русской армии в Восточную Пруссию. В отечественной исторической литературе о ней писали, пожалуй, только однажды³³. Есть свидетельства участника осенних боев на границе – поэта Н. Гумилева. Он был вольноопределяющимся лейб-гвардии Уланского полка и за отличия в боях был награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени³⁴. Не называя

полностью населенные пункты (его «Записки кавалериста» публиковались в военное время), он предоставляет возможность понять, что описанные им стычки, бои проходили в треугольнике Ширвиндт – Пилькаллен – Шилленен³⁵. Кстати, воспоминания Гумилева можно считать как бы прелюдией к тому, что происходило в этих местах зимой 1914–1915 гг.

Драматизм ситуации заключался в том, что и русские, и немцы планировали здесь начало нового крупномасштабного наступления с решительными целями для обеих сторон. В тяжелых условиях шло сосредоточение сил. Зима характеризовалась внезапными переходами от оттепелей к сильным морозам со снежными выюгами. Замерзла река Шешупе, большие сугробы затрудняли передвижение людей и конницы. Немецкие жители спешно покидали свои дома, опасаясь репрессий за неприязненное отношение к русским во время их августовского отступления. Край практически обезлюдел (на местах осталось всего 10-15% местных жителей). Из оставшихся жителей большинство составляли литовцы и поляки, которые довольно спокойно относились к военным действиям, в целом их не касавшихся³⁶.

Обнаружив подготовку русских войск к наступлению в направлении Лазденен – Инстербург, германское командование принимает решение ускорить подготовку своего наступления. Немецкие войска сумели оказать упорное сопротивление русским, начавшим свои действия 12 января. Опираясь на хорошее знание местности, помощь местного населения, сильно укрепленные позиции, немцы не только выстояли, но и начали 28 января обход правого фланга Вержболовской группы. Дальнейшие события развертывались не в пользу русских, испытывавших недостаток снарядов и патронов. В феврале 1915 г. генерал Епанчин начал отвод группы от Лазденена к Ширвиндту, оставив Шталлупёнен. 8-я германская армия генерала фон Бёлова вышла на границу с Россией. Это было одно из последних сражений Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии. Самые последние же бои прошли в марте 1915 г.

Дело в том, что немецкое командование, увлекшись активными боевыми действиями на Вержболовском направлении и в Августовских лесах, не уделяло особого внимания уголку Восточной Пруссии к северу от Немана. Там действовали русские пограничные отряды. Тильзитское направление прикрывала группа немецких войск под командованием коменданта крепости Кёнигсберг генерала Папприца. Немцы в середине февраля сумели занять Тауроген, после чего здесь установилось затишье.

Но 17 марта русские войска под командованием генерала Потапова неожиданно для немцев начали наступление и заняли Тауроген и Мемель³⁷.

Русские отряды продолжали оказывать давление на тильзитском направлении, а немцы ничего сделать не могли – все резервы были заняты в боях против 10-й русской армии. Наконец, из Штеттина прибыли два батальона. Потапов был вынужден 21 марта оставить Мемель, а 29 – Тауроген. Чтобы предупредить в дальнейшем подобные рейды русских, немцы были вынуждены забрать с Западного фронта 6-ю кавалерийскую дивизию и прикрыть ею свою границу на литовском направлении³⁸.

Хотя Восточная Пруссия примерно до марта 1915 г. продолжала еще оставаться прифронтовой провинцией, мирная жизнь постепенно налаживалась.

Примечания

¹ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3154. Л. 7.

² *Касимов О.* Необходимое предисловие // *Такман Б.* Первый Блицкриг. Август 1914. М., СПб., 1999. С. 24.

³ *Радус-Зенкович Л.А.* Некоторые выводы из сражения при Гумбиннене // Военно-исторический сборник. 1920. № 3. С. 92.

⁴ Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1918. Вып. 1. С. 71–72.

⁵ *Радус-Зенкович Л.* Отчего русская армия Ренненкампа в августе 1914 года не могла соединиться с 2-й армией Самсонова // Военно-исторический сборник. М., 1920. Вып. IV. С. 33; *Будберг А.* Гумбиннен. Забытый день русской славы. Сан-Франциско, 1938. С. 13.

⁶ Цит. по: *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1926. С. 144.

⁷ Цит. по: Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М., 1939. С. 15.

⁸ Цит. по: *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 408.

⁹ Цит. по: *Будберг А.П.* Указ. соч. С. 14. Судя по историографическим данным, эта фраза Черчилля стала классической, так как ее приводит и Епанчин, писавший свои мемуары в 30-е годы и имевший в это время переписку с Черчиллем, и Касимов, автор вступительной статьи к книге Б. Такман. В комментариях ко второму изданию книги Б. Такман на русском языке указывается, что в 1972 г. Касимов писал свою статью-предисловие «с позиций ортодоксального марксизма». Тем большую значимость получает приводимая цитата У. Черчилля. – *Епанчин Н.А.* Указ. соч. С. 400; *Касимов О.* Указ. соч. С. 29.

¹⁰ *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. С. 59.

¹¹ *Gause F.* General Rennenkampf und sein Stab // Mitteilungen des Vereins für die Geschichte Ost- und Westpreußens. Sonder-schrift 75. Bd. 1. Hamburg, 1993. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe 1926. S. 15.

¹² *Звегинцов В.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну 1914–1920 гг. Таллин, 1936. С. 73.

¹³ ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 96.

¹⁴ *Куберциг К.* Малая хроника города Тильзита. Рук. перевод с нем. Тильзит,

1938. С. 23; *Надольни Э.* Из истории города Тильзита. Исторический обзор. Рук. перевод с нем., 1989. С. 17.

¹⁵ ГАКО. Там же. Л. 96.

¹⁶ Восточно-Прусская операция... С. 16; *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 135; *Такман Б.* Указ. соч. С. 327–329.

¹⁷ Восточно-Прусская операция... С. 23.

¹⁸ *Гофман М.* Записки и дневники. Л., 1929. С. 47.

¹⁹ *Людendorф Э.* Указ. соч. С. 57.

²⁰ *Гофман М.* Указ. соч. С. 48.

²¹ ГАКО. Там же. Л. 95.

²² *Коленковский А.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г. М.–Л., 1927. С. 217.

²³ *Свечин А.* Общий обзор сухопутных операций. Четырехлетняя война и ее эпоха // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 46. С. 37.

²⁴ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 240.

²⁵ *Людendorф Э.* Указ. соч. С. 57.

²⁶ *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 408–409; *Храмов Ф.* Восточно-Прусская операция 1914 г. М., 1940. С. 69.

²⁷ Sanitätsbericht über das Deutsche Heer (deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkrieg 1914/18. Bd. I–III. Berlin. 1934–1938.

²⁸ Ibid. Bd. II. S. 477, 495, 550–552.

²⁹ См., напр.: *Нелипович С.Г.* Россия мертвой хваткой держала своих врагов // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 49–50.

³⁰ *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. СПб., 1994. С. 162.

³¹ *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 20.

³² РГВИА. Ф. 3513. Оп. 2. Д. 229. Л. 96.

³³ *Коленковский А.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г. М.–Л., 1927.

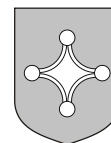
³⁴ РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 92.

³⁵ *Гумилев Н.* Проза. М., 1990.

³⁶ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 259. Л. 53; *Коленковский А.* Указ. соч. С. 10.

³⁷ РГВИА. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.

³⁸ *Гофман М.* Указ. соч. С. 71–72; *Людendorф Э.* Указ. соч. С. 110.

Каушенский бой 6 (19) августа 1914 года

Каушенский бой, ставший для элитной русской конной гвардии первой серьезной пробой сил в начавшейся войне, достаточно подробно описан в эмигрантской литературе, издававшейся во Франции и США в 20–50-х годах прошлого столетия, прежде всего в работах Н.В. Вороновича, А.А. Скрябина и А.П. Будберга. Живыми свидетельствами о сражении являются воспоминания очевидцев – Г.А. Гоштовта и В.В. Звегинцова. О Каушенском бое имеются сведения и в работах исследователей нашего времени – О.Г. Гончаренко, М.И. Оськина, К.А. Пахалюка, составившего подробную библиографию публикаций об этом событии, писателя В.Г. Черкасова-Георгиевского.

Если по материалам вышеназванных авторов нетрудно восстановить сам ход боя, то в оценке действий тех или иных военачальников мнения исследователей зачастую не совпадают. Наибольшей критике подвергались действия командующего Сводным кавалерийским корпусом 1-й русской армии, генерал-лейтенанта Гусейна Хана Нахичеванского.

Атакуя в лоб ландверную бригаду немцев тремя кавалерийскими дивизиями, имея полное превосходство в кавалерии и артиллерии, русские выиграли бой не за счет воинского умения, а благодаря героическому самопожертвованию конногвардейцев. Отсюда – неоправданные потери. Тем не менее бой при Каушене стал первой победой русского оружия в Первой мировой войне.

4 (17) августа 1914 г. 1-я русская армия под командованием генерала от инфантерии Павла Карловича фон Ренненкампа в ходе Восточно-Прусской операции начала наступление в общем направлении на Растенбург (ныне г. Кентшин, Польша) – Кёнигсберг с конечной целью разгромить германские войска в Восточной Пруссии. На правом фланге армии находился Сводный кавалерийский корпус Хана Нахичеванского.

Утром 6 (19) августа генерал Хан Нахичеванский получил сведения о том, что части германского ландвера высадились на станции Шиллен (ныне пос. Жилино Неманского района), и приказ: двигаться из района Драугупёнена (ныне пос. Муравьево Краснознаменского района) через реку Инстер (р. Инструч) в направлении на Инстербург в обход левого фланга германцев, чтобы предотвратить наступление частей ландвера в направлении к району Мешкен – Краупишкен (ныне поселки Малиновка и Ульяново Неманского района). Он направил корпус к Инстеру на узком фронте (до 4 километров) тремя колоннами: слева – снявшаяся с бивуака 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия (нач. генерал-лейтенант Г.О. Раух), в центре – 1-я Гвардейская кавалерийская дивизия (нач. генерал-лейтенант Н.Н. Казнаков), справа – Сводная кавалерийская дивизия (нач. генерал В.К. Бельгард). К этому времени подтвердились сведения, что у населенного пункта Краупишкен сконцентрированы силы немецкой пехоты.

Около 12 часов на подходе к Краупишкену, на левом берегу реки Эйменис (р. Ульяновка), Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк натолкнулся на противника и открыл огонь. Германцы, в свою очередь, сами перешли в атаку и начали артобстрел авангарда 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии – Лейб-Гвардии Уланского полка под командованием полковника А.Е. Арсеньева. Гвардейцы ответили огнем, заставив немцев залечь у деревни Каушен (пос. Кашино, ныне не сущ.; территория Гусевского городского округа). На подмогу Арсеньеву были направлены 5-й и 6-й эскадроны конногренадеров.

Примерно в это же время два эскадрона Лейб-Гвардии Уланского Ее Императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка под командованием полковника Д.М. Княжевича подверглись обстрелу со стороны германской пехоты, занимавшей позиции у хуторов между населенными пунктами Каушен и Опелишкен. Кавалеристам пришлось спешиться и завязать перестрелку. Взвод конной артиллерии, следовавший вместе с кавалерией, развернул орудия у Опелишкена, но после первых выстрелов подвергся мощному обстрелу германской артиллерии со стороны Каушена и Туттельна и прекратил огонь во избежание потерь.

Подавить огневые точки двух германских батарей у Каушена и Туттельна смогли только спустя час, после вступления в бой основных сил 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, и в частности 2-й батареи Лейб-Гвардии конной артиллерии, которая занимала позиции у местечка Шуппиннен (пос. Ветрово, Неманский район). Командир батареи полковник Лев Кирпичев, руководя действиями своих артиллеристов, до конца боя оставался совершенно открытым на устроенном им на крыше дома наблюдательном пункте.

Удачные действия артиллерии, заставившей замолчать германские батареи у Каушена и Туттельна, позволили эскадронам 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии развернуть дальнейшее наступление на Каушен. Однако преодолеть с ходу оборону противника, сосредоточившегося в районе Краупишкен – Каушен, не удавалось. Здесь отличился командир Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка и одновременно командир 1-й бригады генерал-майор Д.А. Лопухин. Не дожидаясь распоряжений уехавшего в тыл генерал-лейтенанта Г.О. Рауха, он приказал эскадронам спешиться и наступать на Каушен. Лопухин постоянно находился в боевых порядках, поднимая дух конногренадеров личным примером.

Противостоявшая русским германская 2-я ландверная бригада под командованием полковника фон Люпина имела в районе Краупишкен – Каушен 5 батальонов пехоты, 10 пулеметов и 12 орудий. (Германцы предполагали, что русские сосредоточили крупные силы в районе южнее Краупишкена, и поэтому решили атаковать здесь противника силами кавалерийской дивизии, усилив ее 2-й ландверной бригадой, переброшенной из Тильзита.)

Около 13 часов 30 минут подошли две другие дивизии русского кавалерийского корпуса. В бой ввязались части Сводной кавалерийской дивизии, действовавшей справа. Командир дивизии генерал В.К. Бельгард решил охватить левый фланг противника, но кавалеристам, встретившим сильное сопротивление, пришлось спешиться и на протяжении дня вести вялый пеший бой.

К этому времени к полю боя вышел Кавалерийский полк 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, которым командовал генерал-майор князь А.Н. Долгоруков.

Несмотря на то что Сводная кавалерийская дивизия генерала В.К. Бельгарда имела преимущество в охвате позиций противника, исход боя оставался непредсказуемым. Попытки продолжить наступление успеха не имели. Немецкая пехота и артиллерия, закрепившаяся на южной окраине деревни Каушен, обрушили шквальный огонь по наступавшим конногвардейцам генерал-майора П.П. Скоропадского (1-я бригада) и генерал-майора князя А.Н. Долгорукова. Под таким огнем атаковать кавалерией было невозможно, и князь Долгоруков отдал команду спешиться за строениями деревни Веркснупёнен, чтобы двинуться на противника, используя тактику пехоты. Три эскадрона, примкнув к карабинам штыки, наступали непривычной для кавалергардов пешей цепью и под плотным артиллерийским огнем немецкой батареи несли большие потери. В первой же, безуспешной, атаке шрапнельной пулей в живот был тяжело ранен шедший впереди цепей полковник князь М.М. Кантакузин, граф Сперанский.

В этих обстоятельствах князь Долгоруков принял решение атаковать батарею стремительным броском конницы 4-го эскадрона под командованием штабс-ротмистра И.Л. Лазарева. Но перед самым Каушеном эскадрон наткнулся на проволочные заграждения вокруг германских позиций, которые было решено обойти с двух сторон: часть 4-го взвода, выйдя к хутору справа, повела атаку прямо через поле, где залегла вражеская пехота, а основные силы эскадрона двинулись влево.

В то же время поручик Дмитрий Кильдишев со своей командой связи вышел к позициям немцев и надетыми на пики ножницами разрезал проволоку, расчистив путь коннице. Эскадрон И.Л. Лазарева возобновил атаку, но наткнулся на еще один ряд проволочных заграждений, который преодолеть уже не смог, попав под шквальный орудийный и ружейный огонь противника. Особенно большой урон кавалерийской элите наносила немецкая батарея, пристрелявшаяся у мельницы Каушена. Эскадрон был расстрелян с близкого расстояния и понес невосполнимые потери. Не решив исхода боя, атака конногвардейцев захлебнулась. Оставшиеся в живых кавалергарды залегли за трупам своих коней, продолжая отстреливаться.

Желая разобраться с ситуацией лично, к полю боя прибыл командир 1-й бригады генерал-майор П.П. Скоропадский, который приказал батарее полковника князя А.Н. Эривова открыть огонь по немецким орудиям у Каушена.

В 14 часов команда связи поручика князя Д.П. Кильдишева передвинулась на правый фланг наступления, к близлежащему хутору, занятому взводом ротмистра Косиковского. Здесь оба офицера приняли решение силами своих взводов штурмом выбить немцев из следующего хутора по дороге на Каушен. Они подняли свои подразделения в штыковую атаку и с криками «Кавалергарды, вперед! Ура!» бросились на врага. Во время атаки ротмистр Косиковский получил ранение в шею, а поручик Кильдишев – смертельное ранение в живот. За свой подвиг князь Дмитрий Павлович Кильдишев был награжден Георгиевским золотым оружием с надписью «За храбрость».

В 14 часов 30 минут генерал-майор А.Н. Долгоруков, подчинив себе все силы, занимавшие позиции у Каушена, лично повел гвардейцев в атаку с криком: «За мной! Вперед! Ура!» Однако атака не удалась: германцы упорно отстреливались, а на левом берегу речки Эйменис даже перешли в наступление, ударив во фланг 2-й гвардейской дивизии.

Около 15 часов генерал-майору П.П. Скоропадскому доложили, что кавалергарды оказались в тяжелом положении. Он приказал выступить Лейб-Гвардии Конному полку во главе с полковником Б.Г. Гартманом, поддержать атакующих огнем должна была 4-я батарея.

Пока этот полк выдвигался, кавалергарды сочли бесполезным атаковать Каушен и двинулись к Опелишкену, где сосредоточился и Лейб-Гвардии Уланский полк. Общее командование принял на себя генерал Д.А. Лопухин, который решил еще раз попытать удачи. Во время атаки он выезжал на передовую, под ураганным огнем ободряя кавалеристов собственным примером. В этом бою погиб его единственный сын – корнет Г.Д. Лопухин.

В это время 3-й эскадрон Конногвардейского полка 36-летнего ротмистра П.Н. Врангеля стоял в прикрытии к коноводам остальных эскадронов полка. Когда пришла просьба поддержать 2-й эскадрон полка, понесший большие потери от неприятельского огня, ротмистр барон Врангель, получив разрешение генерала Хана Нахичеванского, выдвинулся со своим эскадром к боевой линии. Здесь он узнал от артиллеристов, что на позиции у Каушена обнаружены два неприятельских орудия, передки которых были уничтожены огнем конногвардейской батареи полковника князя А.Н. Эривова, эти орудия возможно было взять в случае быстрой атаки.

А в штабе конного отряда нарастала тревога: в бой втягивались все новые и новые резервы, но добиться успеха никак не удавалось.

В 16 часов 20 минут генерал В.К. Бельгард отправил донесение генералу Хану Нахичеванскому: «Веду упорный бой с пехотой, которая теснит сильным огнем».

В этот критический момент командир 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии генерал Николай Николаевич Казнаков вынужден был принять решение бросить на позиции германской артиллерии остававшийся в резерве и охранявший полковое знамя 3-й шефский конногвардейский эскадрон Лейб-Гвардии Конного полка гвардии ротмистра Петра Николаевича Врангеля.

(Вот сведения из его служебной характеристики: «Ротмистр барон Врангель – отличный эскадронный командир. Блестяще военно подготовлен. Энергичный. Лихой. Требовательный и очень добросовестный. Входит в мелочи жизни эскадрона. Хороший товарищ. Хороший ездок. Немного излишне горяч. Обладает очень хорошими денежными средствами. Прекрасной нравственности. В полном смысле слова, выдающийся эскадронный командир».)

Согласно приказу, эскадрон должен был атаковать Каушен в разомкнутом конном строю. Врангель прекрасно понимал, что конная атака на пехотные и артиллерийские позиции, ведущие плотный пулеметно-орудийный обстрел, может стать для всего эскадрона последней. Достичь цели с наименьшими

потерями можно было лишь умело используя складки местности. Прикрываясь перелеском и пригорками, Петр Врангель повел конногвардейцев за собой. Миновав косогор перед деревней, конница эскадрона разделилась. Полуэскадрон во главе с ротмистром Врангелем двинулся на позицию германской батареи, где оставались стоять два невыезженных орудия. Другой полуэскадрон во главе с графом А.П. Беннигсеном свернул направо – на Каушен. Быстро преодолев расстояние, эскадрон вылетел из-за мельницы примерно в 130 шагах от батареи, развернувшись на ходу. Атака оказалась столь неожиданной, что немцы не успели поменять прицел и ударили по наступавшим наудачу.

Этим залпом в эскадроне были убиты все офицеры, кроме командира, и двадцать солдат. Около вражеских траншей от картечи под ротмистром пала лошадь. Барон вскочил на ноги и с шашкой бросился на батарею. В кратковременной рукопашной схватке оставшиеся конногвардейцы сумели захватить вражеские позиции, переломив тем самым ход сражения. В ходе штурма эскадрон захватил 2 орудия и 4 зарядных ящика. Времени было около 17 часов 10 минут.

За конногвардейцами бросились в атаку и спешенные части гвардии. Здесь пример мужества и отваги показал Лейб-Гвардии Конного полка штабс-ротмистр Дмитрий Владимирович Суровцов. Командуя спешенным эскадром, он выбил неприятеля из деревни Каушен, после чего его гвардейцы взяли с боем фольварк, находившийся в 150 шагах от неприятельской батареи, которая впоследствии была захвачена Лейб-Гвардии Конным полком. Несмотря на сильнейший ружейный и артиллерийский огонь противника и понесенные большие потери, конногвардейцы Дмитрия Суровцова удержались на занятой позиции и, отразив контратаку, сами пошли в наступление. Во время этой атаки штабс-ротмистр был убит.

Потеря батареи заставила немцев покинуть свои позиции на левом берегу реки Инстер и отступить к Маттернингкену. Эскадроны полков Сводной кавалерийской дивизии вскоре заняли Мешкен. Развивая успех, 5-й эскадрон 3-го Драгунского полка во главе со своим командиром штабс-ротмистром Роговским по длинной гати, пересекавшей долину реки Инстер, ворвался на правый берег. В 17 часов 20 минут генерал Хан Нахичеванский отдал приказ дивизиям конной группы прекратить бой и расположиться на ночлег в Опелишкене.

«Настроение у нас всех было приподнятое, – вспоминал в эмиграции полковник Василий Кочубей, воевавший в Лейб-Гвардии Кавалергардском полку. – Сознание блестящей победы, одержанной в первом же бою этой войны, да к тому же над германской пехотой, которая численно превосходила все спешенные эскадроны нашей гвардии, заставляло нас временно забыть гибель целого ряда близких нам однополчан – эту дорогую цену нашей сегодняшней победы».

Командир Конного полка полковник Б.Г. Гартман, раненный в бою под Каушеном, в докладе командованию об атаке 3-го эскадрона писал: «Врангель развернулся и с эскадром во главе бросился на врага. Немцы открыли убийственный огонь – и пехотный, и из орудий. Потери были большие. Убит поручик Гершельман, убиты братья Катковы. Корнет Накашидзе ранен шрапнельной

пулей в голову. Но это не остановило прорыва. Эскадрон наскочил на орудия. Последним выстрелом – прямым попаданием картечи – была убита лошадь под Врангелем. В ней потом насчитали 40 пуль, но сам Врангель чудом остался жив. Ротмистр смог добежать до орудий, где шел рукопашный бой. Орудия были взяты». (Позже захваченные орудия были отправлены в Петроград, где оказались на выставке трофеев.)

В итоге Каушенского боя германская 2-я Ландверная бригада была отброшена на правый берег Инстера, потеряла связь со штабом 8-й армии и не смогла принять участия в последовавшем 7 (20) августа сражении у Гумбинена. Она потеряла 66 человек убитыми, 122 человека ранеными и 30 человек пленными.

Успех в бою в районе Каушена русской кавалерии стоил тяжелых потерь: 81 человек был убит, 293 человека ранены и 22 человека пропали без вести. При этом полки Кавалергардский и Конный лишились более половины своих офицеров. Большим оказался и расход боеприпасов. По другим данным, предоставленным генерал-майором Н.Н. Головиным, русские потеряли в Каушенском бою 46 офицеров и 329 нижних чинов. В Лейб-гвардии Кавалерийском полку было убито 10 офицеров и 48 нижних чинов, в Лейб-гвардии Конном полку потери составили 14 офицеров и 38 нижних чинов.

Позднее генерал П.К. фон Ренненкампф дал отрицательную оценку действиям как кавалерии, так и артиллерии. Особенной критике подвергся генерал В.К. Бельгард, который не задействовал в бою всю артиллерию. Хан Нахичеванский непосредственно на поле боя не присутствовал, ограничиваясь раздачей приказов, в том числе приказа об отступлении. Конные атаки корпуса Хана Нахичеванского на окопавшуюся пехоту противника оказывались безуспешными. Проволочные ограждения и другие препятствия затрудняли движение в конном строю, а ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем немецкие войска наносили серьезный урон наступающим. Поэтому с первых же столкновений коннице требовалась огневая помощь конной артиллерии, действующей при этом не по шаблону, установленному для кавалерийского боя.

В романе «Август четырнадцатого» А.И. Солженицын подверг действия Хана Нахичеванского при Каушене резкому осуждению: «Армия Ренненкампфа была всего три корпуса, но к ней придано – пять с половиной кавалерийских дивизий, вся гвардейская кавалерия, цвет петербургской аристократии. И командовавший ею Хан Нахичеванский получил приказ: идти по немецким тылам и рвать коммуникации, тем лишая противника передвижений по Пруссии. Но едва он двинулся 6 августа – сбоку показалась всего одна немецкая второстепенная Ландверная бригада, 5 батальонов. И вместо того, чтобы мимо неё, заслонясь, спешить по глубоким немецким тылам, – Хан Нахичеванский под Каушеном ввязался в бой, да какой – сбил на 6-вёрстном фронте четыре кавалерийских дивизии, и не охватывал бригады с флангов на конях, но спешил кавалерию и погнал её в лоб на пушки – и понёс ужасающие потери, одних офицеров больше сорока, – сам же просидел бой в удалённом штабе, а к вечеру и всю конницу отвёл далеко назад. И тем – пригласил немцев двигаться на пехоту Ренненкампфа».

Действительно, Каушенское сражение, которое разворачивалось как комбинированный бой, свелось к фронтальному удару. И хотя, благодаря мужеству русских конногвардейцев, 2-я Ландверная бригада немцев была отброшена на правый берег Инстера, отошедший противник не подвергся преследованию. Напротив, конница отступила. Нежелание продолжить боевые действия против потрепанных немецких ландверов Хан Нахичеванский объяснил обескровленностью уставших эскадронов и отсутствием должного количества боеприпасов. Так или иначе, но в Гумбинненском сражении правый фланг 1-й русской армии, по причине отсутствия здесь конной гвардии Хана Нахичеванского, был заметно ослаблен, что привело к серьезным потерям.

Есть и иные оценки, которые сводятся примерно к следующему. Несмотря на то что до событий Мировой войны военные теоретики проводили мысль о невозможности конной атаки на пехотные позиции при современной плотности огня, ротмистр Петр Врангель в первом же крупном бою атаковал боеспособную пехоту, поддержанную артиллерийской картечью, и одержал яркую победу, показав, что может конница даже при лобовом наступлении при условии господства своего артиллерийского огня.

Фотографии барона Врангеля появились на страницах «Летописи войны» – популярного иллюстрированного военного журнала. Его карьера стремительно пошла вверх. За эту атаку он получил орден Святого Георгия 4-й степени, хотя в свете еще долго ходили слухи о том, что государь выразил сомнение по поводу его решения атаковать, которое будто бы счел безрассудным. В представлении же к награждению было указано: «Стремительно произвел военную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил два орудия, причем последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь».

Во многом благодаря атаке неприятельской батареи в Каушене ротмистром Врангелем и реакции на это самого Государя бой не остался незамеченным, хотя победа далась большой кровью. Весть о Каушенском бое быстро разошлась по всему высшему обществу, поскольку в гвардии служили представители многих знатных фамилий, награжденные орденами Святого Георгия.

Согласно приказу по 1-й армии за смелую сабельную атаку у Каушена, помимо П.Н. Врангеля, ордена Святого Георгия 4-й степени были удостоены: полковник Конной гвардии князь А.Н. Эристов, командир Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка генерал-майор Д.А. Лопухин, командир 2-й батареи Лейб-Гвардии Конной артиллерии полковник Л.Н. Кирпичев, командир эскадрона Лейб-Гвардии Конного полка штабс-ротмистр Д.В. Суровцов (посмертно), полковник Б.Г. Гартман, полковник А.Е. Арсеньев, генерал-майор П.П. Скоропадский, полковник Д.М. Княжевич, генерал-майор А.Н. Долгоруков, штабс-ротмистр великий князь Дмитрий Павлович и другие. Следует отметить и награжденного Георгиевского крестом 4-й степени рядового Лейб-Гвардии Конного полка Ивана Ломпика, который трижды под плотным пулеметным огнем обеспечивал доставку боеприпасов своим однополчанам.

23 августа (5 сентября) 1914 г. в Инстербурге на Альтер Маркт (ныне пл. Ленина в г. Черняховске) были проведены полевое богослужение и парад

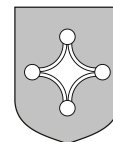
конной гвардии 1-й русской армии. Здесь, во время парада, который принимал командующий армией П.К. фон Ренненкампф, ротмистру барону П.Н. Врангелю, в числе других отличившихся в бою, и был вручен орден.

О героической конной атаке прусской батареи заговорила не только русская, но и союзническая печать, поскольку в этом первом столкновении с обеих сторон участвовали элитные гвардейские полки. В парижских и лондонских газетах широко освещалось это событие. Отмечалось, что сам Петр Врангель не погиб исключительно благодаря чуду: когда последним выстрелом орудия почти в упор под ним была убита лошадь, его из седла перекинуло через пушку, но он остался цел. А солдаты 3-го эскадрона после этого дела были уверены, что их командир заморожен и немецкая пуля его не берет!

Вероятно, главным результатом Каушенского боя стало значительное повышение боевого духа армии. Гвардия поверила в свои силы, а миф о непобедимости немцев был развеян. Участник этих событий полковник Г.А. Гоштовт, в то время молодой офицер Лейб-Гвардии Кирасирского полка, в своей книге «Каушен» писал: «Судьба привела меня быть свидетелем и участником боя, в котором полки и батареи Гвардейской конницы, овеянные романтикой своих вековых историй, спаянные любовью к родимым частям, дружбой и традициями – показали неизмеримую высоту доблести и воинского духа...»

Литература

1. Александров К. Русская Императорская Гвардия: август 1914-го // Звезда. 2013. №11.
2. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917) // История государства. URL: http://statehistory.ru/books/E--Z--Barsukov_Artilleriya-russkoy-armii--1900-1917-gg--/81.
3. Воронович Н.В. Каушенский бой // Дни. 1924. 10 авг.
4. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы / В.И. Гальцов, В.С. Исупов, В.И. Кулаков и др. Калининград: Кн. изд-во, 1996.
5. Гершельман А.С. Каушен // Военная быль. 1965. № 72. С. 16–20.
6. Головин Н.Н. Начало войны и операция в Восточной Пруссии. Т. 1. Прага, 1926.
7. Гоштовт Г.А. Каушен. Париж, 1931.
8. Коленковский А. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М.: Воениздат НКО СССР, 1940.
9. Кочубей В.В. Ночь после Каушенского боя // Военная быль. 1960. № 42. С.5–10.
10. Пахалюк К.А. Безликая война // Международная военно-историческая ассоциация. URL: <http://www.imha.ru/1144535925-bezli-kaya-voyna.html>.
11. Пахалюк К.А. «Гвардия не сдается» (Каушенский бой 19 августа 1914 г.) // Герои Первой мировой. URL: <http://hero1914.com/kaushenskij-boj-196-avgusta-1914-goda/>.
12. Солженицын А.И. Август четырнадцатого. Книга 1. М.: Время, 2007.
13. Черкасов-Георгиевский В.Г. Историко-библиографическое обоснование мемориального увековечивания победной атаки у Каушена 6/19 августа 1914 года конногвардейского эскадрона ротмистра барона П.Н.Врангеля // Меч и трость. URL: <http://apologetika.eu/print.php?sid=2534>.

Распоряжения русской военной администрации для жителей Инстербурга в августе-сентябре 1914 года*

Одним из городов провинции Восточная Пруссия, занятым в ходе русского наступления в августе 1914 г., стал Инстербург (Черняховск). Утром 24 августа 1914 г. здесь появились первые казачьи разъезды, а в 13 часов 50 минут командир 98-го Юрьевского полка В.А. Желтышев донес, что полк «дошел головой авангарда до западной окраины гор. Инстербурга»¹.

Вскоре оставшиеся в городе немецкие жители смогли ознакомиться с объявлением: «Настоящим русское военное руководство удостоверяет, что господин д-р Макс Бирфройнд назначен губернатором города Инстербурга. Инстербург, 24 августа 1914 г. Генерал-адъютант Его Императорского Величества, генерал от кавалерии фон Ренненкампф»². Доктор Макс Бирфройнд (1865–1927) с 1913 г. являлся городским советником³ и оказался одним из немногих должностных лиц, оставшихся в Инстербурге после отступления немецких частей. Вероятно, это, вместе с присущей ему энергичностью⁴, и предопределило его назначение на пост губернатора города.

Ниже располагалась прокламация следующего содержания:

«К жителям Инстербурга и беженцам Восточной Пруссии!
Каково наше положение?»

Враг продвинулся до нашего города и в дальнейшем будет удерживать его – при известных условиях, до окончания войны, – заняв на длительное время [органами] командования и воинскими частями. Любое неповиновение их распоряжениям неизбежно повлечет за собой строгое наказание со стороны русского военного коменданта города. Кроме того, из числа наших жителей вплоть до окончания войны для гарантии мирного поведения гражданского населения должны быть выдвинуты 3 заложника или поручителя, которым придется заплатить жизнью за любое посягательство гражданских лиц на русскую армию. Поскольку трое этих поручителей будут выдвигаться нами вплоть до окончания войны, я постановляю, что по три поручителя будут вызываться на срок 24 часа в порядке очередности. Так как срок поручительства трех добровольцев: городского советника **Кецлера**, архитектора **Лаурината** и метрдотеля **Удау** – истекает 26.8 в 10 часов, то впредь по три следующих поручителя будут назначаться **мною**. Тот, кто не будет пунктуально исполнять мое письменное распоряжение о принятии на себя обязанностей по поручительству,

будет принудительно доставлен русским военным караулом, назначенным для охраны поручителей.

Я ещё раз призываю всех **немедленно** сдать в полицейский участок любой вид огнестрельного оружия. Тот, у кого в дальнейшем будет найдено какое-либо огнестрельное оружие, незамедлительно подвергнется строгому наказанию, то есть будет сразу же расстрелян.

Я уполномочиваю домовладельцев немедленно открыть покинутые съемщиками квартиры, под свою ответственность осмотреть их на предмет наличия огнестрельного оружия и сдать найденное оружие в полицейский участок. Равным образом должно быть сдано в полицейский участок найденное бесхозным оружие, особенно немецкие или русские боевые винтовки.

Кроме того, я предупреждаю каждого, кто попытается присвоить какие-либо найденные предметы русского военного снаряжения (боеприпасы, оружие, погони и т.п.), что при обнаружении таких предметов их обладатель также рискует быть наказанным строжайшим образом русским командующим.

Инстербург, 25 августа 1914 г. Губернатор д-р Бирфройнд»⁵.

Основные положения этого распоряжения соответствовали общей политике, проводившейся русскими военными властями на территории провинции Восточная Пруссия. Взятие заложников практиковалось при занятии других населенных пунктов. В Велау (пос. Знаменск) русская военная комендатура с 27 августа постоянно держала во исполнение своих приказов двух заложников⁶. Обычной практикой было взятие заложников для обеспечения уплаты наложенной на город контрибуции – например, в Лике⁷ (г. Элк, Польская Республика). Служащий городской администрации Инстербурга О. Хаген в своих воспоминаниях писал: «Чтобы обеспечить безопасность русских, потребовали выставить заложников, сначала это было 3 человека, потом их число заметно возросло. Эти заложники жили в ратуше взаперти, менялись каждые 24 часа и гарантировали своей жизнью лояльность населения»⁸. При этом следует отметить, что случаев расстрела заложников за весь период нахождения на территории Восточной Пруссии русских войск не было.

Сдача оружия и военного снаряжения относились к мероприятиям, которые проводила любая армия на занятой территории. В Велау аналогичное распоряжение гласило: «Оружие любого вида [надлежит] немедленно сдать в канцелярию бургомистра. Тот, кто будет встречен с оружием или будет стрелять куда-либо, будет казнен через повешение»⁹.

27 августа в Инстербурге было опубликовано следующее распоряжение:

«Приказ комендатуры.

Согласно заявлению комендатуры, вчера вечером из дома Дренгвица на Банхофштрассе был произведен выстрел; поэтому военная комендатура распорядилась о следующем:

1. Если еще раз из какого-нибудь дома будет произведен выстрел, то будет сожжен этот дом, если будет произведен следующий выстрел, то будут сожжены дома вдоль всей улицы, а при третьем выстреле – весь город.

2. Любое лицо, без различия возраста и пола, будет задержано русским патрулем, если появится на улице после 8 часов вечера.

* Выступление на Разумновских чтениях 2013 г.

3. Я строжайше запрещаю приближаться к военным зданиям или складам, а также рекомендую как можно дальше держаться от всех прочих домов, перед которыми выставлены военные посты.

Инстербург, 27 августа 1914 г. Губернатор д-р Бирфройнд»¹⁰.

Угроза сжигать строения за любой одиночный выстрел являлась стандартной в распоряжениях русских военных властей. Известно «Объявление всем жителям Восточной Пруссии», обнародованное 18 августа 1914 г. за подписью командующего 1-й армией генерала П.К. Ренненкампа:

«По предоставленной мне власти объявляю:

1. Всякое сопротивление, оказываемое императорским войскам Российской армии мирными жителями, – будет беспощадно караться, невзирая на пол и возраст населения.

2. Селения, где будет проявлено хоть малейшее нападение или оказано мирными жителями сопротивление войскам или их распоряжениям, немедленно сжигаются до основания.

Если же со стороны жителей Восточной Пруссии не будет проявлено враждебных действий, то всякая даже малейшая оказанная ими Российским войскам услуга будет щедро оплачиваться и награждаться. Селения же и имущество будут охраняться в полной неприкосновенности»¹¹.

Это отнюдь не было пустой угрозой: подобные меры реализовывались на практике. В донесении П.К. Ренненкампа командующему Северо-Западным фронтом Я.Г. Жилинскому от 25 августа 1914 г. отмечено: «...поступают редкие донесения [об] одиночных выстрелах из селений по войскам. Все селения, откуда стреляют, сжигаются, о чем население оповещено»¹². Они были претворены в жизнь и в Инстербурге, о чем свидетельствует предельно лаконично и жестко сформулированное распоряжение от 11 сентября:

«В ходе служебного расследования командованием русской императорской армии установлено, что вчера, во время кружения над городом Инстербургом русского и немецкого аэропланов, из фабрики Браше жителями Инстербурга были произведены револьверные выстрелы.

Его превосходительство генерал Ренненкампф приказал мне объявить, что в случае повторения соответствующие дома и улицы будут преданы огню так же, как еще горящая в настоящий момент фабрика Браше»¹³.

Руины сгоревшей чугунолитейной фабрики Браше были запечатлены на немецкой фотографии, опубликованной в серии «Война на Востоке» как один из символов ущерба, нанесенного войной провинции Восточная Пруссия.

Что касается установления комендантского часа, то это является стандартным мероприятием в районах военных действий. 7 сентября приказ о комендантском часе в Инстербурге был значительно ужесточен распоряжением губернатора:

«Я получил **строжайший приказ**, что отныне **все гражданские лица** без исключения, то есть даже члены городской милиции, Красного Креста и т.д., будут немедленно расстреляны, если появятся на улице с 8 часов вечера до 5 часов утра. Только в случае пожара члены городской милиции имеют право и обязанность поспешить ночью на пожар и помогать при его тушении»¹⁴.

Судя по всему, подобная мера была обусловлена ухудшением обстановки на фронте – 6 сентября немецкая 8-я армия перешла в контрнаступление против русской 1-й армии.

Аналогичные распоряжения также отдавались и в других немецких городах. В Тильзите (Советск) доступ в город был разрешен только с 7 часов утра до 8 часов вечера; с 9 часов вечера горожане должны были находиться в домах, в противном случае они подлежали аресту. В Велау предписание гласило: «В ночное время до 7 часов утра на улицах города не может находиться ни одно гражданское лицо. Поступающие вопреки запрету будут наказаны и, кроме того, подвергаются опасности быть расстрелянными на месте»¹⁵.

К данным распоряжениям примыкает запрет появляться на крышах домов и подавать какие-либо знаки самолетам. По этому поводу было издано следующее распоряжение губернатора Инстербурга от 8 сентября:

«Сегодня в первой половине дня было замечено, что во время кружения аэроплана над нашим городом многие лица находились на крышах и рассматривали его в бинокли, а также подавали ему знаки и сигналы, когда с аэроплана было что-то сброшено.

Поскольку действия этих лиц легко могут быть истолкованы так, будто население хочет подобным образом установить связь с аэропланом, а через него с внешним миром, я получил строжайший приказ **безоговорочно запретить подниматься на крыши и башни**»¹⁶.

Ряд распоряжений был направлен на поддержание дисциплины русских солдат. Уже на следующий день после вступления русских войск в Инстербург, 25 августа, население города было извещено губернатором: «Действовавший до сих пор всеобщий запрет наших военных властей на продажу алкогольных напитков оставлен в силе русскими военными властями; таким образом, запрещение наших военных властей не только не отменено, но, напротив, еще более ужесточается, поэтому все осуществлявшие торговлю алкогольными напитками заведения должны оставаться закрытыми и любая попытка самовольно приобрести содержащие алкоголь жидкости будет немедленно наказана комендантом как посягательство на русскую армию»¹⁷. Этот запрет был ужесточен 3 сентября: «Поскольку мною вновь были замечены отдельные случаи пьянства русских солдат, я обещаю соответствующее вознаграждение тому, кто сообщит мне о торговце алкогольными напитками (водка, ликер, вино и т.п.)»¹⁸. Аналогичные запреты действовали в Гумбинне и Тильзите¹⁹.

Что касается частных вопросов регулирования городской жизни вообще и торговли в отдельности, то они составляли прерогативу гражданских властей. Русская военная администрация занималась ими сравнительно редко. В этом смысле показательно обращение от 25 августа, состоящее из двух частей. Первая из них дословно повторяла обращение П.К. фон Ренненкампа к жителям Восточной Пруссии и первое распоряжение губернатора Инстербурга М. Бирфройнда, а вторая была посвящена текущим вопросам управления городским хозяйством. В частности, всем владельцам торговых заведений, особенно торгующих продуктами питания, предписывалось незамедлительно открыть их и «находиться в лавках при любых обстоятельствах». Все рабочие и служащие должны были незамедлительно вернуться к исполнению своих

обязанностей, поскольку в противном случае они могли быть принуждены к этому русскими военными властями. Беженцы, оказавшиеся в Инстербурге, должны были по возможности отправиться к местам своего постоянного проживания и т.д.²⁰ Любопытно, что через неделю от имени русского коменданта было издано следующее предписание:

«1. Все магазины города обязаны вести торговлю с 19 августа (1 сентября) с 8 часов утра и до 6 часов вечера. В торговых заведениях, владельцы которых отсутствуют, продажа должна быть организована по предписанию городского управления. Товары в торговых заведениях, которые не откроются к указанному времени, будут конфискованы, владельцы же будут оштрафованы на 3000 марок и, помимо того, арестованы.

2. Цены не должны повышаться и должны оставаться такими же, как до вступления императорской армии в Восточную Пруссию; виновные будут оштрафованы на 3000 марок и арестованы»²¹.

Это говорит о том, что не все владельцы торговых заведений выполнили предписание от 25 августа.

В тот же день М. Бирфройнд издал распоряжение, направленное против повышения цен для русских военнослужащих: «Его превосходительство господин генерал от кавалерии фон Ренненкампф предъявил мне жалобу на то, что с его солдат при покупке даже незначительных мелочей (перочинных ножей, кошельков, сигарет и т.д.) требуют несоразмерно высокие цены. Я обещал Его превосходительству безотлагательную помощь и приказываю, чтобы отныне для солдат были установлены только вполне умеренные цены»²².

Кроме того, русские военные власти регулировали курс рубля по отношению к марке, поскольку на занятой русскими войсками территории имели хождение обе эти денежные единицы. Так, 31 августа в Инстербурге было издано распоряжение: «Верховный главнокомандующий, генерал Великий князь Николай приказал, чтобы рубль при платежах принимался за 2,50 марки. Нарушители будут наказаны денежным штрафом в 3000 марок и немедленным арестом»²³. Любопытно, что уже после отступления русских войск, 16 сентября, М. Бирфройнд еще раз подтвердил, что рубль остается платежной единицей (правда, с понижением курса): «Довожу до сведения, что сегодня курсовая цена рубля – 2,00 марки. Я еще раз предлагаю всем коммерсантам, а также посланным на еженедельную ярмарку крестьянам безусловно принимать русские деньги по этому курсу, так как в противном случае я закрою с полицией магазины, а крестьяне будут удалены с рынка вместе с их продуктами»²⁴. Едва ли не единственным распоряжением по мелкому хозяйственному вопросу является следующий документ:

«Генерал-адъютант Его императорского Величества, генерал от кавалерии фон Ренненкампф приказывает, чтобы все женщины за плату стирали белье военнослужащих русской армии.

Инстербург, 28 августа 1914 г. Губернатор д-р Бирфройнд»²⁵.

11 сентября 1914 г., в середине дня, русские части, отступая под натиском немецких войск, оставили Инстербург. 16 сентября регирунгспрезидент округа Гумбиннен отметил в отчете: «...ущерб в городе Инстербурге, который занимали русское верховное командование под начальством генерала Ренненкампфа

и некоторое время также Верховный главнокомандующий Николай, очень незначителен, здесь, как и в Гумбиннене, войска соблюдали очень хорошую дисциплину»²⁶. В обеспечении порядка в городе сыграли свою роль и отдаваемые русской военной администрацией распоряжения. В них затрагивались, прежде всего, вопросы непосредственного обеспечения безопасности русских войск: взятие заложников, строгая ответственность в случае оказания сопротивления русским войскам, обязанность сдачи огнестрельного оружия населением и т.п. Сюда же относились меры по поддержанию воинской дисциплины (категорический запрет на продажу русским военнослужащим спиртных напитков). В то же время практически отсутствуют (за редким исключением) распоряжения, касающиеся хозяйственной жизни. Это было связано с тем, что подобные вопросы оставались в ведении местной немецкой администрации. Обращает на себя внимание и то, что, несмотря на суровость декларируемого наказания для нарушителей предписаний (расстрел, сожжение домов), в реальной практике эти меры применялись исключительно редко. Следует отметить и особенность отдачи распоряжений: за редким исключением, они отдавались непосредственно от командующего 1-й армией или коменданта города, а при посредничестве губернатора Инстербурга. «Все требования и распоряжения русской комендатуры, – свидетельствует О. Хаген, – передавались д-ру Бирфройнду, который должен был срочно объявлять о них при помощи плакатов и контролировать их выполнение»²⁷. Тем самым М. Бирфройнд, будучи главой гражданской администрации города, выступал в двух ипостасях: отдавая текущие распоряжения по гражданским делам, он одновременно являлся лицом, от имени которого до населения доводились распоряжения русских военных властей. Надо отдать ему должное – в сложной обстановке он сумел добиться доверия русской военной администрации и успешно разрешал периодически возникавшие конфликты.

Примечания

¹ Постников Н.Д. 1-я армия Ренненкампфа: битва за Восточную Пруссию. М., 2012. С. 181; Хаген О. Русские в Инстербурге // Надровия. 2003. № 3. С. 9.

² Beiträge zum Einfall der Russen in Ostpreußen 1914. Aus der Russenzeit in Insterburg. Insterburg, 1914. Teil I. Nr. 1. (Далее – Aus der Russenzeit in Insterburg).

³ Altpreußische Biographie. Marburg, Lahn, 1974. Bd. I. S. 57.

⁴ См. Хаген О. Указ. соч. С. 9.

⁵ Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 1.

⁶ Карпов В. Велая в 1914 году // Наша жизнь. 1994. 12 марта. С. 3.

⁷ Lindeblatt B. Preußenland. Die Geschichte Ost- und Westpreußens 1701–1945. Kiel, 2001. S. 168.

⁸ Хаген О. Указ. соч. С. 10.

⁹ Brackmann A. Russische Behördenanlasse // Ostpreußische Kriegshefte. Berlin, 1915. H.1. Die August- und Septembertage 1914. S. 85.

¹⁰ Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 5.

¹¹ Восточно-Прусская операция. М., 1939.

С. 252. В публикации подпись П.К. ф. Ренненкампфа отсутствует, но она имеется в факсимиле обращения. См. Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 1.

¹² Восточно-Прусская операция. М., 1939. С. 219.

¹³ Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 23.

¹⁴ Ibid. Nr. 21.

¹⁵ Brackmann A. Op. cit. S. 83.

¹⁶ Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 22.

¹⁷ Brackmann A. Op. cit. S. 88.

¹⁸ Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 15.

¹⁹ Brackmann A. Op. cit. S. 87–89.

²⁰ Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 2.

²¹ Ibid. Nr. 12.

²² Ibid. Nr. 11.

²³ Ibid. Nr. 12.

²⁴ Цит. по: Кассина Т., Сечкин Д. Инстербург. Август четырнадцатого // Надровия. 2003. № 3. С. 17.

²⁵ Aus der Russenzeit in Insterburg. Teil I. Nr. 8.

²⁶ Государственный архив Калининградской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 66–67.

²⁷ Хаген О. Указ. соч. С. 9.

Еще раз о параде 5 сентября 1914 года, или Романовы в Инстербурге*

Из большого количества открыток, выпущенных в Германии и посвященных событиям Первой мировой войны в Восточной Пруссии, нас интересует серия из пяти открыток, выпущенная инстербургским издательством Р. Готтвальдта. На открытках, снятых немецким фотографом, можно видеть шеренги солдат в русской форме. Надпись на одной из них гласит: «Русский парад в Инстербурге 5 сентября 1914 г.» [«Russische Parade in Insterburg am 5. Sept. 1914»]. Сразу возникает вопрос: что это за событие и кто участвует в этом параде? Ответ на него находим в еженедельном издании «Летопись войны 1914 года»¹. На фотографии, снятой уже русским фотографом, изображено то же событие. Под фотографией надпись: «Восточная Пруссия. Парад Кавалергардам и Конной гвардии в гор. Инстербурге».

В строю стоят два самых элитных кавалерийских полка русской императорской гвардии: Кавалергардский полк Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны² (старшинство полка – с 11 января 1799 г., шеф полка – императрица Мария Федоровна; командир – генерал-майор князь А.Н. Долгоруков; полковой праздник – 5/18 сентября, в день святых Захария и Елизаветы); Лейб-Гвардии Конный полк (старшинство полка – с 7 марта 1721 г., шеф полка – император Николай II, командир полка – генерал Свиты Его Величества генерал-майор П.П. Скоропадский, затем полковник Б.Г. Гартман, полковой праздник – 25 марта / 7 апреля, в день Благовещения).

Это был второй поход полков в Восточную Пруссию. В первый раз в составе русской императорской гвардии полки приняли участие в войне с Наполеоном в 1807 г. Именно унтер-офицер Кавалергардского полка Егор Иванович Митрохин за отличие во Фридландском сражении стал первым кавалером Знака отличия Военного ордена Святого Георгия³. А во время заключения Тильзитского мира, вместе с батальоном Преображенского полка, полуэскадрон кавалергардов под командованием ротмистра Левашова представлял русскую армию на смотре, устроенном двумя императорами.

И вот лето 1914 г. В Сараеве⁴ убит эрцгерцог Фердинанд. Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии. В Российской империи предпринимаются попытки оградить Сербию.

Вечером 30 июля русская гвардия получает приказ о всеобщей мобилизации, которая была объявлена в ночь с 30 на 31 июля. 3 августа, после полкового молебна и церемониального марша, полки гвардии направляются на фронт. Первые эшелоны отошли с Варшавского вокзала в ночь с 3 на 4 августа.

1-я Гвардейская кавалерийская дивизия прибыла к местам своих назначений 6 августа 1914 г. Кроме указанных полков, в нее входили и два Лейб-Гвардии

Кирасирских полка, составлявших 2-ю бригаду. По боевому расписанию дивизия была включена в кавалерийский отряд генерал-лейтенанта Хана Нахичеванского, составлявший правую группу армейской конницы 1-й русской армии.

Закончив высадку к 15 часам 7 августа, гвардейская кавалерия (1-я и 2-я Гвардейские кавалерийские дивизии) к вечеру этого дня заняла свои позиции в районе станции Пильвишки. В течение следующей недели гвардейцы принимали участие в разведывательных операциях на северном фланге 1-й армии.

16 августа кавалерийский отряд Хана Нахичеванского, в составе 76 эскадронов при 42 конных орудиях и 32 пулеметах, к 11 часам сосредоточился в районе города Владиславова⁵. Оставив обозы во Владиславове, к 15 часам 1-я Гвардейская кавалерийская дивизия, переправившись через реку Шешупе в районе Будупёнена⁶, вошла в пределы Германии.

1-я бригада 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, которую и составляли кавалергарды и конногвардейцы, участвовала в боевых действиях в составе 1-й русской армии вплоть до 1 сентября. Получив приказ об отправке бригады в крепость Ковно, 2 сентября она прибыла в Инстербург. Полки были размещены в немецких казармах. Кавалергардам достались казармы 9-го конно-егерского полка.

О впечатлениях пребывания в Инстербурге делится в своей книге корнет (на тот момент) 3-го эскадрона Кавалергардского полка Владимир Николаевич Звегинцов (11.02.1891–27.04.1973):

«...Казармы были в перестройке и далеко еще не были закончены. Тем не менее они поражали своей благоустроенностью. В особенности были хороши конюшни.

Большинство офицеров разместилось в городе в гостиницах. Было приятно после долгих дней лишений очутиться в культурной обстановке.

В Инстербурге стоял штаб 1-й армии. Город был в полном порядке. Гостиницы, рестораны и большинство магазинов были открыты и бойко торговали. Кроме воинских патрулей, порядок среди местного населения поддерживался особой милицией, набранной из городских жителей, во главе которой был поставлен член городского самоуправления Бирфройнд.

Странно было в таком типичном немецком городе видеть почти исключительно русских военных и всюду слышать русскую речь, расплачиваться русскими деньгами и чувствовать себя в чужом и чуждом городе как дома»⁷.

В Инстербурге полки располагались до 6 сентября, там же 5 сентября 1914 г. состоялся парад.

Но вернуться к упомянутому в начале статьи открыткам. На двух из них редактор инстербургского издательства сделал соответствующие надписи, обозначив двух генералов, принимавших парад: «1. General Rennenkampf» [генерал Ренненкамф], «2. Großfürst Nicolai» [великий князь Николай].

Попробуем разобраться, кто все же изображен на открытках.

Если личность первого, командующего 1-й армией, не вызывает сомнения, так как штаб армии находился в Инстербурге, то второй вряд ли мог быть в этом городе в данное время.

* Выступление на Разумновских чтениях 2009 г.

Вспомним, кто же такой великий князь Николай Николаевич.

В отличие от своего отца, тоже Николая Николаевича, звался он Николаем Николаевичем младшим. Родился он в Петербурге 6 ноября 1856 г. и приходился внуком императору Николаю Павловичу. Свою карьеру великий князь посвятил армии. В возрасте 15 лет был зачислен юнкером в Николаевское инженерное училище. В 1876 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба с серебряной медалью. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., состоял для особых поручений при своем отце-главнокомандующем и генерале Драгомирове. За участие в занятии Шипкинского перевала был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». С 6 мая 1884 г. – командир Лейб-Гвардии Гусарского полка, с 10 ноября 1890 г. – командир 2-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, с 11 декабря 1890 г. – 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, в 1895–1905 гг. – генерал-инспектор кавалерии, с 1905 г. – главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и председатель Совета государственной обороны. Провел пересмотр Положения о полевом управлении войсками и разработку нового Устава в 1908 г. Постоянно вмешивался в работу военного и морского министров, что создавало разноречивость в управлении войсками.

2 августа (20 июля) 1914 г. был назначен Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами. И его ставка находилась в Барановичах. Нигде в доступных русских источниках я не встречал упоминания о посещении Инстербурга Главкомом. Более того, нигде не встречается упоминание, что в период с 27 августа по 10 сентября Николай Николаевич покидал ставку. И вряд ли могло быть так, чтобы Главком, бросив руководство всеми русскими войсками, т.е. тремя фронтами, прибыл в штаб одной из армий. Это маловероятно.

Да и упомянутый ниже владелец отеля «Дессауэр хоф» пишет, что великому князю были выделены апартаменты 27 августа, через день после того, как там разместился штаб 1-й русской армии, и высокий гость пребывал в Инстербурге все время, пока штаб находился в городе⁸. Не слишком ли расточительное времяпровождение для Верховного главнокомандующего?

Еще более можно утвердиться в убеждении, что главком не был в Инстербурге, вновь обратившись к книге В.Н. Звегинцова «Кавалергарды в великую и гражданскую войну». Автор дает довольно интересную информацию об известном параде:

«5 сентября бригаде был назначен парад. К 10 часам, в ожидании командующего 1-й армией, на городской площади выстроились в пешем строю оба полка.

Много народа собралось вокруг посмотреть на невиданное зрелище. Раздалась команда. Под звуки полковых маршей генерал от кавалерии фон Ренненкампф обходил строй, здороваясь с полками, и благодарил их за боевую работу. По окончании молебна перед строем были вызваны представленные к Георгиевским крестам и медалям Кавалергарды и Конногвардейцы и командующий армией Именем Государя Императора раздал первые боевые награды.

По окончании церемониального марша полки разошлись по квартирам под звуки трубачей и вызванных песенников»⁹.

Нигде в цитируемом отрывке не упоминается великий князь Николай Николаевич. Думается, такое событие, как посещение парада Верховным главнокомандующим, не осталось бы без внимания автора. Да и награды от имени императора отличившимся нижним чинам должен вручать старший воинский начальник. Выходит, что на параде таковым являлся командующий армией генерал от кавалерии П.К. Ренненкампф.

Наиболее вероятным спутником Ренненкампфа мог быть командир 1-й бригады. Временно исполняющим обязанности командира бригады на тот момент был генерал-майор П.П. Скоропадский (командир конногвардейцев). В этой должности он был утвержден 3 (16) октября 1914 г. Хотя не исключена возможность, что это мог быть и генерал-лейтенант Хан Нахичеванский, который вечером 22 августа (4 сентября) выехал с места квартирования в штаб армии. Кроме того, спутником командарма мог быть и командир кавалергардов князь Долгоруков, а также начальник штаба армии генерал-лейтенант Г.Г. Милеант.

Надо полагать, внешность Главковерха ввела немецкого фотографа в заблуждение. Николай Николаевич (младший) отличался высоким ростом, как и большинство Романовых.

А что же все-таки великий князь? И был ли кто-то из великих князей в Инстербурге? Тем более что в воспоминаниях Германа Торнера, владельца отеля «Дессауэр хоф», мы читаем:

«На следующий день, 27 августа, когда было все распределено, в мой отель въехал также великий князь Николай Николаевич. В противоположность Ренненкампфу, он был худощавым, высоким мужчиной. Великий князь поселился в так называемой башенной комнате на 4 этаже, оборудованной под рабочий кабинет. ...Великий князь, к которому все обращались «Ваше Высочество», жил очень уединенно и много работал»¹⁰.

Это еще раз подтверждает абсурдность пребывания Николая Николаевича в Инстербурге. Главнокомандующий русской армией должен быть в гуще событий, а не жить затворником, да еще на 4-м этаже.

Возможно, кто-то из других великих князей с именем Николай бывал в Инстербурге.

Если посмотреть генеалогию Российского Императорского Дома, можно обнаружить Николая Михайловича (1859–1919), который так же, как и Николай Николаевич, приходился двоюродным дядей императору Николаю II и внуком Николаю I. Великий князь был неординарной личностью: коллекционер и историк, председатель Русского исторического общества, – но об этом надо говорить отдельно. С военной службы он ушел в 1903 г., однако с началом Великой войны был откомандирован Николаем II в штаб Юго-Западного фронта, т.е. на противоположный фланг, и, следовательно, не мог находиться одновременно на разных участках фронта.

И все-таки Романовы были участниками боевых действий в Восточной Пруссии. Прежде всего, это братья Константиновичи, дети русского поэта и инспектора военных училищ великого князя Константина Константиновича, или К.Р., как он подписывал свои произведения. Трое братьев – Гавриил (03.07.1887–28.02.1955), Олег (15.11.1892–29.09.1914) и Игорь (29.05.1894–16.07.1918) –

служили в Лейб-Гвардии Гусарском полку 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Эта дивизия прошла с боями, минуя Инстербург. А вот их старший брат Иоанн (23.06.1886–17.07.1918) был офицером Лейб-Гвардии Конного полка и был в Инстербурге однозначно. Он принял участие в параде 5 сентября в составе штандартного взвода означенного полка.

Трагична их судьба. Князь Олег в конце сентября 1914 г. был тяжело ранен и через два дня скончался в госпитале в Вильно. Иоанн и Игорь вместе с братом Константином и великой княгиней Елизаветой Федоровной были замучены в Алапаевске. Впоследствии все погибшие в этой бойне были причислены к лику святых. А их зять, муж сестры Татьяны, поручик Кавалергардского полка князь Константин Алексеевич Багратион-Мухранский, тоже участник парада, погиб в 1915 г.

Но все братья были только князьями императорской крови, так как по родословной иерархии они утратили титул великих князей.

Ответ на вопрос, кто же из великих князей был в Инстербурге, находим в «Мемуарах» великой княгини Марии Павловны. Вот что она пишет:

«Принцесса Елена, сестра сербского короля Александра, занялась организацией полевых госпиталей, содержание которых она и семья ее мужа предполагали взять на себя. Она предложила отправиться на фронт с одним из этих госпиталей, и я приняла ее предложение. Муж Елены¹¹, так же как Дмитрий¹², был офицером-кавалергардом¹³. Мы направлялись на тот участок фронта, где сражался их полк»¹⁴.

Таким образом, великий князь в Инстербурге был. И им был Дмитрий Павлович, состоявший при штабе 1-й армии в должности офицера связи.

Великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942), двоюродный брат императора Николая II, известен прежде всего своим участием в убийстве Распутина, за что был сослан в Персию в отряд генерала Баратова. Еще он известен как спортсмен. В 1912 г. Дмитрий вошел в русскую сборную по конному спорту на Олимпийских играх в Стокгольме. Побед команда не добила: шведская пресса отмечала, что у русских хорошие лошади, но тренируются они по устаревшей методе. Дмитрий был также президентом и движущей силой многих других спортивных обществ. Когда началась Первая мировая война, он как раз должен был ехать в Ригу открывать Вторую Российскую Олимпиаду – грандиозные спортивные состязания, которые из-за выстрелов в Сараеве закончились, не успев начаться.

А Мария Павловна вместе с принцессой Еленой в составе медицинской части выехала на фронт. Госпиталь разгрузился в Гумбиннене, а затем был переведен в Инстербург, который покинул перед самой эвакуацией штаба 1-й армии.

Интересна судьба Марии Павловны (1890–1958). Она рано лишилась матери – великой княгини Александры Георгиевны, принцессы греческой. В 1902 г. ее отец, великий князь Павел Александрович (1860–1919; расстрелян в Петропавловской крепости), за недозволенный повторный брак был лишен должностей и званий. Пока отец был в опале, над детьми была взята опека. Опекунами стали их родной дядя, брат отца великий князь Сергей Александрович

(1857–1905; убит 5/18 февраля 1905 г. эсером Каляевым), и его супруга, сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918; после смерти мужа основала Марфо-Мариинскую обитель; в 1918 г. убита под Алапаевском; ее имя носит женский монастырь в Калининграде). Мария Павловна рано вышла замуж за шведского принца Вильгельма Зюдерманландского, родила сына, затем развелась и вернулась в Россию. Всю войну провела сестрой милосердия в полевых госпиталях. После революции эмигрировала. Создала в Париже дом моды «Китмир».

Ее компаньонка Елена Петровна (1884–1962), как уже я упоминал, супруга князя Иоанна Константиновича, была дочерью короля Сербии Петра I (династия Карагеоргиевичей). Во время Первой мировой войны Елена Петровна организовала на свои средства санитарный поезд и по примеру многих женщин царского рода отправилась с ним на фронт.

По декрету большевиков от 26 марта 1918 г. князь Иоанн вместе с братьями Константином и Игорем после регистрации вскоре были высланы из Петрограда в Вятку, затем в Екатеринбург, а 20 мая они прибыли в город Алапаевск. Здесь в заточении в Напольной школе князья находились два месяца. Вместе с князем Иоанном Константиновичем выехала жена. Маленьких детей Всеволода и Екатерину оставили на попечение свекрови в красном Петрограде. Уже из Алапаевска Елена Петровна уехала в начале июня в Екатеринбург хлопотать об освобождении мужа. Узнав, что алапаевские узники переведены на тюремный режим содержания, тотчас решила возвратиться, но большевики не допустили этого, ибо Романовы были приговорены. Ее же, сохранявшую подданство Королевства Сербия, лишить жизни опасались. В Екатеринбурге она была арестована и препровождена в тюрьму города Перми и содержалась там вместе с приближенными царской семьи А.В. Гендриковой и Е.А. Шнайдер. В Перми фрейлины императрицы Александры Федоровны были зверски убиты, а Елена Петровна спаслась лишь по чистой случайности. Через ходатайства атташе иностранных посольств она была освобождена и выехала в Швецию.

Еще один представитель царствующей династии в военное лихолетье вполне мог быть в Восточной Пруссии. Это великий князь Андрей Владимирович (1879–1956), двоюродный брат императора Николая II, в Великую войну командир Лейб-Гвардии Конной артиллерии, два дивизиона которой участвовали в операции, – однако подтверждения этого факта я не обнаружил.

Интересная деталь: все упомянутые князья Романовы приходились правнуками известной прусской королеве Луизе.

И еще об одном участнике парада хотелось бы упомянуть. Однако это не представитель рода Романовых, а барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928).

Первым серьезным делом конной группы Хана Нахичеванского стал бой 6 (19) августа у Каушена. В этом бою отличился ротмистр Лейб-Гвардии Конного полка барон Врангель, атаковавший со своим эскадроном неприятельскую артиллерию и взявший 2 орудия. Потери русских – 46 офицеров и 329 нижних чинов. При этом в эскадроне погибли все офицеры, 20 солдат было убито и ранено. У немцев убито 1200 человек.

За Каушен Врангель был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Его фотография оказалась на страницах «Летописи войны», самого популярного иллюстрированного военного журнала. А 10 (23) октября барон был принят императором Николаем II в Петрограде, о чем Николай Александрович сделал запись в своем дневнике: «После доклада Барка принял Костю¹⁵, вернувшегося из Осташева, и ротм. Л.-Гв. Конного полка бар. Врангеля, первого Георгиевского кавалера в эту кампанию»¹⁶.

Думаю, было бы уместным в Черняховске увековечить память Петра Николаевича Врангеля. Например, соорудить на площади памятник – это был бы лучший вариант – или хотя бы установить мемориальную доску.

Примечания

¹ Летопись войны 1914 года. 1914. №15. 29 ноября. С. 239.

² Здесь и далее в тексте статьи наименования полков и других воинских подразделений даются в вариантах времен Первой мировой войны.

³ С 1913 г. Георгиевский крест (упразднен 10/23 ноября 1917 г.).

⁴ Ныне столица Боснии и Герцеговины; в то время город находился в составе Австро-Венгрии.

⁵ Владиславов - город у впадения р. Шервинта в р. Шешупе (приток Немана) близ границы с Калининградской областью, в 16 км к северо-западу от ж.-д. станции Вилкавишкис (на линии Каунас – Калининград), в Шакайском районе Мариямпольского уезда Литовской Республики; городские права получил в 1643, входил в состав Речи Посполитой, Российской империи (Сувалкский уезд), затем Литвы; после Первой мировой войны переименован в Науместис, в 1934 – в Кудиркос-Науместис (Kudirkos Naumiestis).

⁶ Будупёнен – ныне пос. Берестовое Краснознаменского района.

⁷ *Зеегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. Париж: Танаис, 1966. С. 73.

⁸ *Торнер Г.* Отель переживает мировую историю // *Надровия*. 2003. №3. С. 23, 35.

⁹ *Зеегинцов В.Н.* Указ. соч. С. 73–74.

¹⁰ *Торнер Г.* Указ. соч. С. 23.

¹¹ Уже упомянутый князь Иоанн Константинович.

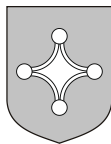
¹² Дмитрий Павлович, брат великой княгини Марии Павловны.

¹³ Князь Иоанн Константинович и великий князь Дмитрий Павлович были конногвардейцами.

¹⁴ *Мария Павловна, великая княгиня*. Мемуары. М.: Захаров, 2003. С. 144.

¹⁵ Князь Константин Константинович (1890–1918), сын великого князя Константина Константиновича, штабс-капитан Лейб-Гвардии Измайловского полка, флигель-адъютант.

¹⁶ Дневник императора Николая II. М.: Orbita, 1992. С. 491.

Галина Владимировна КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА,
член Союза журналистов России, краевед (Черняховск)

Августейшие сестры милосердия в Инстербурге

Они прибыли в Инстербург 19 августа (по новому стилю – 1 сентября) 1914 г. Побывали на освящении Владимирского этапного лазарета, расквартированного в здешнем гарнизонном госпитале. И как только подрос персонал с оборудованием, взялись за обустройство своего лазарета – лазарета Мраморного дворца.

Это были великая княгиня Мария Павловна (младшая) (1890–1958) и княгиня Елена Петровна (урожденная принцесса Сербская) (1884–1862). И та и другая – личности яркие, незаурядные. Жизнь каждой из них – и до и после описываемых событий – была полна испытаний.

Мария Павловна (Романова) – внучка императора Александра II, дочь великого князя Павла Александровича и греческой принцессы Александры Георгиевны – рано осиротела. Ей не было года, когда мать умерла при родах. А через несколько лет маленькая великая княжна и ее младший брат, великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942), лишились возможности общаться с отцом, который женился против воли царской семье на женщине иного круга. Когда детей отдали на воспитание великому князю Сергею Александровичу, он заботился о племянниках истинно по-отечески, искренне их любил. Но они были еще совсем юны, когда узнали горе новой потери: Сергей Александрович пал от руки террориста Каляева. В 1908 г. Марию Павловну выдали замуж за второго сына шведского короля Густава V – принца Вильгельма, герцога Зюдерманландского (1884–1965). Швеция приняла русскую принцессу восторженно, ею восхищались. Было издано немало открыток со снимками молодой четы и принцессы Марии в отдельности, на которых она была запечатлена и в шведском национальном костюме, и в русском, и в элегантных нарядах эпохи модерна. Рождение их сына Леннарта (1909–2004) стало поистине национальным праздником. Однако в 1913 г. брак, заключенный, по сути, по династическим соображениям, распался. Великая княгиня вернулась в Россию, ее сына шведская королевская семья оставила у себя.

С началом Великой войны Мария Павловна отправляется сестрой милосердия на фронт, в Восточную Пруссию, затем работает в госпитале в Пскове, где в 1917 г. ее и застала революция. Во второй раз, уже по любви, она выходит замуж, но сын от этого брака умирает во младенчестве. Гонения на царскую семью вынуждают Марию Павловну покинуть Россию. На чужбине ей приходится буквально бороться за существование, выбиваясь из нищеты тяжким трудом. Но какие вызовы ни бросает ей судьба, великая княгиня отвечает на них с поистине царским достоинством, проявляя решительность, предпримчивость и все новые дарования: «...**всякий раз, когда смысл жизни исчезал, я находила новый – чтобы жить**». Она прекрасно вышивает, получает заказы от самой

Коко Шанель, открывает свою фирму «Китмир», сотрудничает с известными модными домами и даже получает золотую медаль Парижской промышленной выставки «Ар Деко»... В банкротстве она не видит повода опускать руки и находит себе новое дело, заводит парфюмерный магазин, консультирует фирмы модной одежды в Америке, читает лекции, осваивает фотоискусство, пишет для заокеанской корпорации корреспонденции из Европы и сопровождает их собственными фотографиями, рисует... Мария Павловна Романова жила в Англии, Испании, Аргентине, США, Германии. В последние годы часто гостила у сына – Леннарта Бернадота, который королевскому титулу предпочел женитьбу на женщине недворянского происхождения и обосновался в Западной Германии, в замке Майнау близ Констанца. Там, в замковой часовне, рядом с дорогим братом Дмитрием, великая княгиня обрела свой последний приют...

Елена Петровна – единственная дочь сербского короля Петра I из династии Карагеоргиевичей и принцессы Зорки Черногорской. Когда умерла мать, ей было 6 лет. Отец вынужден был вплоть до 1903 г. находиться вне пределов Сербии. Елена и ее младшие братья Георгий и Александр воспитывались у деда, черногорского князя Николы Негоша. В 1911 г. Петр I, ориентировавшийся на Россию, выдал дочь за русского князя. Ее супруг – князь императорской крови Иоанн Константинович – был сыном великого князя Константина Константиновича, образованнейшего человека своего времени, покровителя наук и искусств, талантливого поэта (свои стихи он печатал под псевдонимом «К.Р.»). У Елены Петровны и Иоанна Константиновича родилось двое детей – Всеволод и Екатерина.

Деятельная по натуре, княгиня, как и до замужества, занимается благотворительностью. «За помощь в трудах милосердия» в период Русско-японской войны императрица Мария Федоровна еще в 1906 г. пожаловала «Ея Королевскому Высочеству княжне Елене Петровне» знаки отличия Красного Креста 1-й степени. В 1911 г. она получила орден Святой Екатерины. В 1912 г., во время Первой Балканской войны, княгиня Елена Петровна на средства свои и супруга организовала лазарет, который был направлен в Сербию и действовал там и во Вторую Балканскую войну. За это она была награждена сербским орденом «Крест Милосердия» (1913). Под ее покровительством находился и приют военных сирот в Белграде, организованный по инициативе супруги русского посланника А.П. Гартвиг и получавший средства как от благотворительных обществ, так и от частных благотворителей. Вернувшись в Россию, Елена Петровна поступила на курсы в Общину сестер милосердия им. генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана, а также прослушала специальный курс в Военно-медицинской академии Санкт-Петербурга. И в Мировую войну она не могла сидеть сложа руки...

В 1918 г. ее супруг был сослан новой властью в Алапаевск. Она оставляет детей на попечение свекрови и едет с мужем в ссылку. В Екатеринбурге она пытается добиться его освобождения, но и сама подвергается аресту. Иоанн Константинович и его братья были сброшены в шахту под Алапаевском и погибли. А Елена Петровна чудом осталась в живых: в судьбу сербской принцессы вмешались сербское и норвежское посольства (ее свекровь, великая княгиня

Елизавета Маврикиевна, уже находилась с внуками в Норвегии и хлопотала за невестку). В итоге ей был разрешен выезд за границу. Сначала ее и детей приютила шведская королевская семья, затем они переехали в Сербию, потом во Францию, образование дети получали в Англии. Скончалась Елена Петровна во Франции, в Ницце... (Сейчас кажется странным, что написано о такой женщине очень мало и только в последние годы появились посвященные ей публикации.)

Вернемся в 1914 г. Восстановить события августа–сентября нам помогут мемуары великой княгини Марии Павловны (младшей), работы некоторых современных исследователей и архивные документы.

Пятеро сыновей великого князя Константина Константиновича – Иоанн, Гавриил, Константин, Олег, Игорь – направляются в действующую армию. И княгиня Елена Петровна предлагает Константиновичам «вскладчину снарядить госпиталь в 1-ю армию» генерала П.К. Ренненкампа (туда были назначены князь императорской крови Иоанн Константинович, супруг княгини Татианы Константиновны – князь Константин Александрович Багратион-Мухранский, брат великой княгини Марии Павловны – великий князь Дмитрий Павлович).

«В Мраморном дворце [который долгое время являлся резиденцией великого князя Константина Константиновича. – Г. К.-Е.] вновь открылся Комитет по сбору пожертвований, – пишет историк Г.И. Шевцова. – Великий князь Константин Константинович пожелал передать весь доход от продажи книг “Царя Иудейского” на этот лазарет и нужды семей павших воинов».

Госпиталь, находившийся под великокняжеским покровительством, получил очень хорошее, по тем временам, оснащение.

«Источниками финансирования госпиталя и Комитета “Мраморного Дворца” явилась активная помощь со стороны разных общественных сил, прежде всего, русской буржуазии, – отмечает в своей статье М.А. Сенина. – Двадцать квитанционных книжек для сбора пожертвований было отправлено на имя Московского купеческого банка 19 августа 1914 г. [...]. Также в пожертвованиях участвовал и действительный статский советник, крупный промышленник Эммануил Людвигович Нобель, внесший крупную сумму денег – 15 тысяч рублей [...]. В содержании кроватей лазарета участвовали крупнейшие банки России: Торгово-промышленный, Московский купеческий банк, Русско-Азиатский, Азовско-Донской Коммерческий, Петроградский учетный и ссудный банк, каждый из которых выделил по 1 500 рублей».

1 сентября в помощь фронту проходила беспроигрышная лотерея, в которой участвовал известный часовой дом Павла Буре [...]. Сумму в 500 рублей пожертвовал и крупнейший ювелирный дом Российской империи Карла Фаберже...»

Получить свидетельство сестры милосердия было не просто. И если у княгини Елены Петровны, несмотря на молодой возраст (всего 30 лет), опыт был уже немалый, то великой княгине Марии Павловне пришлось в сжатые сроки пройти специальную подготовку в Кауфмановской общине Российского общества Красного Креста, совмещая теоретические занятия с практикой

в одной из больниц Петрограда и отдавая этому ежедневно все свое время и силы. И с 14 (27) августа она уже считалась состоящей «на службе в учреждении, находящемся под покровительством Красного Креста по Северному району» (ГАПО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 22. Л. 21 об.).

В подвижной лазарет Мраморного дворца при 1-й армии княгиня Елена Петровна и великая княгиня Мария Павловна были зачислены сверх штата. 16 (29) августа состоялись торжественные проводы в Общине сестер милосердия им. Кауфмана и выезд санитарного поезда из Петрограда на фронт.

«Наша медицинская часть, – писала в мемуарах Мария Павловна, – состояла из восьми медсестер, двух врачей, суперинтендента, представителя Красного Креста и двадцати санитаров. Кроме принцессы Елены со мной ехала госпожа Сергеева, недавно назначенная моей фрейлиной, без нее императрица не соглашалась отпустить меня. Наш поезд вез не только необходимые материалы для госпиталя, но и множество оборудования для работы в походных условиях – вагон-лазарет, полевые кухни, котлы, лошадей, палатки. Елена взяла также свой автомобиль».

На пограничную станцию Вержболово (ныне г. Вирбалис, Литва) прибыли 18 (31) августа, разгрузились, имущество переправили в Гумбиннен, где предполагалось развернуть лазарет. Однако подходящих помещений августейшие сестры милосердия в этом городе не нашли и 19 августа (1 сентября) проследовали на автомобиле Елены Петровны далее, в Инстербург.

В Инстербург русские войска вошли 11 (24) августа, вскоре сюда был переведен и штаб 1-й армии. Здесь же, в одной из школ, было решено развернуть подвижной лазарет. «Как только прибыл наш обоз, – пишет Мария Павловна, – мы быстро занялись обустройством, и вскоре школа стала выглядеть как настоящий госпиталь. Сиделки и я работали в полном согласии. Мы вычистили все здание от крыши до низа, отмыли все этажи, окна и лестницы. Из классных комнат на двух верхних этажах сделали больничные палаты, а другие помещения на этих этажах превратили в перевязочные и операционные. На первом этаже, где комнаты были меньше, жили мы, используя упаковочные ящики как стулья. В комнате, отведенной мадам Сергеевой и мне, как и в других, был каменный пол и серые залоснившиеся стены. Единственной обстановкой стали наши походные койки и небольшие чемоданы. Мы умывались в школьном туалете в подвале».

Теперь «предоставим слово» документам. Вот как описывает работу госпиталя в своем докладе особоуполномоченный Общества Красного Креста:

«По прибытии 19 августа на ст. Гумбинен, лазарет по распоряжению В.В. Маркозова направился походным порядком в гор. Инстербург, где и разместился в обширном трехэтажном здании средней мужской школы, оборудовав около 200 кроватей. Равным образом были вполне оборудованы две перевязочные и операционные комнаты. Уборку комнаты производили штатные сестры милосердия. Благодаря необычайной энергии означенных сестер, воодушевляемых личным примером Великой Княгини Марии Павловны Младшей и Ея Королевского Высочества Кн. Елены Петровны, через 10 часов после приказа развернуть лазарет был уже готов к принятию

200 чел. раненых. Легко-раненые перевязывались, переодевались, кормились и затем эвакуировались на санитарные поезда. Тяжело-раненые оставались в лазарете для перевязок и необходимых операций. До 28 августа через лазарет прошло свыше 300 раненых, из коих 6 офицеров и 64 тяжело-раненых. Для лечения последних потребовалось произвести 11 операций. Время наиболее тяжелой работы лазарета упадет на 23, 24 и 25 августа, когда приходилось перевязывать раненых днем и ночью. Среди находившихся в лазарете тяжело-раненых были настолько тяжкие больные, имевшие многочисленные поранения различных частей тела с раздроблением костей конечностей, что перевязки их приходилось производить под общим, хотя и легких [легким] эфирным наркозом. Такая перевязка отнимала очень много времени и рук. По удостоверению старшего врача лазарета Б. Шарецкого, сестры милосердия отличались при этом поразительной выносливостью, самоотверженностью и необычайной трудоспособностью. Великая Княгиня ничем не отличалась от штатных сестер. Наряду с сестрами работала и состоящая при Великой Княгине Марии Павловне Г-жа Сергеева. Среди штатных сестер милосердия особенно много потрудились заведующая хозяйством сестра Раич-Думитрашко, которая кормила и поила, кроме находившихся в лазарете больных, многих других проходящих через Инстербург больных и раненых. С 26 августа раненые стали прибывать в лазарет небольшими группами и даже по одиночке, и работа его приняла более или менее нормальный характер больничного заведения» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1119. Л. 13 об.)

Мария Павловна работала с энтузиазмом, излучала жизнерадостность, и потому раненые прозвали ее «веселой сестрой». Она пишет: «Я чувствовала себя счастливой, что занята нужным, полезным делом, и порой была полна раскаяния, что испытываю такую радость среди боли и страданий».

Великий князь Дмитрий Павлович, служивший офицером связи при штабе, время от времени навещал сестру. По ее словам, именно в госпитале, в ее присутствии, Ренненкамф вручил молодому офицеру Георгиевский крест за Каушенское сражение, и только тогда она узнала, что «брат, помимо участия в кавалерийской атаке, когда была захвачена целая батарея, спас жизнь раненому младшему офицеру».

И снова обращаемся к докладу: «В ночь с 27 на 28 августа было получено распоряжение эвакуировать всех раненых. Благодаря содействию Князя Багратиона-Мухранского эвакуация раненых была произведена скоро и весьма успешно. Последний тяжело-раненый был унесен на носилках на ст. Инстербург в 2 ½ час. ночи; к этому времени было получено дополнительное распоряжение свернуть лазарет и выступить на рассвете походным порядком к Гумбинену» (РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1119. Л. 13 об.)

Эта эвакуация запомнилась великой княгине на всю жизнь. Возможно, стерлись в памяти какие-то детали, даты, но целостные картины того момента и предшествующих дней, пронизанные чувствами и ощущениями, прорисованы ею вполне отчетливо:

«Нашему пребыванию в Инстербурге суждено было вскоре закончиться. Немцы постепенно стали вытеснять нас со столь быстро захваченных позиций.

Через город снова начали проходить войска и обозы снабжения, но на этот раз в обратном направлении. Внезапно поступил приказ погрузить всех наших тяжелораненых на санитарные обозы и готовиться к отступлению. Теперь над городом каждый день летали аэропланы, по отдельности и в строю, сбрасывали бомбы, пытаясь главным образом разрушить железнодорожную станцию. Гул и грохот артиллерийской стрельбы становился все ближе.

<...> Весь этот день мы перевозили раненых на станцию. Их приходилось везти очень медленно на неудобных безрессорных повозках, сестры шли рядом с ними по твердым булыжникам. Я проделала несколько таких поездок. Станция была почти полностью разрушена, носилки ставили прямо на мостовую. Аэропланы продолжали летать над городом, со всех сторон слышались взрывы бомб. Я вздрагивала, каждую минуту ожидая появления аэроплана над станцией и опасаясь за наших раненых в случае бомбежки. <...>

К вечеру, закончив погрузку раненых в санитарные поезда, мы начали упаковывать оборудование госпиталя. Персонал должен был отправиться ночью, а я, по приказу генерала Ренненкампа, выехать утром с его штабом. Он и слышать не хотел, чтобы я следовала вместе с частью в обозе. К вечеру я чувствовала себя совершенно измочаленной. Ближе к полуночи я, не раздеваясь, легла».

Интересно, что описание событий той ночи – последней ночи, проведенной Марией Павловной в Инстербурге, – мы обнаружили сразу в нескольких источниках.

Это, например, донесение от 28 августа (10 сентября) 1914 г. командующего 1-й армией Ренненкампа командующему Северо-Западным фронтом генералу Жилинскому (оно публиковалось в сборнике документов империалистической войны в 1939 г. за номером 535, а теперь представлено и в настоящем издании – см. с. 139: Дело ЦВИА № 137342, л. 325).

Это уже цитировавшийся выше доклад представителя Красного Креста – приведем из него еще цитату (речь в ней идет о той же ночи – с 27 на 28 августа, или с 9 на 10 сентября по новому стилю):

«Летавший над Инстербургом между 3 и 4 час. утра и бросивший невдалеке 3 разрывных снаряда цеппелин не нарушил спешной работы по сборке лазарета, который успел выступить из Инстербурга в 5 ½ час. утра. По дороге лазарет обогнал на автомобиле командующий армией и лично отдал ему приказание следовать через Гумбиннен на Сталюпенен».

Это и взгляд «с другой стороны» – воспоминания хозяина отеля «Дессауэр хоф», где размещался штаб 1-й русской армии:

«В ночь с 9 на 10 сентября, около 3 часов – все спали глубоким сном, – вдруг несколько раз подряд раздался ужасный грохот. Мы быстро накинули одежду и выглянули во двор. Там было полно солдат, которые все кричали: “Дирижабль! Дирижабль!” – и вслепую стреляли в воздух.

Как мне впоследствии рассказал владелец поместья Кезвурм-Пусперн, дирижаблем управлял его племянник. У него было задание сбросить бомбы

на “Дессауэр хоф”. Вопрос состоял в том, делать ли это, учитывая, что в отеле находились и немцы. Но эти сомнения были отброшены, ведь в конце концов речь шла о том, чтобы уничтожить Ренненкампа и Николая с их штабами. Но так как в отеле было затемнение, дирижабль не смог выполнить свою задачу...» (Надровия, 2003, №3. С. 35). Три бомбы упали в иное место.

И вот, наконец, описание из мемуаров самой Марии Павловны:

«Казалось, что я едва прикрыла глаза, когда почувствовала, как меня трясут за плечо. В полусонном состоянии я сначала услышала гудящий звук, доносившийся, по-видимому, издалека.

“Просыпайтесь! Идите во двор. Это цеппелин летает над нами. Просыпайтесь же скорее, please!” То был голос мадам Сергеевой, моей придворной дамы.

Еще находясь во власти сна, я с трудом соображала, но заставила себя подняться.

“Цеппелин. Он летает над городом. Бросает бомбы”, – твердила мадам Сергеева. Словно в подтверждение ее слов тут же раздался громкий взрыв. Моментально придя в себя, я выбежала во двор.

Ночь была ясная и звездная, но воздух наполнило странное гудение. Внезапно в небе над головой я увидела громадный объект, испускавший серебряные лучи, которые, казалось, нащупывают наш двор. Раздался оглушительный взрыв, затем другой. В тот момент я поняла, что такое смертельный страх. Я испытала жалость к себе, жалость ко всему. Я вспомнила солнце... кровь пульсировала в моих висках... Бомбы упали не во двор, но очень близко к нему.

Через несколько мгновений все закончилось. Серебристый объект исчез с неясным гулом, который становился все слабее. Облегчение, которое я испытала, невозможно описать, оно было столь же сильным, как и пережитый страх. Мне хотелось смеяться, кричать, радость пронизывала все фибры моего существа. Гудение медленно угасало в темноте неба. Издали донесся звук последнего взрыва, потом все затихло.

Тишина казалась теперь особенно глубокой, ночь – невероятно прекрасной... Успокоенные тем, что опасность миновала, мы вернулись в дом... Взволнованный офицер из штаба прибежал узнать, все ли у нас в порядке. Штаб располагался почти по соседству с госпиталем, бомба, как сказал офицер, взорвалась между нашими двумя домами».

Повествуя об этом эпизоде, Мария Павловна не называет ни дат, ни цифр. Для нее важно другое: в ту ночь она ощутила, насколько близка грань между жизнью и смертью, и была глубоко потрясена...

А последняя фраза из приведенной цитаты имела особое значение для нас, для нашего поиска ответа на вопрос: где именно располагался лазарет Мраморного дворца? Дело в том, что до недавних пор мы архивными данными не располагали. Некоторые краеведы, а также Г.И. Шевцова указывали на мужскую гимназию (ныне здание Черняховской администрации). Однако анализ воспоминаний великой княгини и карт Инстербурга того времени позволил нам

предположить, что находился этот эвакуационный лазарет **в здании нынешней школы №6 – в ту пору средней школы для мальчиков (Альбрехтштрассе, 7, – ул. Суворова, 11)**. Главным аргументом для нас и стали слова Марии Павловны о том, что школа стояла в непосредственной близости от штаба командующего 1-й армией П.К. Ренненкампа, т.е. от отеля «Дессауэр хоф», располагавшегося через квартал, на параллельной улице (Вильгельмштрассе, ныне ул. Пионерская). Все иные имевшиеся тогда в городе школы: двойная народная (ныне школа №4), женский лицей (теперь пединститут), государственная гимназия и реальная школа (администрация) и прочие – отстояли от отеля «Дессауэр хоф» гораздо далее.

Наши предположения подтвердились уже в дни Международной научной конференции «Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой», проходившей в Калининграде в июне этого года. В выступлении О.В. Чистякова, кандидата исторических наук, начальника одного из отделов Российского государственного военно-исторического архива, речь шла о русских госпиталях в Восточной Пруссии, в том числе о лазарете Мраморного дворца в Инстербурге, а в приводимых архивных документах пунктом его размещения была названа мужская средняя школа – таковая в то время в городе была одна...

...Думали ли тысячи мальчишек и девчонок, отучившихся в школе №6, ходивших и бегавших по ее коридорам, скакавших по ее ступенькам, а порой лихо съезжавших с лестничных перил, что здесь, по этим коридорам и лестницам с коваными ажурными решетками ходили, переносили раненых сестры милосердия Первой мировой, а среди них и представительницы Дома Романовых? Что здесь, в этих кабинетах, они лечили русских воинов, делали им перевязки, ассистировали врачам во время операций? Что здесь сербская принцесса продолжила свою высокую миссию в трудах милосердия, а русская – приняла боевое крещение?..

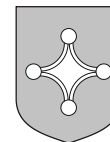
Десяти дням, проведенным в Инстербурге, посвятила великая княгиня Мария Павловна, почти целиком, объемную главу своих воспоминаний: столь сильны были впечатления той первой, по ее словам, «попытки участия в войне». Она писала о воодушевлении, в котором многие пребывали в первые недели войны, и уверенности «в скором и блестящем» ее завершении: «За небольшим исключением все шло успешно и весьма обнадеживало. Армия хорошо снабжалась провиантом, было более чем достаточно боевой техники и боеприпасов. Все казались довольными, и взаимоотношения были отмечены той особой сердечностью, которая возникает, когда каждый прилагает все силы для решения общей задачи и готов пожертвовать жизнью во имя долга. То был, если можно так выразиться, “медовый месяц” войны». Писала о радушии, с которым ее встречали совсем незнакомые люди. О новом, отрадном для нее чувстве: «Одеяние медсестры делало меня ближе к тем, кто носил военную форму; мы все жили в равных условиях и имели общие интересы».

«Не хочу показаться бесчувственной, – подводила она итог, – но сегодня, вспоминая те дни, я могу с полным основанием сказать, что то было самое счастливое время моей жизни, когда я с радостью делала нужную, полезную работу в условиях, сопряженных с опасностью».

В подшивке «Нивы» за 1915 г., хранящейся в местном Музее истории, мы находим еще одно свидетельство пребывания в нашем городе августейших сестер милосердия: «Государь Император соизволил на пожалование Великой Княгини Марии Павловне Младшей и Княгине Елене Петровне Георгиевских медалей 4-й степени за самоотверженную деятельность Их Высочеств в качестве сестер милосердия в лазарете Мраморного дворца в городе Инстербурге в августе месяце 1914 года».

Источники и литература

1. *Великая княгиня Мария Павловна*. Мемуары. М.: Захаров, 2014.
2. Восточно-Прусская операция: [сборник документов] / Генеральный штаб РККА. М.: Государственное военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1939. С. 381–382.
3. Господин Китмир (Великая княгиня Мария Павловна) // *Арсеньева Е.* Блистательные изгнанницы: исторические новеллы о любви. М.: Эксмо, 2005.
4. Доклад о деятельности врачебных и питательных учреждений Российского общества Красного Креста при 1-й действующей против германцев армии, с начала войны по 1 сентября 1914 года // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1119. Л. 1, 13, 14, 48.
5. *Мария Павловна*. Мемуары. М.: Захаров, 2003.
6. Награждение Великих Княгинь – Августейших сестер милосердия // *Нива*. 1915. №24 [13 июня]. С. 2.
7. *Сенина М.А.* Благодетельность великих князей Константиновичей в период Первой мировой войны. Комитет «Мраморного дворца» // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Выпуск № 119. 2009.
8. *Слекова Н.В.* Община сестер милосердия имени генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана // *Сестры милосердия России*. СПб., 2005. С. 142–151. URL: <http://www.omophor.ru/articles/obshchina-sester-miloserdia-imeni-general-adyutanta-mp-fon-kaufmana>.
9. Список личного состава служащих в 3-м госпитале Общины святой Евгении Красного Креста имени Общества для продажи изделий русских металлургических заводов. 12 октября 1914 г. // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 49. Оп. 1. Д. 22. Л. 21–22.
10. *Торнер Г.* Отель переживает мировую историю // *Надровия*. 2003. № 3. С. 35.
11. *Третьякова Людмила*. Высочайшая мода // *Вокруг света*. 2001. №6 (2729) URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/72/>.
12. *Шевцова Г.И.* Санитарные отряды княгини Елены Петровны (1912–1914) // *Константиновские чтения – 2013*. «Константиновичи – государственная деятельность и традиции благотворительности. К 400-летию Дома Романовых». Сборник материалов научной конференции 30 октября 2013. СПб., 2013 / Государственный комплекс «Дворец конгрессов». Управление делами Президента РФ (Константиновский дворец). URL: http://www.konstantinpalace.ru/doc/Sbornik_staty_nauchnoy_konferentsii_Konstantinov.pdf.

*Гумбиннен - Инстербург - Тапиуа... Восточная Пруссия в августе 1914 года как полигон для создания армейской бронетехники Германии и России**

Ровно три недели назад, вечером 23 августа 2013 г., жители Черняховска могли наблюдать необычную картину: точная копия броневедомоцила русской армии времен Первой мировой войны, не пройдя под железнодорожным мостом на платформе эвакуатора, преодолела это препятствие своим ходом. Машина была одной из двух, принимавших участие в масштабном военно-историческом фестивале «Гумбинненское сражение. Август 1914-го», проходившем 24–25 августа в соседнем Гусевском районе. Как гласит восточная мудрость, «собака лает – караван идет», и громкий успех мероприятия оставил без внимания колкости отдельных недобросовестных критиков: мол, откуда броневедомоцила в августе 14-го в этих местах? А между тем критика эти неправы не только по большому счету, но и в деталях: русский броневедомоцила в самом начале Первой мировой войны оставил свой след именно в Черняховске – тогдашнем Инстербурге.

Изобретенный в конце XIX в. автомобиль, разумеется, не мог остаться незамеченным военными, и не только как транспортное средство. Идея бронированной боевой машины периодически посещала умы изобретателей со времен античности, однако только появление двигателя внутреннего сгорания помогло ей воплотиться в жизнь. И родился броневедомоцила буквально в муках. Пионером в этой области был австрийский конструктор Пауль Даймлер, начавший свои разработки в 1903 г. Через три года его двухтонный полноприводный автомобиль, вооруженный 37-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами, по словам современного исследователя Вернера Освальда, «прекрасно зарекомендовал себя на манёврах»¹, однако был забракован лично императором Францем-Иосифом I: новинка, грохотом двигателя напугавшая лошадей свиты, произвела на престарелого монарха крайне неприятное впечатление.

Соседняя Германия не отставала ни в конструкторской мысли, ни в консерватизме властей. В своей книге «Удары молота» германский автомобильный конструктор и заводчик Генрих Эрхардт вспоминает: «В 1906 году на открывшейся в то время Берлинской автомобильной выставке я показал защищенный броней от огня пехоты и осколков гранат автомобиль с пушкой для поражения аэростатов. Однако мой проект назвали ненужной игрой и отвергли его»². Известно, что детище Эрхардта развивало скорость

до 45 километров в час, а зенитная пушка L-30 имела калибр 50 миллиметров. На том же автосалоне разочарование постигло и Опеля, представившего невооруженный полубронированный легковой автомобиль: «...машина должна была в какой-то мере гарантировать защиту высшим штабным офицерам при посещении ими участков фронтов. Однако покупателя машины не нашлось...»³ Обе разработки нашли практическое применение лишь через десятилетие – в огне Первой мировой войны.

Не смогли в те годы заинтересовать новаторскими идеями ни свои, ни чужие правительства и конструкторы Англии, Франции, Бельгии, Италии, Америки и России. В нашей стране появление опытного проекта броневедомоцила связывается с именем подъесаула 7-го Сибирского казачьего полка князя Михаила Накашидзе. Справедливости ради, нужно отметить, что, как доказал недавно современный исследователь М.В. Коломиец⁴, вопреки сформированному популярной литературой мнению, князь Накашидзе был не изобретателем, а лишь «промоутером» и «лоббистом» броневедомоцила французской фирмы «Шаррон», разработанного отставным полковником французской артиллерии Гюйе. С марта все того же 1906 г. эта перевезенная не без трудностей через границу машина проходила всесторонние испытания под Петербургом, в том числе в рамках Красносельского военного лагерного сбора. Выводы двух комиссий оказались неутешительны: машина, вооруженная 8-миллиметровой пулеметом системы «Гочкис» во вращающейся башне, была признана непригодной для использования в войсках, в основном из-за «нулевой» проходимости по бездорожью, связанной с большой массой (2,4 тонны). Это не остановило Накашидзе, а после его гибели в приемной премьер-министра П.А. Столыпина во время знаменитого террористического взрыва 12 августа 1906 г. – другого представителя фирмы «Шаррон», отставного полковника Офросимова. Благодаря энергии последнего машина в январе 1907 г. все же была приобретена российским военным министерством за 30 тысяч рублей, а затем продолжились ее испытания – закончившиеся, впрочем, тем же самым: в июле 1908 г. броневедомоцила постановлено было переделать «на более легкий тип», то есть демонтировать броню.

К броневедомоцилам «Шаррон» мы еще вернемся в связи с восточнопрусской темой, а относительно дальнейшего развития этого вопроса в России стоит отметить, что в 1911 г. управление по постройке восточной части Амурской железной дороги, испытывавшее серьезные неудобства в связи с набегами на зону строительства шаек китайских разбойников хунхузов, заказало броневедомоцила с «боевой вращающейся башней» германской фирме «Бенц и компания». В августе 1912 г. машина была доставлена в Петербург, оттуда в сентябре в Хабаровск. Там выяснилось, что дорог, пригодных для ее функционирования, на Дальнем Востоке попросту не существует, и лишь после переделки для перемещения по железной дороге «Бенц» смог приступить к своим полицейским обязанностям – как броневедомоцила. Но, повторимся, принадлежал он гражданскому ведомству, так что вместе с М.В. Коломийцем приходится констатировать, что «к началу Первой мировой войны на вооружении Русской Армии броневедомоцилов не имелось. Впрочем, и в других странах, имевших более развитую (по сравнению с Россией) автомобильную промышленность –

* Выступление на Разумновских чтениях 2013 г.

Австро-Венгрии, Германии, Англии, Америке и Франции, – дело обстояло точно так же. Построенные этими странами в 1906–1913 годах различные образцы броневых автомобилей не пошли дальше опытных образцов и ни один из них не заинтересовал военных»⁵.

Начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война в корне изменила ситуацию: все воюющие стороны, за неимением в своем распоряжении боевых машин специально производства, начали лихорадочно импровизировать, в арсеналах и мастерских превращая в броневые автомобили грузовики и легковушки – как военные, так и реквизированные гражданские. На Восточном фронте немцы начали использовать подобные конструкции практически с первых же дней войны, что отражено в приказе № 35 командующего русским Северо-Западным фронтом генерал-адъютанта Жилинского от 19 августа (вероятно, старого стиля) 1914 г.:

«Бои, которые происходят в последнее время в войсках вверенного мне фронта, показали, что немцы с успехом пользуются пулеметами, установленными на бронированных автомобилях. Такие пулеметы, приданные небольшим конным отрядам, пользуясь обилием шоссе и быстротой своего передвижения, появляясь на флангах и в тылу нашего расположения, обстреливают действительным огнем не только наши войска, но и обозы»⁶.

Отмечен и факт применения немцами импровизированной бронетехники в таком крупном сражении, как Гумбинненское 19–20 августа (н. ст.) 1914 г. Как вспоминал начальник 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Адариди, описывая боевые действия между 14.30 и 16.30 20 августа,

«...попытки противника добиться успеха на флангах дивизии были последними. Снова потерпев неудачу, он больше атак не предпринимал, а ограничился огнем, главным образом орудийным, которым прикрывал отход своих частей. С этой же целью он применил несколько бронированных автомобилей, которые, выехав из Риббинена, приблизились к расположению Уфимцев и стали обстреливать их из пулеметов. Так как огонь этих пулеметов наносил чувствительные потери, то распоряжением генерала Филимонова для борьбы с броневиками был выслан взвод 4-й батареи, ставший непосредственно за боевую часть полка и открывший огонь. После первых же выстрелов броневики поспешно вернулись в Риббинен и больше не появлялись...»⁷

Таким образом, можно локализовать факт применения германцами бронированных автомобилей 20 августа 1914 г. против войск 27-й пехотной дивизии, на участке 106-го Уфимского пехотного полка, с целью прикрытия отхода своих частей. Попытка эта была успешно сорвана силами русской полевой артиллерии, сумевшей организовать действительную «работу» по совершенно новой, доселе неизвестной в истории войн, цели. В общем же активность германских броневых автомобилей серьезно беспокоила русское командование, о чем свидетельствует продолжение уже цитированного приказа Жилинского:

«С целью обеспечения войск Северо-Западного фронта от обстрела их пулеметами, предписываю высылать вперед команды конных сапёр для порчи тех шоссе дорог, которые могут послужить противнику для передвижения

с целью как наступления на фронте, так и угрозе флангам и тылу наших войск. При этом надо выбирать такие участки шоссе, которые не имеют обходных путей.

Производить порчу шоссе следует теми способами, которые будут наиболее соответствовать местным условиям, причем можно рекомендовать прорезывание шоссе полотна узкими и глубокими поперечными канавами, навал на шоссе срубленных на обочине деревьев, набрасывание на шоссе битых бутылок и кусков стекла, наваливание крупных камней и т.п. При рытье окопов следует их маскировать, т.е. делать их препятствиями, не ожидаемыми для автомобилей противника, идущих полным ходом.

Кроме порчи шоссе следует снимать настилы с деревянных мостов и прятать их вблизи, на случай необходимости движения наших войск.

Вообще при всех порчах шоссе дорог и мостов следует иметь в виду возможность быстрого исправления своими войсками произведенных заграждений при необходимости совершения передвижения как нашими войсковыми частями, так и обозами.

Как активное средство против автомобилей с пулеметами, при колоннах отрядов, двигающихся по шоссе, необходимо иметь артиллерию для обстрела автомобилей. Такие специально назначаемые взводы артиллерии особо полезно иметь во фланговых колоннах и на дорогах, идущих параллельно и вблизи нашего фронта»⁸.

Наивность и бестолковость приказа не особенно удивляет, если помнить, что принадлежит он «стратегическому гению» главного виновника поражения русских армий в Восточной Пруссии в августе–сентябре 1914 г. Даже если учесть, что в момент подписания документа 1-я армия Ренненкампа стояла без движения и фактически находилась в положении обороняющегося, это никак не оправдывает идею борьбы с неприятельскими автомобилями посредством порчи вокруг себя коммуникаций. Ближе к передовой суть дела понимали лучше и на битые бутылки не полагались: было ясно, что «подобное лечится подобным». Еще 11 августа (ст. ст.) 1914 г. по личному приказанию начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 1-й армии генерал-майора Г.Д. Янова командир 5-й автомобильной роты штабс-капитан Иван Николаевич Бажанов убыл в 25-ю пехотную дивизию 1-й армии «для переговоров о приспособлении пулемета на автомобиль». Переговоры долго не продлились, так как уже 18 августа Бажанов вторично убыл в 25-ю дивизию, но уже «с грузовым автомобилем, бронированным средствами роты, с поставленными на него пулеметами». Сам Бажанов вспоминал об этом так:

«Работа была выполнена в Инстербурге⁹, близ Кёнигсберга. Для срочного бронирования использовали грузовую автомобиль итальянской фирмы SPA, который забронировали листами брони из щитов захваченных немецких артиллерийских орудий. Это была первая броневая машина Русской Армии, вооруженная двумя пулеметами и замаскированная под грузовик»¹⁰.

Речь, судя по всему, идет о бронешитах германских орудий, захваченных в Гумбинненском сражении. Работы, вероятно, выполнялись в железнодорожном

депо или каких-то механических мастерских. И так, первый действующий броневедомитель Русской Армии родился в будущем Черняховске, с чем можно от души поздравить его жителей. К сожалению, ни фотографии этой машины, ни какие-либо сведения о ее дальнейшей судьбе пока не найдены. Стоит отметить, что 25-я пехотная дивизия в период отбытия в ее расположение штабс-капитана Бажанова с броневедомителем стояла на южном берегу Прегеля и участвовала в боях за город Тапиу (нынешний Гвардейск), заняв его железнодорожный вокзал. Но никаких сведений об участии в боях первого русского броневедомителя, опять-таки, пока не обнаружено.

Необходимость срочного оснащения действующей армии бронетехникой понимали не только подчиненные Жилинского, но и военный министр России. 17 августа, за два дня до подписания командующим войсками Северо-Западного фронта приказа о битых бутылках, Сухомлинов вызвал к себе временно прикомандированного к канцелярии Военного министерства полковника Лейб-Гвардии Егерского полка Александра Добржанского – известного энтузиаста создания боевых машин. А уже через два дня последовал приказ министра о поручении Добржанскому сформировать «автомобильную пулеметную батарею». Поскольку все могло быть просто при понимании высоким чином важности вопроса – видно по тому, что этот исторический документ написан на вырванном из блокнота министра листке.

Полковник Добржанский справился с совершенно новым делом за два месяца: 19 октября 1914 г. 1-я автопулеметная рота – первая в мире автоброневая часть! – отбыла из Санкт-Петербурга на фронт. Составили ее спроектированные Добржанским в кратчайшие сроки 8 пулеметных броневедомителей на шасси легкового автомобиля «Руссо-Балт» типа «С24/40» и три пушечных, переоборудованных из грузовиков «Маннесман», «Бенц» и «Олдейс» (два последних не бронировались). На каждом «Руссо-Балте» устанавливалось по три пулемета «Максим», на «Маннесмане» – 47-миллиметровая морская пушка Гочкиса и два «Максима», на «Бенце» и «Олдейсе» – по одной 37-миллиметровой пушке Максима-Норденфельдта. Символично, что направлена рота была в распоряжение 2-й (бывшей «самсоновской») армии, которая после поражения в Восточной Пруссии была реформирована и сражалась в русской Польше.

Восточнопруссский след, как ни странно, имеется и в судьбе первого, не реализованного проекта броневедомителей для России. Вернувшись в 1906 г., мы узнаём, что князь Накашидзе (человек с ярко выраженной авантюрной жилкой) на свой страх и риск обнадежил фирму «Шаррон» в готовности русского Военного министерства купить целую серию броневедомителей. И если головную машину пропустили через границу беспошлинно (в случае покупки уплату пошлины брала на себя казна, а если бы сделка не состоялась, машина подлежала «выдворению» из России в трехмесячный срок), то партию из шести машин на рубеже 1906–1907 гг. русская таможня просто завернула обратно. Виноватых не оказалось (Накашидзе, как мы знаем, уже полгода как не было в живых), и французам пришлось как-то выкручиваться. Два броневедомителя из шести им удалось с сорокапроцентной скидкой продать... своим заклятым врагам немцам. Как пишет М.В. Коломиец, «после испытаний в 1909 году машины

участвовали на учениях 5-й гвардейской бригады, а затем их отправили в одну из крепостей в Восточной Пруссии. По некоторым данным, оба броневедомителя использовались немцами в боях в Восточной Пруссии в августе 1914 года»¹¹. Если эта информация достоверна, то, скорее всего, машины находились в какой-то из восточнопруссских крепостей как имущество: во всяком случае, другие авторы о наличии на вооружении германской армии в 1914 г. специально построенных броневедомителей пока ничего не сообщают.

Данное сообщение составлено по опубликованным материалам и является лишь приближением к теме, серьезная разработка которой с привлечением архивов, возможно, еще заинтересует исследователей.

Примечания

¹ Освальд В. Полный каталог военных автомобилей и танков Германии 1900–1982 гг. М., 2007. С. 54.

² Цит. по: Освальд В. Указ. соч. С. 55.

³ Там же.

⁴ См. Коломиец М.В. Броня русской армии. М., 2008; Коломиец М.В. Русские броневедомители в бою. М., 2013.

⁵ Коломиец М.В. Броня русской армии. С. 36.

⁶ Там же. С. 37.

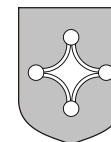
⁷ Адариди К.М. 27-я пех. дивизия в боях 4(17) августа под Сталупененом и 7(20) августа под Гумбиненом // Военный сборник. Белград, 1926. № 8.

⁸ Коломиец М.В. Броня русской армии. С. 37–38.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Коломиец М.В. Русские броневедомители в бою. С. 12.

Георгий Иванович ИГНАТОВ,
экс-директор Музея истории города Советска,
Почетный гражданин города

Тильзит в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.*

Актуальность этой темы связана с возросшим интересом к истории города, в частности, к моментам, связанным с эпизодами истории России на земле Восточной Пруссии, особенно сейчас, в преддверии 100-летия со дня начала Первой мировой войны. Историография этой войны огромна. Она длилась 51 месяц и 2 недели, в ней участвовало 38 государств с населением 1,5 миллиарда человек. Потери сторон составили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных.

Вообще-то, нет ничего труднее – писать о войне. Тут даже не знаешь, кому верить – историкам или очевидцам...

Авторы воспоминаний, на своей шкуре испытавшие, каково им было, доносят до нас боль своих ран и эмоций, порою они пишут столь выразительно, словно от них, авторов, зависела судьба всей войны. Винить их за это не стоит, ибо солдату всегда кажется, что его рубеж – самый главный, а враг обрушил свой главный удар именно на него... Личные впечатления в таких случаях затемняют главное. Историки, сами не воевавшие, пишут иначе. В тиши кабинетов нет особых эмоций, кроме одной – оправдать победителя (своего) и на чем свет стоит разругать побежденного (чужого).

...Бывает и так, что историк, подгоняя события под современные настроения, из поражения делает победу и, наоборот, победу врага он превращает в постыдное поражение.

Валентин Пикуль. «Честь имею».

После Балканских войн 1912–1913 гг. австрийское правительство, поощряемое Германией, стремилось восстановить господство на Балканах. Русское правительство заявило о своей готовности поддержать Сербию. Австрия и Германия считали, что Россия совершенно не готова к войне, поэтому они сбросили ее со счетов и только искали повода начать войну с Сербией. Предлогом для войны послужило всем известное сараевское убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. По настоянию Германии Австро-Венгрия 28 июля (н. ст.) 1914 г. объявляет войну Сербии. А сама Германия начинает немедленную мобилизацию войск и уже 1 августа объявляет войну России.

* Выступление на Разумновских чтениях 2009 г. Печатается в переработанном и дополненном автором виде на основе публикаций: *Игнатов Г.* Русские и Тильзит. Глава III. Тильзит под русской оккупацией. Первая мировая война // Демократический Тильзит. 1993. № 4, 5, 6; *Игнатов Г.* Тильзит в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Тильзитская волна [газета, г. Советск]. 2013. 10, 17, 24, 31 июля, 7 августа.

Вот отклик на эти события в журнале «Нива» (1914, №30):

«На Россию ополчились две страны, которые обязаны нам всем своим нынешним могуществом, которые Россия вывела из праха и позора: Германию спасла в 1812–13 годах от занесенной над нею руки Наполеоновской Франции, Австрию – от поражения 1848 года.»

Молебно обращавшиеся к России руки наших отныне кровных врагов постепенно складывались в бронированный кулак, создавший ужасы вооруженного мира.

Горделиво объяснявшая свою победу в войне с Францией победою школьного учителя, Германия в ослеплении милитаризма отбросила заветы прошлого и всю дальнейшую историю своей культуры писала острием штыка.»

17 августа 1914 г., спасая от разгрома своего союзника – Францию, русские войска перешли границу Восточной Пруссии.

События Первой мировой войны непосредственно коснулись и Тильзита. Теперь, когда время безжалостно вытоптало могилы живых свидетелей, очень трудно восстановить истинную картину тех событий применительно к истории нашего города.

Наступление немцев на Западном фронте в первые дни войны было весьма успешным. Идея навстречу своим союзникам, русское командование было вынуждено начать наступление в Восточной Пруссии через две недели после общей мобилизации, в то время как ее проведение было рассчитано на 40 дней. Для немцев осталась загадкой быстрая мобилизация русской армии. На самом же деле секрета не было: Петербург послал на битву войска, лишь наполовину готовые для войны.

«Командующий фронтом Жилинский, – писал В. Пикуль, – сидя со своим штабом в Волковыске, не желал слышать, что нет походных пекарен, что слаба лошадиная тяга, что мало тяжелой артиллерии. “Вперед! – указывал он. – Только вперед!”» (Пикуль В. Честь имею. М., 1989. С.387).

Войска Северо-Западного фронта в составе двух российских армий – 1-й Неманской и 2-й Наревской – начали наступление в Восточной Пруссии, где была развернута 8-я армия генерала фон Притвица. На карте Восточной Пруссии хорошо видны Мазурские озера, 1-я армия П.К. Ренненкампа (известного по прозвищу «Желтая опасность») обходила их с севера, а 2-й армии А.В. Самсонова (прозванного за богатырскую статью «Самсоном Самсонычем») предстояло огибать их с юга. Клинья двух армий должны были сомкнуться, чтобы в них увязли прусские войска. Однако пассивность командования и отставание тылов не позволили организовать должным образом преследование противника.

Максимилиан фон Притвиц уже видел себя «в мешке окружения» двух русских армий, которые вот-вот зажмут его в свои «клещи». Германское командование, видя бездействие Ренненкампа, все свои силы направило против армии Самсонова. А Ренненкампа, вместо помощи 2-й армии, начал подозрительно отклоняться в сторону Кёнигсберга и оказался отделенным от Самсонова грядой Мазурских болот и озер. Армия Самсонова попала в окружение и была уничтожена. Генерал застрелился. Армия Ренненкампа с большими потерями отступила в исходное положение.

События под Шталлупёненом (г. Нестеров) и Гумбинненом (г. Гусев) вызвали неопишемую панику у населения Тильзита. Многие жители покинули город. Гарнизон города, состоявший в основном из ландвера (ополчение) и ландштурма (ополчение 2-го разряда), оставил город в пятницу, 21 августа, в 12 часов ночи, двинувшись по железнодорожному пути. Казармы опустели, мосты остались без охраны, больницы и лазареты перевезли своих раненых по реке. Отдельные банки, почта и таможенные власти перенесли свои конторы в Кёнигсберг и далее.

Первые русские появились в Тильзите 24 августа (понедельник) утром, около половины восьмого, со стороны Раукотинского шоссе в районе железнодорожного вокзала. Уничтожили сигналы на станции, перерезали несколько телеграфных линий. Ротмистр (фамилию установить не удалось) в сопровождении 40 всадников встретился с обер-бургомистром Полем и бургомистром Роде на квартире первого (угол Райтбан- и Хайнрихсвальдер штрассе – ныне улицы Первомайская и Рабочая). Разговор шел на французском языке через переводчика. Потребовав овес для лошадей и несколько тильзитских сыров, русские ушли по шоссе на Калькаппен (район совр. ул. Суворова).

Итак, тильзитцы вновь были верны себе – встретили победителей мирно. 25 августа, около половины четвертого пополудни, на улицах Тильзита вновь появились русские – кавалеристы вместе с самокатчиками (велосипедистами), общей численностью до 40 человек. Они проехали через мост Луизы по улицам Дойче-, Вассер- и Хоэштрассе (ныне улицы Гагарина, Мамина-Сибиряка, Победы) и доехали до железнодорожного вокзала, где окончательно уничтожили исправленные к тому времени телеграфные линии, а телеграфные столбы спилили и разбросали. На почтамте на Хоэштрассе сняли все телеграфные аппараты, как и на вокзале, погрузили все почтовые велосипеды и некоторое другое оборудование на фуражную повозку и вернулись к мосту Луизы, откуда проследовали на Тауроген (ныне г. Таураге, Литовская Республика). «*Это подразделение, – отмечали местные хронисты, – вело себя уже менее церемонно, поскольку под конец находчивые солдаты-самокатчики, оказавшись вне поля зрения офицера, проникли в некоторые часовые магазины (Кунке, Майер) и взяли там часы, не оплатив их стоимость, а также они поменяли колеса на своих дрянных велосипедах на новые и даже целиком велосипеды на новые в магазине велосипедов Кизельбаха на Банхофштрассе*» (совр. ул. Красноармейская).

На следующий день, около пяти часов вечера, со стороны Таурогена в город вошла русская кавалерия численностью около 400 человек, заняла Драгунские казармы (ул. Красноармейская). Адъютант будущего коменданта города ротмистр Целиховский вручил в ратуше (находилась на пересечении совр. ул. Гагарина и пер. Янтарного) обер-бургомистру Полю черно-желто-белый полковой флаг. Этот флаг взвился над ратушей в пять часов тридцать минут пополудни в знак русского господства в городе. 28 августа в Тильзит прибыл комендант города подполковник Богданов и принял командование. Через час жители города могли прочесть объявление:

«По приказу занявшего город русского командования объявляется следующее:

Город занят русскими войсками, в нем вводится военное положение. Русский комендант объявляет, что он принимает высшее командование и ему должны подчиняться гражданские власти.

Вход в город и выход из него разрешены с 7 утра до 8 вечера; в течение этого времени разрешается проходить по мосту Луизы, по железнодорожному – вообще запрещается. С 9 вечера горожане должны находиться в домах, в противном случае они будут арестованы.

В соответствии с повторным настоятельным требованием не разрешается ни при каких обстоятельствах отпускать русским унтер-офицерам и солдатам алкогольные напитки (особенно шнапс и пиво). В противном случае налагается строгое наказание. Горожанам гарантируется защита, если они будут вести себя спокойно. Дома, из которых будут стрелять, подлежат уничтожению.

Сельское население с 7 часов утра до 8 часов вечера может спокойно въезжать в город и покидать его.

Тильзит, 26 августа 1914 года. Обер-бургомистр Польш».

Наряду с этим объявлением русские солдаты 27 августа расклеили на витринах магазинов напечатанное на русском и немецком языках воззвание к «миролюбивым гражданам»:

«Сообщение мирному населению.

При мирном отношении к нам жизнь и собственность населения берется полностью под охрану, в случае же, если в наших военных будут откуда-либо стрелять или причинят военным какой-либо вред или повреждение телеграфа, лица незамедлительно расстреливаются, а дом или вся деревня сжигается!»

Интерес вызывают также следующие приказы русского командования от 28 августа 1914 г.:

«1. При расчетах русских военнослужащих средством оплаты являются русские деньги. Рубль составляет 2,86 марки и должен применяться к оплате во всех заведениях по этому курсу; в случае отказа заведение закрывается.

2. Движение по реке Мемель [река Неман. – Г.И.] запрещено; неповинующиеся будут расстреляны.

3. О любых злоупотреблениях со стороны русских солдат следует немедленно докладывать русскому командованию в Драгунских казармах и магистрату.

4. Все горячительные напитки (шнапс, пиво и вино) на участке от Лаукзаргена до Тильзита, равным образом и в прилегающих населенных пунктах, уничтожать, т.к. распитие таковых не допускается.

5. Все тильзитские газеты подлежат цензуре».

Вот еще несколько распоряжений:

«Пользование велосипедами вне города запрещено. Движение автомобилей как внутри, так и вне города не разрешается. По неподчиняющимся будет открыт огонь. Используемые автомобили и велосипеды подлежат

конфискации. Вывоз продуктов питания из города целыми повозками запрещается». (Тильзит, 31 августа 1914 г.)

«Время, в которое публике не разрешается выходить на улицы, устанавливается с 9 часов вечера до 6 утра. В это время разрешается передвигаться по улицам только имеющим белые нарукавные повязки с надписью "служащий полиции" лицам, управомоченным полицейской службой безопасности. Другим лицам нахождение на улицах в указанное время не разрешается». (Тильзит, 2 сентября 1914 г.)

«С учетом мирного поведения населения курс рубля, принимаемого заведениями от русских военнослужащих к расчету, понижается с 2,86 марки до 2,50 марки. Дальнейшее снижение курса рубля предусмотрено на случай, если дальнейшие порядок и спокойствие будут сохраняться. Комендант г. Тильзита подполковник Богданов». (Тильзит, 2 сентября 1914 г.)

«Для устранения нехватки разменных денег в обращение вводятся товарные чеки достоинством 1/2, 1, 2, 3, 5 и 10 марок. Погашение товарных чеков, имеющих печать магистрата и подписи двух членов магистрата, обеспечивается городской общиной Тильзита. Магистрат. Обер-бургомистр Поль». (Тильзит, 4 сентября 1914 г.)

Итак, русское командование гарантировало жителям города свою защиту при условии, что они будут вести себя мирно. Судьба Тильзита была поставлена в зависимость от дисциплинированности его жителей. Уверенные действия обер-бургомистра Поля позволили успокоить горожан и уберечь город от большего ущерба. Работали школы, гимназии, магазины и рестораны, в кинотеатрах можно было посмотреть фильмы, в городском театре шли оперы и оперетты. В ратуше заседал городской магистрат. В Бюргерхалле («Городской зал», угол совр. улиц Победы и Больничной, где ныне находятся фонтан и кинотеатр «Парус») шли концерты.

Войска проходили через город до 7 сентября, это были пехотные полки 53-й пехотной дивизии (209-й, 210-й, 211-й, 212-й), артиллерийские бригады (53-я, 54-я?) с 80 полевыми орудиями и примерно 20 пулеметами, полк драгун, полк казаков, далее целый обоз с нескончаемыми грузовыми повозками (общая численность личного состава – 16-18 тысяч человек). Войска прибывали из Таурогена, шли через мост Луизы, Фабриктрассе (совр. ул. «Искры»), Дойчештрассе и большей частью через Хозштрассе, располагались на отдых в пустующих казармах, чтобы на следующий день уйти дальше на Скайсгиррен (ныне пос. Большаково), Лабиау (ныне г. Полесск) и на рубеж Деймы. Если сосредоточение войск было крупным, русские становились на бивак за городским парком Якобсруэ (по Жилинскому и Калининградскому шоссе), где обычно священники в полевых условиях совершали богослужение. 8 сентября в Тильзит вошел 270-й пехотный Гатчинский полк (сформирован под Выборгом во вторую очередь призыва 14 июля 1914 г.) с двумя батареями полевой артиллерии; подразделения полка остались в городе и его окрестностях, в Хайнрихсвальде (ныне г. Славск).

В первые дни тильзитцы не жаловались на поведение русских, однако в дальнейшем, как отмечали местные хронисты, «становилось заметно, что день

ото дня они становятся все более дерзкими. В последние дни обременения и придирки становятся все чаще... Еще до этого на город была наложена военная контрибуция в 50 тысяч марок... Два бургомистра и десятого горожан стали заложниками за город. Вдобавок ко всему под угрозой тяжелого наказания и домашнего обыска должны были быть сданы все частные велосипеды». В то же время командир 1-й бригады 53-й пехотной дивизии генерал-майор Иван Алексеевич Хольмсен при любых обстоятельствах искал возможность поддерживать строгость и порядок. Примеры контроля за поведением русских солдат встречаются в воспоминаниях очевидцев:

«Однажды после обеда, часа в три, двое русских солдат зашли в пивную Шелера, бывшую Назера, на Хозштрассе, 19 [ул. Победы, магазин "Мир мебели". – Г.И.], потребовали дать им поесть и бутылку вина, но отказались оплатить счет. Когда им дали понять, что еду им уж подарили и что нужно оплатить лишь бутылку вина, они пригрозили обслуживавшему их официанту револьвером. Случайно оказавшийся перед этим домом русский генерал, принимавший прохождение русских войск, получил сведения об этом от служащего данного заведения, после чего вошел туда, убедился в правильности доклада и приказал офицеру арестовать обоих солдат и увести их в сопровождении двух конвоиров».

В другом случае в парикмахерской на Банхофштрассе русский попросил подстричь ему волосы и побрить его, а затем ушел, не заплатив. Парикмахер послал за ним вслед и сообщил о происшествии встреченному им офицеру. Он привлек солдата к ответу. Но тот заявил, что уплатил. В связи с возражениями парикмахера уплатил сам офицер, с небольшой доплатой, солдату приказал бежать».

Таких случаев, свидетельствующих о благородстве и интеллигентности офицеров русской армии, было множество. Приведу только один пример из монолога 47-летнего корреспондента газеты «Тегеблатт фюр Литауэр» Карла Водтке:

«Я не изучал русский язык! Когда нас мучили Цезарем, Цицероном и Горацием, Ксенофонтом, Софоклом и Платоном и другими истлевшими идолами, когда мы были напичканы французскими и английскими выражениями, мы знали лишь несколько русских выражений – и больше ничего! Напротив, русские офицеры, за малым исключением, владели немецким языком, некоторые даже в таком совершенстве, что их нельзя было принять за иностранцев. А сколько русских солдат объяснялось с нами довольно хорошо на немецком языке при передаче сообщений! Мы, немцы, в этом отношении для этой войны, которая должна была прийти, хотели мы этого или нет, многое упустили, многое!»

После поражения русских под Танненбергом военное положение изменилось.

Командующий 1-й Неманской армией генерал от кавалерии П.К. Ренненкампф принял решение об отступлении своей армии из Восточной Пруссии под давлением превосходящих сил противника. Немецкое командование стремилось окружить русскую армию, отсечь ей пути отхода к реке Мемель.

К вечеру 12 сентября части немецких войск подошли к Тильзиту. 270-й пехотный Гатчинский полк отошел по Штольбеккерштрассе (ныне ул. А. Невского) на Шплиттер (район совр. ул. Чапаева) и окопался на Лесном кладбище и ипподроме и на опушке леса (совр. ул. Героев). К нему примкнули разбитые русские части, отступившие с низменности.

13 сентября, после почти четырехчасового боя, русские были вынуждены сдаться. Здесь погибло много русских воинов. Было пленено около 1000 человек, которых доставили в конюшни Драгунских казарм. Около 3500 человек было пленено в районе Хайнрихсвальде. В числе пленных был и русский комендант – подполковник Богданов, которого впоследствии обменяли на немецкого полковника. В русской же военной историографии, в частности в трудах военного историка А.А. Керсновского, указывается, что «31 августа (13 сентября по новому стилю) под Тильзитом полностью пал 270-й пехотный Гатчинский полк».

В музее истории города есть сборник документов того периода – «Тильзит под русским владычеством с 26 августа по 12 сентября 1914 года», изданный в 1915 г. в Тильзите в типографии Эдуарда Павловски. В сборник вошли приказы русского коменданта подполковника Богданова, распоряжения обер-бургомистра Эльдора Поля, статьи корреспондентов тильзитских газет. В нем много фотографий тильзитского фотографа Роберта Минцлоффа, запечатлевшего атмосферу событий тех 18 дней из жизни Тильзита. Вошли в него и фотографии русских военнопленных.

В период нахождения русских в городе захоронение убитых и умерших от ран осуществлялось на местах биваков на нынешних Калининградском и Жилинском шоссе, в парке Якобсруэ (совр. городской парк), во дворах Драгунской и Бисмаркской (район совр. ул. А. Невского) казарм, а также во дворе католической церкви (совр. ул. Мамина-Сибиряка), на католическом кладбище на Штольбеккерштрассе (ул. А. Невского), евангелическом кладбище, на кладбище при часовне (совр. ул. Героев), на кладбище по Гинденбургштрассе (совр. ул. Маяковского), на иудейском кладбище (у перекрестка улиц Матросова и Жуковского) и у Литовской церкви (совр. ул. Дружбы).

В немецких источниках находим сообщение о похоронах русского офицера:

«Церемония похорон ротмистра [фамилия не указывается] очень тронула нас, тильзитцев... Своёобразно и совершенно необычно тронул нас, немцев, обычай, когда тело умершего препровождается в открытом гробу, тем не менее вся церемония была облечена глубокой религиозной серьёзностью и захватывающей торжественностью, которые также произвели на нас глубокое впечатление. Ближе всех за катафалком с крышкой гроба, шашкой и офицерским знаком умершего шли рядовые с непокрытыми головами, затем открытый гроб, который несли шесть солдат, священник и офицеры, все также с непокрытыми головами. Их замыкало множество эскадронов казаков. Церковные обряды захоронения можно было наблюдать ежедневно. Заканчивались они всеобщим пением “Боже, царя храни”».

Согласно действовавшей в то время Международной конвенции, 16 сентября 1914 г. русских, убитых в последнем бою 13 сентября, похоронили

с воинскими почестями, по христианскому обряду на Лесном кладбище (Вальдфридхоф) южнее основной дороги. Вот хроника тех событий из газеты «Тагеблатт фюр Литауэн»:

«Погребение солдат, не виданное еще Тильзитом в такой величии, состоялось в среду после полудня на Лесном кладбище под Шплиттером. Уже в полдень собрались большие толпы, насчитывавшие к трем часам дня несколько тысяч человек. На возвышении перед импозантным центральным строением крематория стояли 23 богато украшенных гроба... Военный пастор Коннар в траурной речи сказал: “Никто не имеет большей любви, чем тот, кто «за други своя жизнь положиша»... Эти гробы напоминают нам о глубоком смысле нашей жизни. Каждый отдает свою жизнь по своему призванию. Хотя есть один гроб среди вас, который не относится к нашему народу, однако смерть разрешает все враждебные противоречия жизни. Мы хотим думать о том, что все мы люди, мы молим Бога о том, чтобы он послал нам любовь, чтобы мы любили и врагов наших. Хотелось бы эту войну направить на то, чтобы всемогущей стала любовь”».

После траурной панихиды военного пастора Коннора была исполнена молитва, а затем под звуки мелодии «Иисус живет, с ним и я» траурный кортеж тронулся к братской могиле. Священник благословил тело, оркестр исполнил «Как они там сладко покоятся, все почившие», и началась печальная работа по захоронению. Три ружейных залпа оповестили далеко вокруг о возвращении в матушку-землю.

Из 23 тел только 21 было захоронено в братской могиле, так как тело фельдфебеля было затребовано родственниками в Берлин.

Тело русского полковника (возможно, Петрова, погибшего 13 сентября 1914 г.) было захоронено на отведенном для павших русских месте, которое находилось южнее главной дороги. Там уже покоились 48 русских. Восемь гробов еще ждали захоронения.

18 октября 1914 г. обер-бургомистр Э. Поль на открытом собрании городских представителей заявил: «Там, на нашем Лесном кладбище, находятся воины, павшие в бою, от вашего имени, господи, я принимаю заботы об их могилах на город».

В 1918 г. на Лесном кладбище на месте захоронения русских была установлена стела, увенчанная крестом и свидетельствующая о захоронении 3 русских офицеров и 298 солдат, а также могильная плита с надписью о захоронении 187 русских и 1 румынского воинов. На месте захоронений немецких воинов Первой мировой войны покоятся 514 солдат. Памятный камень с надписью «Хотели бы вы жить в позоре! 1914–1918 гг.» (на обратной стороне надпись сбита), ранее установленный на месте немецких захоронений, в 1992 г. был перенесен на центральную дорожку, ведущую к развалинам крематория. До 50-х годов прошлого столетия 113 бетонных надгробных плит с фамилиями павших в бою и умерших от ран воинов означали места последнего упокоения солдат и офицера, отдавших жизнь за Отечество, за своего царя.

Очень печально, что мы не смогли уберечь для потомков фамилии русских воинов, павших в Тильзите в период Первой мировой войны. Мне думается,

что пришла пора более серьезно отнестись не только к возрождению истории и культуры города, но и к практической деятельности по реставрации памятника русским, захороненным в Первую мировую войну, особенно сейчас, в преддверии 100-летия со дня ее начала.

Первое упоминание о кладбище в русской историографии – 1952 г. В паспорте, составленном решением исполкома Советского городского Совета депутатов трудящихся №323 от 27.10.1978 г., значилось:

«Кладбище русских воинов расположено в черте города в лесном массиве по улице Героев. На нем захоронены 3 офицера и 298 солдат, погибших в Первую мировую войну. Территория кладбища ограждена металлической оградой, дорожки выложены каменной плиткой. В левом углу – стела, увенчанная крестом, на ней надпись на немецком языке “Памяти покоящихся здесь русских воинов – 3 офицера, 298 солдат 1914–1918 гг.”. Справа братская могила, на надгробном камне надпись “Здесь захоронены 187 русских и один румынский воин 11/14/18 гг.”».

На 1979 год сохранились две плиты с фамилиями захороненных:

Антипов – 16.11.1918 г.

Кирьянов – 26.03.1918 г.

Поляков – 18.2.1918 г.

Воронов – 16.11.1918 г.

Тереков – 16.11.1918 г.

Красильников – 24.04.1918 г.

До 1992 г. плиты находились в музее кинотехникума. После Второй мировой войны (1947 г.) бетонные надгробные плиты с фамилиями захороненных были сняты и вывезены в г. Пагегяй Литовской Республики для оборудования базы хранения ГСМ 11-й армии. В 1989 г. музей истории города Советска явился инициатором работ по восстановлению военного мемориала.

В 1990 г. музею истории города Советска литовской стороной были переданы 27 надгробных плит. До 1992 г. они находились в музее, так как малый Совет депутатов трудящихся города не принимал никаких мер по их установке. И только 13 июня 1992 г., на Троицу, от Свято-Троицкого храма состоялся крестный ход и митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл через 78 лет освятил захоронения русских воинов и место будущей часовни (которой, к сожалению, до сих пор нет, возможно, она появится к 100-летию Первой мировой войны), где и был установлен памятный дубовый крест. В траурной речи митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл отметил, что «люди, забывшие своих отцов и матерей, не могут быть счастливы». Это и сейчас во многом касается каждого из нас.

Господин Хорст Мертинайт, председатель городского общества «Тильзит» из города Киля (ФРГ), в 1991 г., во время своего первого посещения родного города, сказал, что тильзитцы поддерживают идею восстановления военного мемориала и совместно с Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами окажут посильную материальную помощь. И они ее оказывали 15 лет, реставрируя военные захоронения воинов, павших в Первой и Второй мировых войнах.

Все начиналось так. 18–19 июля 1989 г. город официально посетил уроженец Тильзита Зигфрид Марун, который очень много рассказал об истории

многовекового города, в том числе о военных захоронениях Первой и Второй мировых войн.

Сотрудники музея – Георгий Игнатов, Наталья Пономарева, Анжелика Шпилева – и два волонтера – девятиклассники Петя Филиппов и Коля Мавров – приступили к благоустройству военного захоронения. Председатель исполкома Валерий Безденежных поддержал инициативу музея, а руководитель отдела культуры администрации города Виктор Добродеев организовал субботник по благоустройству захоронения, сумел привлечь сотрудников библиотеки и коллектив театра юного зрителя «Молодежный». Наталья Пономарева, Геннадий Энтис, Георгий Игнатов, Иван Степин, Анатолий Полуниин, члены фирмы «Эко-Неман» получили разрешение администрации города на благоустройство Лесного кладбища.

Херберт Леттко из Майнца оказал финансовую помощь в составлении проекта и в благоустройстве военного захоронения. 22 августа 1992 г., в День города, предварительные работы – установка металлического креста и укладка тротуарной плиткой центральной дороги – были завершены. С 1993 г. к благоустройству мемориала подключились администрация города и Народный Союз Германии по уходу за военными могилами земли Рейнланд-Пфальц. Народный Союз Германии с 1993 г. начал проводить молодежные встречи со студентами Калининградского областного колледжа культуры и искусства, учащимися школы №2, а с 1994 г. заработал лагерь. Руководителями здесь были Иван Баранов и Вальдемар Кульпе (управляющий отделом Союза земли Рейнланд-Пфальц).

В сентябре 1994 г. по инициативе городского комитета по культуре состоялся День памяти русских воинов – событие, шагнувшее за границы Балтийского региона. Городская газета «Вестник» писала: *«Их хоронили 80 лет назад вдали от Родины – русских солдат и офицеров, волею судьбы и политиков оказавшихся на Прусской земле... У мемориала собралось много народа – представители городской администрации, политических партий, общественных организаций, балтийского казачества, воинских частей, таможни и просто – без всякого представительства – горожане. Из Калининграда приехали заместитель главы областной администрации, профессор И. Кузнецова, председатель комитета по культуре В. Безруков, епископ Балтийский Пантелеимон и благочинный епархии Петр Бербенчук... Владыка освятил захоронение русских воинов... Так, спустя 80 лет, павшим русским воинам вновь воздаются подобающие им почести»* (журналист Александр Жданов).

Специалист по культуре администрации города Вячеслав Шахов, ныне Заслуженный работник культуры РФ, кандидат культурологии, совместно с музеем истории города Советска, епархией и военнослужащими провел акцию увековечения памяти погибших русских воинов, захороненных на мемориальном комплексе Первой мировой войны 18 сентября 1999 года...

«День памяти русских воинов, посвященный 85-летию начала Первой мировой войны и первых захоронений русских воинов в Тильзите, проводимый сегодня, обретает в России традицию поминовения всех воинов, павших на поле брани. Захоронений русских воинов в таком виде, в каком оно существует у нас в Советске, в Калининградской области больше нет...»

Вечная память воинам, павшим в боях, а всем живущим – многие лета, – произнес викарный епископ Смоленский и Калининградский владыка Пантелеймон. Духовное покровительство над захоронением русских воинов берет православное духовенство Калининградской епархии.

Подобная акция состоялась и в ознаменование 60-летия Победы в Великой Отечественной войне и 90-летия с начала Первой мировой войны и первых русских захоронений русских воинов на территории Тильзита. В сентябре 2005 г. частично был реализован проект «День памяти русских воинов» – был установлен металлический крест вместо сломанного вандалами дубового.

30 июня 2006 г. Народный Союз Германии по уходу за военными могилами совместно с администрацией города освятили военное захоронение русских и немецких солдат Первой мировой войны и немецких солдат Второй мировой войны. Председатель землячества «Тильзит» из г. Киль Хорст Мертинайт в своей речи по случаю освящения солдатского кладбища в Советске, бывшем Тильзите, сказал:

«Сегодня, спустя 15 лет, мы стоим на крайне важном участке долгого пути памяти об ужасном прошлом. Конечно же, первые шаги были нерешительными, ведь нам предстояло прояснить и осознать прошлое, разделяющее нас. Сегодня мне хотелось бы поблагодарить администрацию города Советска, союз городов Киль – Советск, Советскую Армию, предпринимателя Герберта Леттко из Майнца, а также многих отдельных лиц и, не в последнюю очередь, Народный Союз Германии по уходу за военными могилами земли Рейнланд-Пфальц, оказавшего нам неоценимую помощь в проведении всех работ и в планировании с 1994 г. В целях примирения необходимо было обнародовать скрытое и жестокое прошлое. Первые договоренности между городом Советском и Народным Союзом Германии было непросто сформулировать, ведь тогда еще не существовало никаких соглашений между Советским Союзом и Германией в этой области. Однако нас объединяла одна общая цель – примирение. Мы знали, что некоторые воспоминания воплотятся в камне и в виде крестов и что прошлое вновь оживет через судьбы отдельных людей. Захоронение здесь 514 немецких и 489 русских солдат Первой мировой войны и около 800 немецких солдат Второй мировой войны отвечает требованию международного права обеспечить “вечный покой” погибшим во время войны...»

Работа на кладбище наглядно продемонстрировала общую программу, культуру, политику, религию, а общение с ветеранами и их современниками – ситуацию в регионе в целом. Помимо прочих, обсуждался вопрос, как содержать могилы русских солдат в Германии. И тогда, и сейчас мы можем уверить вас, что именно Народным Союзом Германии делается все возможное, чтобы сохранить памятники русским солдатам в Германии и обеспечить достойный уход за их могилами. Сегодняшнее освящение кладбища – это благодарность всем тем людям, которые возложили так много сил в восстановление кладбища. Это торжественное освящение не должно стать концом нашего пути, напротив – должно и дальше вести нас к мысли, что примирение – это не только видимость ритуалов, что оно происходит, прежде всего, в сердцах.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ						ВЕЧНАЯ СЛАВА					
11 неизвестных 14.9.14		10 неизвестных 14.9.14		8 неизвестных 14.9.14		Петров 13.9.14 Росаков 13.11.14 Бектиров 15.11.14					
Зайцев 9.6.15 2 неизвестных 9.6.15 Колылишов 11.6.15	Пшенищиков 9.6.15 Канишев 9.6.15 Седюк 9.6.15	Бутусов 9.6.15 Михалин 9.6.15 Избюв 9.6.15	Саранчка 14.6.15 Коршин 14.6.15 Моширов 17.6.15	Соколов 17.6.15 Гвинько 17.6.15 Чирпанский 17.6.15	Меднико 22.6.15 Кенвирт 23.6.15 Лосяков 23.6.15						
Шкобабин 28.6.15 Коншин 28.6.15 Зиаренко 28.6.15	Михайлов 6.7.15 Билановский 7.7.15 Павлов 9.7.15	Елистратов 9.7.15 Себадониюв 9.7.15 Бухалов 9.7.15	Безуглый 19.7.15 Маркус 19.7.15 Имаев 21.7.15	Ерегин 21.7.15 Артыанов 21.7.15 Собатов 22.7.15	Русский лейтенант Шеленбаум 23.7.15						
Русский лейтенант Поталов 30.07.15	Лазеронов 4.8.15 Левалин 4.8.15 Неизвестный 6.8.15	Гушков 1.9.15 Хоролин 1.9.15 Палинки 10.9.15	А.Иванов 10.9.15 Юряк 13.9.15 Красилев 13.9.15	Боранков 13.9.15 Ващюков 13.9.15 Дюхов 13.9.15	Пшекота 27.9.15 Галяхмитов 4.10.15 Хмелев 12.10.15						
Мегоровский 27.10.15 Дроздовский 30.10.15 Палков 3.11.15	Баширов 2.2.16 Газрилов 2.2.16 Редивонон 2.2.16	Н.Васильев 28.2.16 Долгополов 1.3.16 Шыков 3.3.16	Шигманн 3.3.16 Ефремих 7.3.16 Лепешкин 7.3.16	Садлоха 15.3.16 Хоришилов 23.3.15 Трелашкин 23.3.16	Антилов 16.11.18 Терекон 16.11.18 Воронов 16.11.18						
Поляков 18.2.18 Кирьянов 26.3.18 Красильников 27.4.18				Юдаков Шохшин Шестов							

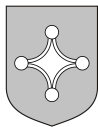
Имена русских воинов, похороненных на Лесном кладбище в Тильзите.

Эта церемония не подводит черту нашей работе, но дает начало долгому дружескому общению. Эта церемония призывает нас к миру».

Я умышленно остановился на хронике вышеуказанных событий с целью показать их патриотическую значимость для молодого поколения, признание и закрепление российской духовности на самом эксклавном ее рубеже, а главное, проявление культурно-исторической памяти как исторического фактора связи времен. И сегодня, в преддверии 100-летия со дня исторических событий Первой мировой войны, хотел бы перечислить тех, кто принимал активное участие в восстановлении Лесного кладбища, и поблагодарить их, а также всех, указанных ранее. Прежде всего, это бывшие руководители отдела культуры Виктор Добродеев и Вячеслав Шахов, председатели исполкома Валерий Безденежных, Владимир Лисовин, их заместители Александр Кобцев, Александр Яковлев и Екатерина Яблонская, архитектор города Николай Рябов, ответственный секретарь ВООПИК Александр Маслов, Иван Бакрымов, Дмитрий Барашков, отец Никифор, Евгений Нагорный, Александр Плотников, Александр Пономарев, Александр Жданов, Раиса Скобелева, Тамара Кобзарь, Константин Капранов, Василий Пономаренко, Сергей Федечкин (Соколов) и многие, многие другие.

Особую благодарность хотелось бы высказать уроженцам Тильзита: Хорсту Мертинайту – председателю землячества «Тильзит» и Почетному гражданину г. Советска, Ханнелоре Васнер – дочери последнего обер-бургомистра г. Тильзита, Альфреду Руббелю – председателю выпускников школы герцога Альбрехта, Зигфриду Харбрюккеру, Петеру Кипу и многим другим, принимавшим активное участие в восстановлении Лесного кладбища.

P.S. В 1918 г. по инициативе обер-бургомистра Тильзита Э. Поля были установлены мемориальные плиты с фамилиями захороненных. Они сохранились до наших дней – вчитайтесь в эти фамилии. Вечная слава русским героям, проявившим доблесть и отвагу на полях сражений Первой мировой войны!

Константин Александрович ПАХАЛЮК,
ведущий специалист научного сектора
Российского военно-исторического общества

Пилькалленский отряд

Из всех событий, происходивших в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг., наибольшее внимание исследователей привлекали масштабные сражения августа-сентября 1914 г., когда две русских армии вторглись в эту провинцию. Как известно, их наступление обернулось тяжелейшими поражениями и отходом за реку Неман. В сентябре основной центр событий на русском фронте переместился южнее – в Польшу, а восточнопрусский театр боевых действий стал второстепенным.

Во второй половине сентября были очищены от противника Августовские леса, и русские войска снова оказались на границах провинции. К концу ноября в ходе фронтального наступления и многочисленных позиционных боев 10-я армия генерала Ф.В. Сиверса дошла до линии Мазурских озер, где и остановилась.

Бои, которые велись во время позиционного периода войны в Восточной Пруссии, практически не изучены и мало отражены не только в военно-исторической, но даже и в краеведческой литературе Калининградской области. Лишь редкие публикации (в том числе из воспоминаний участников) дают отрывочные представления о тех событиях. Потому стоит попытаться хотя бы частично восполнить этот пробел. В этом плане было бы интересно описать действия Пилькалленского* отряда, образованного 20 ноября 1914 г. (все даты в статье приведены по новому стилю) из состава войск 3-го армейского корпуса генерала Н.А. Епанчина и находившегося вначале на правом фланге 10-й армии.

Первоначально в состав отряда входили один батальон 292-го пехотного Малоархангельского полка и три сотни 3-го Донского казачьего полка при двух орудиях под общим командованием штабс-капитана Боголюбского¹.

Вот полное расписание сил:

– четыре роты 292-го пехотного Малоархангельского полка:

5-я рота – 122 человека, командир прапорщик Юдин при младшем офицере прапорщике Замышляеве;

6-я рота – 110 человек под командованием подпоручика Соколовского при младшем офицере прапорщике Серебрякове;

7-я рота – 145 человек, командир подпоручик Головин при младшем офицере прапорщике Мартынове;

8-я рота – 121 человек, командир прапорщик Демихов при младшем офицере прапорщике Глебове;

* Пилькаллен (Pillkallen), в 1938–1946 Шлосберг (Schloßberg), – ныне пос. Добровольск Краснознаменского района.

– три сотни 3-го Донского казачьего полка под командованием есаула Валуева (всего 362 коня):

1-я сотня – 82 коня, есаул Валуев и хорунжий Дьяков-Авилов;

2-я сотня – 136 коней, хорунжие Измайлов, Попов, Широков;

6-я сотня – 144 коня, есаул Попов, хорунжие Алимов, Говорухин;

два орудия 4-й батареи 73-й артиллерийской бригады под командой прапорщика Шульгина.

Задачей отряда было наблюдение за районом Дроцвальдер Вальд [Drozwalder Wald] – Лёбегаллен [Löbegallen] – Лазденен [Lasdehnen] – Амбрасгиррен [Ambrasgirren] – Виллюнен [Willuhnen], а также упорное сдерживание противника в случае его наступления на наши тыловые пути. Ближайшим соседом (слева) была конница барона Майделя, которая занимала район Мешкуппен [Meschkuppen] – Шпуллен [Spullen]. Отряд подчинялся непосредственно Н.А. Епанчину².

Интересно отметить, что в 6-й сотне 3-го Донского казачьего полка³ (которую возглавлял есаул Попов) служил казак Козьма Крючков, известный герой этой войны, первый георгиевский кавалер. Согласно официальной версии, 12 августа недалеко от границы с Восточной Пруссией он вместе с тремя другими казаками вступил в бой с немецким разъездом численностью в 27 человек, из которых собственноручно убил 11 всадников, сам же получил 16 ранений. В одночасье имя казака Крюčkова облетело всю Россию, он стал героем, ему посвящали стихи, о нем слагали песни, о его подвиге писали в статьях и многочисленных брошюрах. Не будет преувеличением сказать, что Крючков стал символом русского героизма. Вполне возможно, что он участвовал и в действиях Пилькалленского отряда. По крайней мере, точно известно, что зимой 1914–1915 гг. его боевой путь пролегал по территории Восточной Пруссии. Так, в январе 1915 г. известная певица Н.В. Плевицкая, работавшая санитаркой в одном из госпиталей, в мемуарах писала о поездке в Тракенен [Trakehnen] (примерно 25 км от Пилькаллена): «На дворе мы увидели, между прочим, чубатого, с тонким, красивым лицом казака, который учился ездить на велосипеде. Он не обращал на нас внимания, а упрямо одолевал стального коня. Впрочем, этот конь то и дело сбрасывал казака в снег... Так мы увидели Крюčkова, портретами которого уже пестрили все журналы. Княгиня [попечительница Николаевской общины сестер милосердия княгиня Васильчикова. – К.Л.] казака сфотографировала. Он позировал неохотно. Генерал Леонтович заметил, что Крючков “не очень дисциплинирован”. Когда Крючков хочет идти в разведку, а генерал не разрешает, он упрямо трясет чубом, повторяя: “А почему, а почему?”»⁴. Служивший при штабе 3-й кавалерийской дивизии П.А. Аккерман, который однажды попытался заговорить с Крючковым о его подвиге, отмечал в воспоминаниях: «...мне показалось, что ему или надоело, или, по скромности, неприятно распространяться о своем героизме. Достаточно поузнав его за время совместного пребывания в нашем штабе, я склонен думать, что причиной была его скромность»⁵. Однако вернемся к повествованию о действиях Пилькалленского отряда.

Утром 20 ноября части 292-го полка прибыли в Пилькаллен, где в то время размещались части 1-го драгунского Московского полка. Вскоре туда

подоспели казаки и артиллерия. Вечером 21 ноября командир драгунского Московского полка полковник Кусов сдал дальнейшее охранение (которое состояло из высылаемых ежедневно 5 разъездов), а сами драгуны были вскоре выведены из этого района.

Первые события на фронте отряда произошли вечером 22 ноября, когда в штаб явился некий русский подданный Гулич с сообщением о том, что в районе Лазденена [Lasdehnen] действует немецкий отряд с артиллерией и кавалерией⁶. На следующий день туда был отправлен разъезд хорунжего Говорухина, который смог добраться лишь до Даудена [Dauden], Грюнвальде [Grünwalde], Дроцвальде [Drozwalde, Droszwalde], Кляйн-Йодупёнена [Klein Jodupönen], где попал под обстрел и повернул назад.

Утром 23 ноября части 3-го Донского казачьего полка сменили войска драгунского Московского полка на дальнем охранении. Уже вечером от разъездов были получены следующие сведения о германцах. В Шилленене [Schillenen] противник не обнаружен, зато у Руккена [Rucken] и Лаздинелена [Lasdinehlen], произошла стычка с немцами и была обнаружена отдельная пехотная застава (силой около роты). Во время боя погиб казак Федор Медведев, ранен казак Глебздин, пропали без вести еще трое казаков. У деревни Нейдорф [Нойдорф, Neudorf] обнаружена немецкая пехотная застава силой в 50 человек с придачей ей 6 всадников. Здесь наш разъезд обстреляли, в результате чего получил ранение казак Девяткин. У Лёбегаллена, обнаружены работы по окопному делу, по нашу сторону реки работало около половины роты немцев. Казачий пост, находившийся в Виллюнене, доносил о том, что все благополучно.

В 11 часов дня 25 ноября от барона Майделя пришла телефонограмма, гласившая о том, что немцы потеснили заставы конницы у Егленшкена [Эггленшкен, Egglenschken], Кёгстена [Kögsten] и Беднорена [Bednohren]. Свободным от наряда чинам Пилькалленского отряда было приказано отойти на запад и северо-запад от Пилькаллена для укрепления позиции, выбранной для обороны, в случае если противник станет наступать дальше. Однако уже вечером появилось сообщение, что конница Майделя остановила противника и оттеснила его на старые позиции.

По предположению русского командования, против сил штабс-капитана Боголюбского действовал отряд немцев примерно в один полк пехоты с несколькими пулеметами, легкой артиллерией и 2-3 эскадронами кавалерии. Одной из его задач, вероятно, являлоськрытие фуражировки, которую противник производил в селах близ реки Неман. На эту мысль натолкнуло то, что был постоянно слышен стук машин, обмолачивавших зерно, а также замечались гурты скота, которые немцы гнали себе на поля⁷. Таким образом, перед Пилькалленским отрядом находились превосходящие силы противника; видимо, поэтому Боголюбский решил не проявлять лишней активности (которая могла привести к крайне отрицательным последствиям), ограничиваясь пассивным выполнением поставленной задачи.

26 ноября прошло спокойно, за исключением перестрелки нашего разъезда с немцами у Нойдорфа, во время которой погиб один немец-самокатчик. На следующий день немцы повели наступление и выбили наши части из Шилленена. В поддержку находившемуся здесь разъезду был послан офицерский разъезд

хорунжего Широкого, а взвод пехоты занял окоп в направлении наступавшего противника. Одновременно у Нойдорфа немцы также теснили наш разъезд, на усиление которого были посланы казаки. В итоге противник был остановлен, с нашей стороны погиб один казак.

28 ноября 1-я сотня под командой есаула Валуева по приказанию командира корпуса была отправлена в штаб 73-й пехотной дивизии. Около 12 часов дня на фронте с северо-запада разъезды немцев снова активизировались. Нашим разъездам была послана поддержка – казаки и полурота пехоты, в итоге противника удалось отбросить на прежние позиции. Скорее всего, подобная активность являлась отвлекающим маневром, поскольку в это же время немецкий разъезд незаметно проник в наши тылы и вошел во Владиславов, в расположение 19-го драгунского Архангелогородского полка. Германцы захватили скот и беспрепятственно отошли. Видимо, под давлением этих событий в Пилькалленский отряд были отправлены еще 2 сотни казаков из 3-го Донского казачьего полка, одна из которых (3-я, под командованием есаула Сазонова) была размещена во Владиславове для предотвращения повторных набегов⁸. Вряд ли подобное усиление можно признать достаточным.

30 ноября к Грос-Рудшену [Groß Rudszen, Groß Rudschen] и Ужбаллену [Uszballen] начали приближаться немецкие разъезды силою 25 коней с разведывательными пехотными партиями. Наши отодвигались назад, а из Пилькаллена была выслана поддержка в 20 казаков и взвод пехоты. Немцы были остановлены и отступили на прежние позиции. Однако один неприятельский разъезд решил заночевать в Грос-Рудшене. Находя такое приближение противника к Пилькаллену нежелательным, штабс-капитан Боголюбский приказал послать туда 1 декабря с очередным разъездом и взвод пехоты. В итоге русские, подходя к Грос-Рудшену, заняли удачную скрытую позицию и открыли частый огонь. Это стало неожиданностью для врага, которому пришлось отступить в Нойдорф. Потерь с нашей стороны не было. В этот же день немцы попытались совершить очередной набег на Владиславов, но также были остановлены.

Вместе с тем обнаружилось усиление противника в районе Шилленена. Уже начиная с 27 ноября наш разъезд, которому предписывалось доходить до этого пункта, близко не подпускался, а 2 декабря, расспросив жителей окрестностей, русские узнали, что в Шилленене находится «много немецкой пехоты с пулеметами»⁹. К сожалению, более точных сведений добыть не удалось. Разведка доложила, что немцы там оставили отдельную пехотную заставу при двух пулеметах. К 6 часам вечера 2 декабря наши разъезды доносили, что Грос-Рудшен снова занят немцами – примерно взводом пехоты при нескольких велосипедистах. Русское командование направило к Шилленену драгунский Новороссийский полк, однако, предупрежденный об усилении противника, он остановился во Владиславове.

На следующий день в районе деревни Ушпианелен [Uszpianehlen, Uschpianehlen] были остановлены немецкие разведчики, также другая партия разведчиков противника с разъездом пытались проникнуть от Шилленена по шоссе на юг и дойти до Скроблинена [Skrobliepen], но были остановлены. Ввиду того что Владиславов был занят Драгунским полком, 3-й сотне казаков приказали идти в Виллюнен (куда на следующий день была направлена

и 6-я рота) для прикрытия дороги от Кузмена [Kusmen] на Шталлупёнен [Stallupönen] с севера.

4 декабря прошло относительно спокойно. Днем 2-я сотня казаков 3-го Донского полка по приказанию корпусного командира была отправлена в расположение генерала Юзефовича.

Все время немцы вели разведку двух путей к Шталлупёнену: один шел от Лазденена через Пилькаллен, другой – от Шилленена через Виллюнен и Кузмен, – но на этих путях они не допускались южнее Грос-Рудшена – Ерубискена [Erubischken] – Скроблинена. Немцы же поставили свое охранение полевыми караулами у деревень Дуден [Duden], Радшен [Radszen], Дористаль [Doristhal]¹⁰.

Ночью 6 декабря немцы заняли деревню Ушпианелен, а наутро обстреляли появившийся здесь русский разъезд, убив 4 казаков. Разъезд отошел в Ушпианен [Uszpianen, Uschpianen], причем был убит еще один казак. На следующий день сюда подтянули взвод пехоты, и противника удалось выбить из Ушпианелена.

Сведения от разъездов дали возможность наметить линию охранения немцев с севера. Она проходила с запада на восток по селениям Кляйн-Йодупёнен и Рагупёнен [Ragupönen], занятым наблюдательными постами немцев (15-20 конных). В Нойдорфе находилась пехотная застава противника силою в одну роту, она выставяла полевой караул в 5-6 конных восточнее Грос-Рудшена. Вся южная опушка леса от Нойдорфа до Патильшена [Patilszen] охранялась кавалерией. В Шорелленском лесу [Schoreller Forst] везде попадались конные противники. В Патильшене находился полевой караул от сильной заставы (2 эскадрона с пулеметами), которая располагалась в Шилленене. От Патильшена линия охранения шла далее через Дуден, Радшен и Дористаль.

Следующие дни прошли спокойно. Весь день 9 декабря наши разъезды наблюдали, как местные немецкие жители угоняли скот, а также были слышны колонные передвижения: как будто что-то увозилось из селений, окружавших местечко Лазденен¹¹.

10 декабря, в 3 часа 30 минут пополудни, 15 конных егерей 10-го егерского полка спешили и начали наступать на Виллюнен, думая, что там, как и несколько ранее, было 10 казаков. Однако в Виллюнене теперь стояла целая сотня казаков. Враг своевременно оказался замечен. Взвод казаков занял позицию. Когда егеря подползли на выстрел, казаки открыли огонь. У противника были убиты 7 человек, в том числе лейтенант и вахмистр. Конные казаки нагнали остальных, а казак Тарасов уколком пики уложил еще одного немца. В качестве трофеев были переправлены несколько солдатских личных значков, несколько погон солдатских и пара офицерских, Железный крест, записные книжки и открытки.

В это время на базе отряда Майделя был сформирован отряд генерала Леонтовича (начальник 3-й кавалерийской дивизии), состоявший из двух с половиной кавалерийских дивизий и артиллерии. Эти части 13 декабря были двинуты севернее Пилькаллена. Интересно привести воспоминания П.А. Аккермана, ординарца генерала Н.А. Леонтовича: «28 ноября [11 декабря по н. ст. – П.К.] выпала тяжелая ночь. Благодаря бездорожью... застряли батареи.

Немцы между тем сильно шевелились. Генерал страшно беспокоился, как бы не развилось наступление, потому что тогда с пушками пришлось бы проститься. Лошади положительно отказывались идти, ложились. И, что самое обидное, – все это происходило в расстоянии верст полутора от шоссе. Когда я проехал уже утром по шоссе мимо стоявших батарей, лошади все поголовно лежали: утомились уж очень... Ушли мы под выстрелами немцев, к утру начавших наступать весьма энергично. Единственное, что им мешало, а нас, в сущности, спасло от многих бед, – это был густой нависший туман, под прикрытием которого мы успели отойти без всякого урона и в полном порядке. Выступив в 6 часов утра, дивизия лишь после 4 часов дня пришла в местечко Шамейткемен [Жамайткемен – Szameitkehmen, Schameitkehmen. – Ред.]»¹².

Отряду штабс-капитана Боголюбского – в приказе от 12 декабря (29 ноября)¹³ – предписывалось подтянуть к себе казачью сотню из Виллюнена и занять линию охранения Грос-Шореллен [Groß Schorellen] – Хенскишкен [Henskichken] (включительно), связавшись справа с генералом Леонтовичем и слева с генералом Гротеном. Для поддержки охранения надлежало выдвинуть в Грос-Туллен [Groß Tullen] часть пехоты.

С рассветом 13 декабря охранение было выставлено по линии Шпуллен – Ной-Туллен [Neu Tullen] – Грос-Шореллен. Каждая казачья сотня посуточно выставляла по две заставы и по одному наблюдательному посту за дорогами на север и северо-запад и одного казака направляла в пехотную роту в Грос-Туллен, которая составляла сторожевой резерв. В этот же день было выявлено присутствие немецких полевых караулов в районе Мешкуппен – Шаккельн [Schackeln] – Биркенфельде [Birkenfelde]. 14 декабря выяснилось, что Дауден, Грюнкруг [Grünkrug] и Дроцвальдер Вальд заняты немецкими конными заставами в 35-40 коней каждая. А 15 декабря с отрядом в Виллюнен прибыл полковник Рудзкий, которому была послана схема расположения наших частей правого фланга 3-го корпуса и частей противника.

Остальные дни прошли для Пилькалленского отряда спокойно. 24 декабря, в 1 час 50 минут полудни, было получено приказание от командира корпуса оставить сторожевое охранение, а остальные силы, т.е. 3 роты пехоты с 2 орудиями, 2 пулеметами и 15 казаками (для связи), с наступлением темноты должны были отправиться в Тутшен [Tutschen] (близ Каттенау [Kattenau]) и поступить в распоряжение начальника 56-й пехотной дивизии генерала Иозефовича. В 6 часов вечера подразделения выступили в Тутшен, оставив в Пилькаллене 1-ю сотню 3-го Донского казачьего полка, однако вскоре вернулись обратно в Пилькаллен.

В дальнейшем никаких особых событий на фронте Пилькалленского отряда не происходило. Непосредственно на правом фланге уже действовала конница Леонтовича (севернее Пилькаллена), а также отряд полковника Бискупского, сформированный на базе отряда Рудзкого¹⁴ (к 9 января занимавший район Шилленена)¹⁵. Перед этими частями стояла задача вести разведку Лаздененских лесов, а затем русское командование решило вообще выбить оттуда противника, предприняв так называемую Лаздененскую операцию, начавшуюся 25 января 1915 г. и окончившуюся неудачно.

Действия Пилькалленского отряда (разведка, отдельные стычки и перестрелка с противником) прекрасно иллюстрируют особенности боевой работы в позиционный период. Отряд состоял из кавалерийских и пехотных частей: первые выполняли непосредственную задачу разведки, в то время как вторые оказывали содействие, особенно при столкновении с превосходящими силами противника. Вместе с тем стоит признать, что полученные сведения являлись отрывочными (и недостаточными, если говорить о ведении разведки в интересах корпуса, а не самого отряда), проникнуть за линию охранения противника так и не удалось. Более того, сами германцы отдельными наступлениями и демонстрациями тревожили Пилькалленский отряд. Проникновение же вражеского отряда во Владиславов свидетельствует о недостаточности выделенных сил для прикрытия правого фланга. Неудивительно, что в этих условиях штабс-капитан Боголюбский решил ограничиться пассивным выполнением задачи. Так, даже получив сведения о том, что противник, скорее всего, прикрывает фуражировку, он не решился каким-либо образом помешать ей.

Примечания

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 1 об.

² РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 1.

³ Рыжкова Н.В. Донское казачество в войнах XX века. М., 2008. С. 53.

⁴ Цит. по: Плевцкая Н. Мой путь с песней // Сельская новь. 2002. 9 января. С.3.

⁵ Аккерман П.А. В штабе дивизии // Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 316.

⁶ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 2.

⁷ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 3 об.

⁸ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 4 об.

⁹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 5.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 6.

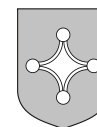
¹¹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 7.

¹² Аккерман П.А. Указ. соч. С. 310–311.

¹³ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 7 об.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 238.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 289.

Военное духовенство в боях за Восточную Пруссию. 1914-1915 годы*

В Российской империи Церковь не была отделена от государства. Поэтому в Российской императорской армии существовал институт военных капелланов. Численный состав военных священнослужителей определялся штатами, утвержденными Военным ведомством. Накануне Первой мировой войны в штате каждого полка состояли один священник и один церковник¹. Всего в 1913 г. в полках служили 766 военных священников. С началом боевых действий и многократным увеличением количества частей и соединений в русской армии количество военных священников достигло к концу 1915 г. двух тысяч.

К началу Первой мировой войны военно-религиозная служба в русской армии сложилась в стройную систему. Согласно утвержденному 12 июня 1892 г. «Положению об управлении церквями и духовенством военного ведомства» начальствующим лицом над военным духовенством был назван «протопресвитер военного и морского духовенства». По рангу протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном плане и к генерал-лейтенанту в военном. При протопресвитере имелись духовное правление из трех священников и двух мирян, утверждаемых Священным Синодом, и канцелярия. Штат сотрудников канцелярии был весьма скромным. По делам церковного управления протопресвитер получал указания от Священного Синода, а по делам военного ведомства – от военного и морского министра. Во время Первой мировой войны протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский находился непосредственно в Ставке, имел право личного присутствия на Военном совете и право личного доклада императору.

Основную тяжесть работы в войсках несли на себе полковые священники, подбиравшиеся на свои должности протопресвитером армии и флота. Полковой священник был приравнен по должности к капитану. Он находился в двойном подчинении. По церковным делам он подчинялся своему церковному начальству; по всем другим вопросам – военному начальству (командиру полка, бригады, дивизии, в которых служил). Обязанности военного священнослужителя определялись приказами военного министра и распоряжениями протопресвитера военного и морского духовенства. Их можно сформулировать так: в назначенное военным командованием время совершать богослужения в воскресные и праздничные дни; по согласованию с полковым начальством готовить военнослужащих к исповеди и причастию Святых Христовых Тайн; совершать таинства и церковные обряды для военнослужащих; наставлять военнослужащих в истинах Православной веры; вести беседы и чтения;

* Выступление в Гусевском муниципальном историко-краеведческом музее им. А.М. Иванова в 2009 г., на научно-практической конференции, посвященной 95-летней годовщине сражения при Гумбинне.

исправлять нравственные недостатки военнослужащих; утешать больных в лазаретах; погребать усопших; преподавать солдатам Закон Божий, охранять их от «вредных учений» и отпадения от Православной веры. Естественно, полковой священник был обязан усердно внушать военнослужащим любовь к вере, государю и Отечеству и утверждать повиновение властям.

По инструкциям протопресвитера военного и морского духовенства отца Георгия Шавельского, помимо вышеназванных обязанностей, полковой священник должен был помогать врачу в перевязывании ран; заведовать выносом с поля боя убитых и раненых; извещать родных о смерти воинов; организовывать в частях общества помощь семьям убитых и увечных воинов; заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ; устраивать походные библиотеки.

Один из полковых священников назначался дивизионным благочинным, приравненным к армейскому чину подполковника. Институт дивизионных благочинных был промежуточной ступенькой между полковыми священниками и протопресвитером военного и морского духовенства. Благочинный наблюдал за состоянием дел в подведомственных ему церквях дивизии, следил за преподаванием Закона Божьего в учебных командах и рассматривал жалобы на полковых священников со стороны военных и светских лиц. Полковые священники подчинялись благочинным и докладывали им о проделанной работе, благочинные докладывали протопресвитеру, а тот периодически информировал самого царя о религиозно-нравственном состоянии войск. Такая штатно-должностная структура показала себя на практике вполне эффективной.

Военные священники за свою деятельность получали награды не только «духовные», но и государственные. К началу XX в. порядок наград белых священнослужителей выглядел следующим образом: набедренный; фиолетовая скуфья; фиолетовая камилавка; наперсный крест от Святейшего Синода; орден Святой Анны 3-й степени; сан протоиерея; орден Святой Анны 2-й степени; орден Святого Владимира 4-й степени; палица; орден Святого Владимира 3-й степени; золотой наперсный крест из кабинета Его императорского величества; золотой наперсный крест с украшениями из кабинета Его императорского величества; орден Святой Анны 1-й степени; митра. Для иеромонахов из вышеперечисленных наград исключались скуфья, камилавка, сан протоиерея и добавлялись сан игумена (дававшийся после получения ордена Святого Владимира 4-й степени) и сан архимандрита (дававшийся после получения палицы или ордена Святого Владимира 3-й степени).

В местах постоянной дислокации полков старались строить для них специальные церкви. Это оправдывалось тем, что в мирное время российские войска обычно располагались на окраинах империи, в местах пустынных либо с иноверческим населением. В коренных же русских губерниях теснота имевшихся епархиальных храмов не позволяла всем желающим военнослужащим участвовать в воскресных и праздничных службах. Стремление поднять религиозно-нравственное воспитание в войсках на должный уровень побудило военное начальство заниматься храмостроительством. Так, в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин составил на Высочайшее имя доклад по улучшению

быта нижних чинов, в котором, помимо прочего, писал, что «в настоящее время представляется необходимым изыскать средства для постройки храмов при всех частях войск, в которых по штату положены священники, и для расширения существующих войсковых храмов, для чего необходимо разработать тип военной церкви». На этом докладе император Николай II собственноручно поставил резолюцию: «Дай Бог в скором времени удовлетворить религиозные нужды войск, что Я считаю делом в высокой степени важным. 23 января 1900 года».

Были созданы типовые проекты военных храмов, отпускались бюджетные средства на их строительство. К началу Первой мировой войны каждый полк либо имел специально построенный для него храм, либо использовал для богослужений приспособленное для этих целей помещение в казармах. Так, полки 27-й пехотной дивизии, принявшей впоследствии активное участие в боевых действиях в Восточной Пруссии, были в мирное время расквартированы в Вильно (Вильнюс, Литва). 105-й Оренбургский пехотный полк имел церковь в честь Святых Апостолов Петра и Павла (полковой праздник 12 июля по н. ст.). Церковь размещалась в одном из флигелей расположенных в центре города Преображенских казарм (здание бывшего иезуитского монастыря). Помещение было капитально отремонтировано, вмещало до 300 человек. Церковь 106-го Уфимского пехотного полка в честь Святого Великомученика Димитрия Солунского (полковой праздник 8 ноября по н. ст.) располагалась в здании казарм в предместье Вильны Снопшишки, имела колокольню «с большой главой» и вмещала 600 человек. 107-й Троицкий пехотный полк имел церковь в честь Святой Троицы (полковой праздник – день Святой Троицы), но не имел собственного церковного помещения. Для богослужений полк пользовался Виленской военно-госпитальной церковью. 108-й Саратовский пехотный полк имел церковь в честь Святого Благоверного князя Александра Невского (полковой праздник – 12 сентября по н. ст.). Церковь помещалась на 3-м этаже казарменного здания (бывшего иезуитского монастыря) на Кальварийской улице, вмещала 200 человек, имела дубовый иконостас в два яруса в греческом стиле, с художественной резьбой и позолотой.

В полковом храме проводились богослужения, солдаты и офицеры имели возможность молиться, исповедоваться, причащаться, венчаться, участвовать в иных церковных таинствах и обрядах. Полковой священник принимал активное участие в религиозно-нравственном воспитании личного состава. С началом мобилизации кадровые полки русской армии стали сосредотачиваться вдоль границ с Германией и Австро-Венгрией. Полковые священники последовали за своими частями, имея при себе все необходимое для проведения богослужений в полевых условиях.

В обычной пехотной дивизии военного времени (четыре пехотных полка и приданные части) на передовых позициях находились четыре полковых священника, два госпитальных или лазаретных и священник артиллерийской бригады, то есть семь священнослужителей. Один из них, как было сказано выше, назначался старшим, благочинным дивизии.

Роль священника на войне зачастую выходила за рамки проведения богослужений и исполнения треб. Подробного исследования деятельности военного духовенства в Восточной Пруссии пока не проводилось, но отдельные

факты можно привести и в нашей работе. Для темы данного доклада подробного описания боевых действий не требуется. Будут даны отдельные эпизоды, раскрывающие общую картину деятельности военного духовенства в русской армии на территории Восточной Пруссии.

Следует отметить, что длительное служение в военной среде иногда сказывалось на полковых священниках, приобретавших некоторую воинственность. Довольно часто военный священник в решительную минуту боя с поднятым в правой руке Крестом воодушевлял солдат продолжать сражение. Образно описывает поведение полкового священника 106-го Уфимского пехотного полка в бою 4 (17) августа под Шталлупёненом командир роты этого полка капитан А.А. Успенский. Полк завязал бой на подступах к Шталлупёнену, в селении Гёриттен. Винтовочный и пулеметный огонь противника, артиллерийский обстрел... Среди наступавших цепей полка появился «со святым Крестом и Евангелием наш полковой священник – престарелый отец **Василий Нименский**. Спешно, спешно прикладывались к святыням православные воины, и каждого он окроплял святой водой, напутствуя ободряющими словами. Ушедшие же вперед цепи он издали осенил святым Крестом. Это была невыразимая картина!»² Бой 4 (17) августа под Шталлупёненом сложился неудачно для 27-й пехотной дивизии. Из-за больших потерь левофлангового 105-го Оренбургского пехотного полка она была вынуждена отойти практически на исходные позиции. Между тем протоиерей Василий Нименский со своим церковником увлеклись и в наступившей темноте ушли вперед, дошли до Шталлупёнена, заночевали в городе и утром были обнаружены последним разездом отступавших немцев. Так храбрый полковой священник, первым вступивший во вражеский город, был взят в плен.

Еще пример. 119-й пехотный Коломенский полк 30-й пехотной дивизии IV армейского корпуса утром 7 (20) августа 1914 г. наступал вдоль шоссе Гольдап Гольдап (Польша) – Даркемен (Озерск). Разворачивалось сражение на Роминте (оно было названо Гумбиннен-Гольдапским, или Гумбинненским, но фактически Гумбиннена – сегодняшнего Гусева – не коснулось). Полк был внезапно атакован превосходящими силами немецкого 1-го резервного корпуса. Встречный бой оказался крайне ожесточенным и кровопролитным. Полковой священник отец **Андрей Пашин** в обстановке неразберихи начала боя сумел побывать в передовых ротах полка, оценить ситуацию, а затем убедить командира полка отменить ошибочный приказ, чем фактически спас полк от разгрома. За этот бой отец Андрей Пашин был удостоен наперсного креста на Георгиевской ленте³.

Священник 159-го Гурийского пехотного полка 40-й пехотной дивизии **Николай Дубняков**, когда был убит начальник обоза, взял командование на себя и довел обоз до места назначения.

Старец иеромонах Богородицко-Площанской пустыни Брянского уезда **Евтихий (Тулупов)**, служивший в 289-м Коротояжском полку 73-й второочередной пехотной дивизии, с Крестом в руке повел полк на прорыв из окружения и погиб при этом. Это случилось 9 июля 1915 г., когда дивизия уже покинула Восточную Пруссию. Знаменитая российская певица Надежда Плевицкая, работавшая в 1914 г. санитаркой в полевом лазарете 73-й пехотной дивизии, оставила в своих воспоминаниях описание поведения отца Евтихия во время

боя за пограничный город Эйдткунен (пос. Чернышевское) в ноябре 1914 г. Плевицкая вспоминала: «...врачи выбивались из сил, и руки их были в крови: не было времени мыть. Полковой священник, седой иеромонах, медленно и с удивительным спокойствием резал марлю для бинтов... среди крови и стонов иеромонах спокойно стал мне рассказывать, откуда он родом, какой обители и как трудно ему было привыкать к скоромному. Мне показалось, что он умышленно завел такой неподходящий разговор. “А может, он придурковатый?” – мелькнуло у меня, но, встретив взгляд иеромонаха, я поняла, что лучисто-серые глаза его таят мудрость. Руки мои уже не дрожали и уверенно резали марлю, спокойствие передалось от монаха и мне». Неудивительно, что этот священник в решительную минуту прорыва из окружения пошел впереди полка с Крестом в руке, воодушевляя бойцов. «Он не считался с опасностью и нисколько не боялся смерти. А когда пришел час его, то он, как пастырь добрый, совершенно спокойно положил душу свою за овцы своя. Вечная память тебе, дорогой собрат наш!» – писал командир 289-го полка об отце Евтихии (Тулупове). За стойкость и мужество, проявленные в боях на территории Восточной Пруссии, священник Евтихий (Тулупов) был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и посмертно орденом Святого Георгия 4-й степени.

Священник 42-й артиллерийской бригады **Виктор Михайлович Кашубский**, когда была прервана телефонная связь, добровольцем пошел искать разрыв. Телефонист, ободренный его примером, последовал за ним, нашел и устранил разрыв. Священник был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

Священник 5-го Финляндского стрелкового полка **Михаил Семенов** не только самоотверженно исполнял свои пастырские обязанности. В 1914 г. он вызвался провезти на передовую недостающие патроны по открытому месту, непрерывно обстреливаемому артиллерией. Он увлек за собой несколько нижних чинов и благополучно провез три двуколки с патронами, чем обеспечил успех операции. Месяц спустя, когда командир полка с офицерами и отцом Михаилом вошли в помещение, предназначенное для размещения штаба, там оказалась неразорвавшаяся бомба. Отец Михаил взял ее на руки, вынес из здания и утопил в протекавшей рядом реке. В 1914 г. он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Подобные случаи встречались часто, но их все же нужно считать нехарактерными. У военных священников были прямые обязанности, которые они добросовестно исполняли. Прежде всего, Богу молиться за своих офицеров и солдат. Естественно, военные священники совершали все возможные в полевых условиях богослужения. Например, 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия в августе 1914 г. заняла пограничный город Ширвиндт. Служивший в Лейб-Гвардии Гусарском полку великий князь Гавриил Константинович вспоминает: «30 июля [12 августа по н. ст.] была дневка. Служилась обедня и молебен по случаю дня рождения наследника Алексея Николаевича: ему исполнилось десять лет. Служил наш полковой батюшка перед походным престолом. Во время литургии поднялся ветер, и воздуха над Святыми Дарами, стоявшими на походном жертвеннике, стали развиваться, стало страшно, как бы не упала чаша. Я подошел к жертвеннику и придержал воздуха»⁴.

Другой пример: знаменитый бой под Каушеном произошел 6 (19) августа, в великий двенадцатый праздник Преображения Господня. С чего начался этот день в Кирасирском Его Величества полку 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии? Читаем в воспоминаниях участника события: «Настало мглистое утро 6 августа, праздника Спаса Преображения. В полку была отслужена Литургия»⁵. Также праздничные богослужения прошли и в других полках, где это было возможно сделать. А уже после праздничной литургии кавалеристы пошли захватывать переправы через реку Инстер.

Или, например, еще один широко известный эпизод. Перед началом парада в Инстербурге (Черняховск) 23 августа (5 сентября) 1914 г. священники отслужили молебен. В параде том принимали участие Кавалергардский и Лейб-Гвардии Конный полки 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, перебрасываемые из Фридланда (Правдинск) в Ковно (Каунас), а затем на другой участок фронта.

Военные священнослужители часто отличались при выполнении своих обязанностей в особых условиях. Так, священник 6-го Финляндского стрелкового полка **Андрей Богословский**, стоя на возвышении, благословлял после завершения богослужения каждого подходившего к нему воина. Когда начался обстрел, он остался стоять на прежнем месте. В его грудь, в область сердца, попала пуля, но висевшая на груди дароносица изменила направление ее движения на боковое, и отец Андрей отделался легким ранением.

Можно отметить, что военное духовенство русской армии достойно несло тяготы войны и выполняло возложенные на него обязанности. Так было не только в Восточной Пруссии, но и на других участках фронта. Генерал А.А. Брусилов, вспоминая бои 1915 г. в Галиции, писал: «В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастерок мелькали черные фигуры – полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой».

Естественно, священники совершали христианское погребение павших на поле боя. Капитан Успенский в своей книге отметил, как хоронили убитых в Гумбиннен-Гольдапском сражении: «Всех похоронили на сельском кладбище местечка Маттишкемен. Солдат похоронили в одной братской могиле под большим крестом. Близко, при входе на кладбище, нашел я свеженасыпанные офицерские могилы с небольшими сосновыми крестами. На одном из них прочитал надпись: “106-го пех. Уфимского полка капитан Дмитрий Тимофеевич Трипецкий, убит в бою 7 августа 1914 года”. Отпевал всех убитых священник 107-го пехотного Троицкого полка, он же благочинный 27-й дивизии...»⁶ (т.е. протоиерей **Иоанн Голубев**).

Хоронили и убитых врагов. Офицер штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады Сергеевский описывает, как в декабре 1914 г. немцы предприняли неожиданную атаку на русские позиции, но почти все были перебиты и их трупы лежали на поле около русских окопов. Немцы прислали парламентаря с просьбой дать возможность убрать убитых. Русское командование, опасаясь подпустить большое количество немцев близко к своим позициям, предложило

произвести погребение своими силами при условии, что немцы обязуются не стрелять. На этом и порешили. С русской стороны вышла команда рабочих, снесла убитых врагов в одно место, сложила их в ряд, вырыла могилу. После этого с русской стороны вышли поручик Малинкин со священником в облачении и взвод стрелков при трубаче, а с немецкой – офицер и солдат в парадной форме. Как русские, так и немецкие солдаты, не участвовавшие в погребении, открыто вышли на брустверы своих окопов. Священник с пением молитв обошел погребаемых и прочел «Отче наш». Взвод отдал честь павшим врагам, а когда их опускали в могилу, то произвел установленный салют – три залпа вверх. Германский офицер плакал. Когда погребение было закончено и над могилкой водружен крест, этот офицер подошел к Малинкину и чрезвычайно сердечно благодарил. «Мы гордимся, что воюем с рыцарями», – сказал он. Затем противники разошлись, с обеих сторон протрубили отбой и опустили белые флаги. Не прошло и 10 секунд после того, как флаг исчез в немецком окопе, как с русской стороны загремели выстрелы. Германцы тотчас ответили⁷.

При разгроме злосчастной армии генерала Самсонова некоторые священники погибли, некоторые даже попали в плен. Священник 29-го Черниговского полка 6-й пехотной дивизии отец **Иоанн Соколов** был почти сразу отпущен немцами, которые по какой-то причине решили освободить одного священника и 20 солдат. Отец Иоанн вернулся через Швецию в Россию и вынес на себе знамя полка. 29 сентября он представил знамя Черниговского полка государю императору. За спасение знамени отец Иоанн Соколов был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Николай II записал в своем дневнике: «29 сентября 1914 года. ...Между докладами принял священника 29-го пехотного Черниговского полка, спасшего полковое знамя»⁸.

Полковые священники, кстати, довольно часто имели отношение к попыткам спасения знамен частей. Видимо, к этому подвигало их особое положение. Так, в феврале 1915 г., после отхода русской 10-й армии из Восточной Пруссии и окружения XX армейского корпуса в Августовских лесах, желая спасти знамя 209-го Богородского пехотного полка 53-й пехотной дивизии, полковой священник иеромонах **Филофей (Антипычев)** перед прорывом из окружения обернул полотнище вокруг тела. Знамя полка врагу не досталось, так как отец Филофей пропал в Августовских лесах без вести. Иеромонах Филофей был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Игумен **Нестор (Анисимов)**, приехав перед самой войной в Москву с Камчатки по делам своего Камчатского Братства, добровольно поехал на фронт в составе санитарного отряда. Затем он стал военным священником в Лейб-Гвардии Драгунском полку. Во время боев в Восточной Пруссии неоднократно бывал с полком в конной атаке, вывозя раненых непосредственно с поля боя. Однажды и ему довелось спасти полковой штандарт, за что был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте. В своих воспоминаниях он писал: «...неоднократно случалось смотреть в глаза смерти под градом пуль, среди рвущихся... снарядов и фугасов, утешать напутственной молитвой умирающих воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания оперативной медицинской помощью. Любювь к ближнему и к Родине побеждали, заглушали во мне вспышки страха перед смертью. С таким же настроением я выполнял нередко

даваемые мне командованием военные поручения, отправляясь на передовые позиции в сторожевую охрану. Приходилось подолгу находиться в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг за Родину, за Русскую землю. Довольно часто мне поручали как вестовому срочно, под смертоносным огнем перевозить секретные донесения, а также бывать в разведке и участвовать в конной атаке»⁹. Кроме наперсного креста на Георгиевской ленте, игумену Нестору за участие в Великой войне были вручены ордена Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й степени.

В годы Первой мировой войны в плену побывало не менее 104 православных священнослужителей. Они и в неволе продолжали выполнять свои пастырские обязанности, иногда при довольно драматических обстоятельствах. Так, священник 3-го пехотного Нарвского полка 1-й пехотной дивизии (в мирное время располагался в Смоленске) отец **Феодор Скальский** был взят в плен 15 (28) августа в городе Гогенштейн [Хоэнштайн] в Восточной Пруссии. В русский лазарет, где отец Феодор оказывал раненым пастырскую помощь, ворвались немецкие солдаты и сделали по присутствующим два залпа. Несколько человек были повторно ранены, несколько убиты. Оставшимся в живых было приказано встать на колени, подняв руки. На следующий день германский лейтенант обыскал отца Феодора и приказал вывести священника на опушку леса, где тот был привязан к дереву. Пленному пастырю было объявлено, что его расстреляют как шпиона. Тогда отец Феодор попросил разрешения приготовиться к смерти. После того как его отвязали, он достал молитвослов и стал читать отходные молитвы по самому себе.

К этому моменту собралась толпа любопытных местных жителей, пришедших посмотреть на казнь «шпиона». После приобщения Святыми Дарами отец Феодор снова был привязан к дереву, а позади него солдаты начали рыть могилу. Но внезапно приехал лейтенант, обыскивавший священника, и отвез пастыря обратно в Гогенштейн. Там ему объяснили, что произошла ошибка и что по найденным при обыске письмам установлено, что отец Феодор действительно священник, а не шпион. Позднее его отправили в лагерь для военнопленных¹⁰.

Попадая в плен, священники никаких богослужебных предметов и книг обычно не имели. Но на груди у каждого висела дарохранительница, а с собой обязательно был требник. Поэтому, оказавшись в лагере для военнопленных, православные священники организовывали возможные богослужения для солдат и офицеров, поддерживая в них духовные силы. Немцы содержали пленных офицеров и солдат отдельно. Священников обычно определяли в лагерь для офицеров, но они могли по собственному желанию отправиться в солдатский лагерь. Так, священник 30-го пехотного Полтавского полка 8-й пехотной дивизии XV армейского корпуса **Иоанн Казарин** при разгроме армии Самсонова в Восточной Пруссии попал в плен. Он не пожелал отделяться от солдат и был отправлен в солдатский лагерь. Отцу Иоанну удалось переписать несколько писем в Россию, из которых на родине узнали о тяжелом положении военнопленных в лагерях. На его имя стали присылать помощь, в том числе и церковные облачения, богослужебные книги и книги для библиотек.

По инициативе отца Иоанна в лагере с помощью перочинного ножа и лобзика был устроен иконостас¹¹.

Священник 270-го пехотного Гатчинского полка 68-й пехотной дивизии иеромонах **Корнилий** с конца 1914 г. совершал молебны в офицерском лагере. Осенью 1915 г. он достал антиминс, устроил в лагере церковь и стал ежедневно служить литургию. Хор состоял из пленных офицеров¹².

Освободить священников из германского плена было очень трудно. Так, священник 172-го пехотного Лидского полка 43-й пехотной дивизии II армейского корпуса **Александр Нелюбов**, попавший в плен в августе 1914 г., на январь 1918 г. все еще находился в лагере для военнопленных¹³. Следует отметить, что присутствие православных священнослужителей в лагерях военнопленных во всех отношениях способствовало облегчению их положения.

После гибели двух окруженных корпусов 2-й русской армии немцы бросили все свои силы на 1-ю, рассчитывая прижать ее к Неману и уничтожить. Но генерал Ренненкампф разгадал этот план и смог отвести свою армию на российскую территорию и пополнить резервами. Спустя две недели ему удалось даже развернуть новое наступление и поддержать успех 10-й армии Флуга в Первом Августовском сражении. Эти события имеют для нас определенный интерес в связи с явлением отступавшим из Восточной Пруссии русским воинам 1-й армии Божией Матери. 25 сентября 1914 г. газета «Биржевые Ведомости» сообщила: «Исключительное по интересу письмо получено от генерала Ш., командующего отдельной частью на прусском театре военных действий. Написано оно 18 сентября, почти накануне битвы под Августовом. Приводим из него выдержку буквально: "...После нашего отступления наш офицер, с целым полускадромом, видел видение. Они только что расположились на бивуаке. Было 11 часов вечера. Тогда прибегает рядовой с обалделым лицом и говорит: "Ваше благородие, идите". Поручик Р. пошел и вдруг видит на небе Божию Матерь с Иисусом Христом на руках, а одной рукой указывает на Запад. Все нижние чины стоят на коленях и молятся. Он долго смотрел на видение. Потом это видение изменилось в большой крест и скрылось..." После этого разыгралось большое сражение под Августовом, ознаменовавшееся большой победой». Аналогичное сообщение было и в № 2519 газеты «Колокол».

«Вестник военного и морского духовенства» за ноябрь 1914 г. поместил статью с описанием этого чуда, происшедшего 1 (14) сентября 1914 г. верстах в семи от города Мариамполь Сувалкской губернии (ныне г. Мариамполе, Литва), на границе с Восточной Пруссией. Это сообщение было прислано священником Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка о. Иоанном Стратоновичем, а затем проверено специальной комиссией. Свидетелями чудесного явления стали поручик Зернец и солдаты из обоза Гвардейской кирасирской бригады. Матерь Божия с Богомладенцем явилась из яркой звезды и около получаса указывала рукой на Запад.

Действительно, сразу после явления Божией Матери под Мариамполем развернулось сражение, в ходе которого немецкие войска были вытеснены из Августовских лесов, а русские части вновь вышли на границу Восточной

Пруссии. О чудесном явлении Царицы Небесной было доложено императору Николаю II. По его указанию были напечатаны большим тиражом армейские листовки, на которых было изображено явление Божией Матери с кратким поясняющим текстом об этом событии. Для увековечения памяти о Ея чудесном явлении, по благословению Священного Синода, была написана икона Божией Матери, получившая название Августовской. Многочисленные списки с нее были почитаемы в народе.

Для православных русских воинов это явление Божией Матери на прусской границе имело большое духовное значение. Богородица указала путь русскому воинству и дала надежду на победу.

В ноябре 1914 г. линия фронта в Восточной Пруссии стабилизировалась, и до февраля 1915 г. русские войска занимали более-менее постоянные позиции. В полках были оборудованы места для совершения богослужений. Иногда для этих целей использовались немецкие кирхи. Так, офицер штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады XXII армейского корпуса Сергеевский в своих воспоминаниях отмечает, что в местечке Куттен, «около штаба бригады, находилась большая, давней постройки кирха»: «Мы приняли меры для ее охранения от ограбления и осквернения – у кирхи всегда стоял дневальный. Правда, до его постановки кто-то пытался поиграть в кирхе на органе и его поломал. Но никакого беспорядка там не было, и серебряные чаша и крест оставались нетронутыми на престоле. Вскоре после занятия Куттена при штабе стали совершаться воскресные богослужения полковыми священниками, по очереди. Богослужения эти совершались в той же кирхе, для чего перед лютеранским престолом был поставлен православный, походный. Стены кирхи были к Николину дню (праздник одного из полков) убраны ельником. 12 декабря (ст. стиль), в день немецкого Рождества, две древние старухи – одной за 60, другой около 80 – пытались пройти в церковь. Дневальный их задержал и, опасаясь, что они хотят сигнализировать противнику с колокольни, привел в штаб. Я разрешил пустить их в церковь. Помолвившись там, они вернулись к штабу и что-то старались объяснить офицерам. Позвали меня. Оказалось, что они, растроганные до слез, благодарят за то, что их церковь не только не разорена, но даже украшена и русские, по-видимому, там молятся»¹⁴.

В первых числах декабря 1914 г. поездку по фронту в Восточной Пруссии предпринял протопресвитер армии и флота **Георгий Шавельский**. Посетив штаб 10-й русской армии, он через Лик (Элк), Видменен и Дунайкен проехал в расположение 8-й Сибирской стрелковой дивизии у Мазурских озер, затем через Гольдап в расположение XX армейского корпуса, потом в XXVI армейский корпус генерала **Гернгросса** и, наконец, в Шталлупёнен, где находился штаб III армейского корпуса генерала **Епанчина**. Протопресвитер Георгий ознакомился на месте с состоянием духовного окормления военнослужащих, с организацией богослужений на фронте. Впечатления от поездки опубликованы им в воспоминаниях.

Подводя итоги, можно сказать, что в период боевых действий в Восточной Пруссии с августа 1914 по февраль 1915 гг. военное духовенство Российской императорской армии достойно выполнило поставленные перед ним задачи

и показало себя с наилучшей стороны во всех отношениях. Ряд священнослужителей за добросовестное выполнение своих обязанностей в экстремальных условиях и на поле боя был награжден орденами Российской империи. К сожалению, революция, Гражданская война и годы Советской власти практически стерли из памяти эту страницу русской церковной и военной истории. Сам институт военного духовенства до сих пор в России не возрожден.

Примечания

¹ Улянов И.Э. Регулярная пехота. – М.: Издательство АСТ-ЛТД, 1998. С. 238.

² Успенский А.А. На войне. Восточная Пруссия – Литва. 1914–1915 гг. Каунас, 1932. С. 25.

³ Гуськов Андрей. 119-й пехотный Коломенский полк в Великой войне // Доброволец – 20 век. 2004. №2(4). С.21.

⁴ Гауриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. М.: Захаров, 2001. С. 226.

⁵ Гоштовт Г.А. Кирасиры Его Величества в Великую войну. Париж, 1938.

⁶ Успенский А.А. Указ. соч. С. 56.

⁷ Сергеевский Б.И. Пережитое. 1914 год. Белград, 1933. С. 163.

⁸ Шевяков Т. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца 19-го – начала 20-го вв. М.: АСТ-Астрель, 2002. С. 22.

⁹ Митрополит Нестор. Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995. С. 228–229.

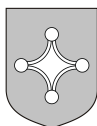
¹⁰ Во вражеском плену / Победа, победившая мир (Москва). 2004. №17. С. 7.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Сергеевский Б.И. Указ. соч. С. 165.

Дмитрий Борисович СУХИН,
член Совета Общества Шаруна (Берлин)

Административная организация восстановительных работ в провинции Восточная Пруссия. Попытка реконструкции*

Нет нужды долго описывать природные и хозяйственные условия, царившие в Восточной Пруссии к началу Мировой войны: сельскохозяйственная окраина государства, оживавшая лишь при коронациях, – а они проходили нечасто. Разве что не вся администрация, а с нею и прочие образованные круги концентрировались в Кёнигсберге. По меньшим городам культурной прослойкой было офицерство, по сельским местностям – юнкерство.

Провинции предстал обер-президент, в описываемый период – фон Батоки. Под его рукой стояли три президента: Кёнигсбергского, Гумбинненского и Алленштайнского краев. По строительной части им были приданы Королевские дирекции надземного строительства (инженерными и подземными сооружениями, тем паче военными постройками ведали особые учреждения; сельские области имели свою иерархию), в городах им отвечали строительная полиция или строительная управа, собственно выдававшие строительные билеты.

Отдельной строкой шел чиновник обер-президента – тайный строительный советник Фишер. Несмотря на громкие названия, учреждения эти были малочисленны: например, в таком городе, как Инстербург, доктор Клауссен начальствовал над одним заместителем, правительственным строительным дел обер-секретарем Леттау, двумя техниками и двумя машинист(к)ами и размещался в 3 снимаемых помещениях.

Снимал он их в Управлении культуры, ведавшем отнюдь не библиотеками, а хуторами (латинское cultura – обработка полей). Провинция была и оставалась сельской, приоритеты были ясны, и закладка хуторов и усадеб шла совершенно отдельным ведомством: Строительным управлением Сельскохозяйственной палаты провинции. Они и чертили, они и вели постройки... Строительное уложение, впрочем, от этого не менялось.

Стройконсультации – подлинны дети своего века, уставшего и от кондитерских куполов наугольных эркеров, и от прокисших жилых подвалов. На повестке дня стояла «реформа», идеалом ее – домик Гете в Веймаре, безыскусность Аркадии. Вот только провинция красоту простоты принимать отказывалась и все еще мерила ее объемом штукатурных кариатид.

Приходилось к естественности понуждать: под крылом градоначальств и строительной полиции, домостроительных кооперативов и культурно-

* Выступление на Разумновских чтениях 2008 г.

просветительских обществ наподобие «Хранителей отчизны», сберкассы и торгово-ремесленных палат наглядно показывать упущения «хозяйственного» проекта, взывать к высшим ценностям – и передавать морально подготовленных застройщиков в руки достойных архитекторов.

В исключительных случаях и сами консультанты брались за рейсфедр. Кроме того, они собирали и распространяли достойные подражания образцы и технологии, вели выставки и лекции.

С задачей срочно организовать восстановление более 32000 разрушенных построек справиться не могли ни те, ни другие, – а тут еще и особенности военного времени, жесткие финансовые рамки, неожиданное внимание высших сфер (еще до отвоевания занятых местностей, пока не прошел болевой шок от нанесенного удара, кайзер лично пообещал обеспечить «расцвет... лучше, чем прежде»).

Прусское правительство немедленно предоставило 400 миллионов марок. Требовались экстраординарные решения.

Первоначальным проектом фон Батоки (письмо от 26.11.1914) предусматривалось – ни много ни мало – удвоение всех строительных иерархий: все восстановительные работы брало бы на себя мощное Главстройуправление в Кёнигсберге и агенты тайного строительного советника Фишера на местах. Им он намечал разработку «общих основ восстановления, оценку состояния дел и утрат... сверку местных строительных правил... составление новых генеральных планов».

В городах, преданных Управлению, обыкновенным строительным управам работы не оставалось вовсе (метод, осуществленный через несколько десятилетий Шпеером при перестройке Берлина).

В пользу централизации и «художественного сопровождения» не замедлил высказаться Союз художников Восточной Пруссии (письмо от 19.11.1914): «...представимо в каждом районе назначить проверенного архитектора, знакомого с положением дел в Восточной Пруссии, и предоставить ему широкие полномочия... не ограничивать личность Районного архитектора комиссиями и надзорными инстанциями».

Объединение берлинских архитекторов требовало (письмо от 12.12.1914) участия зодчих – не обязательно своих членов – при обсуждении выплат восстановительных субсидий.

От лица Отдела строительных консультаций Центрального ведомства народного благоденствия фон Остхауз и Мутезиус предлагали (письмо от 11.01.1915) подчинить местных зодчих напрямую Главной строительной консультации и особое внимание уделить типизации: «В необезобразенной еще природе типизация послужит украшению и удешевлению строительства». Также и строительные материалы они советовали закупать централизованно, большим объемом выторговывать скидки у поставщиков.

Наконец, Германский Веркбунд (письмо от 17.01.1915) предостерегал: «Простой сельский житель далек от понимания спокойного величия простого сельского зодчества древности... Не надейтесь улучшить ошибки поданных проектов, установив, к примеру, [обязательное прохождение] строительной консультации».

Германия времен Первой мировой войны. Штриховкой обозначена часть Восточной Пруссии, временно занятая русскими войсками.

и прочих союзов, например «Хранителей отчизны» (письмо от 29.01.1915), был неоспорим. Берлинские министерства – финансов, образования, внутренних дел, общественных работ – поддержали их требования, проект же фон Батоки отклонили (протокол совещания 02.01.1915). Сперва ему самому был передан верховный контроль – но только в четко очерченных местностях, перечисленных Указом об ускоренном восстановлении Восточной Пруссии от 19.01.1915 (см. карту), и только в «значительно разрушенных местностях и поселениях». Новосозданные учреждения не получали полицейско-разрешительных функций и воздействовать должны были только «добрым словом». Наконец, назначать в них позволялось только лишь свободных архитекторов, а никак не чиновников. Провал?

Детище фон Батоки стало Главной стройконсультацией, а представители на местах – районными архитекторами. Более 500 свободных архитекторов направились изобретать провинцию наново, осуществлять предначертанное Зитте и Шульце-Наумбургом, не строить – служить Духу зодчества.

Под стать заданию и новоизобретенный титул: не архитекторы, а архзаступники. Адвокаты строительства.

Первыми создавались (письма обер-президента от 09.05.1915 и 17.08.1915) следующие консультации:

в Кёнигсбергском крае: Алленбург, Гердауэн, Домна, Тапиау;

в Алленштайном крае: Зенсбург – Бишофсбург, Зольдау, Йоханнисбург – Биалла, Лётцен, Лик, Найденбург (предполагалась, но не была создана), Ортельсбург, Хоэнштайн;

в Гумбинненском крае: Гольдап, Даркемен, Пилькаллен, Шталлупёнен.

Проекты, неверные по сути своей, не исправит никакая консультация; возникнет разве что тришкин кафтан... Германский Веркбунд считает неотложным найти и привлечь к работам лучшие силы всей страны. Указанные лица в обязательном порядке должны... переселяться на им указанные места...» – и с готовностью предлагал списки своих членов, для такой задачи подходящих.

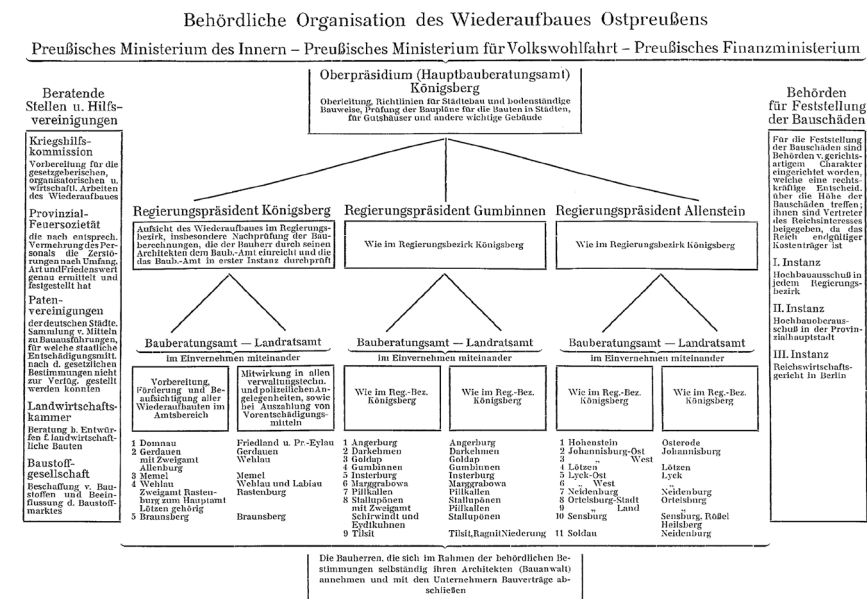
В те годы авторитет Веркбунда

Позднее их становилось и больше, и меньше, достигая 24: Ангербург, Браунсберг, Велау, Гердауэн (с отделением в Алленбурге), Гольдап, Гумбиннен, Даркемен, Домнау, Зенсбург, Зольдау, Инстербург, восточный Йоханнисбург, Лётцен (с отделением в Растенбурге), восточный Лик, западный Лик, Марграбова, Мемель, Найденбург, Ортельсбург – город, Ортельсбург сельский, Пилькаллен (с отделением в Ширвиндте), Тильзит, Хоэнштайн, Шталлупёнен (с отделениями в Ширвиндте и Эйдткунене).

По завершении работ они закрывались, первой – самая недолговечная консультация, в Инстербурге (1916–1918), последними, в апреле 1924, – Гердауэн, Йоханнисбург, Лик, Ортельсбург, Шталлупёнен.

Шталлупёнен, таким образом, просуществовал с самого первого и до самого последнего дня функционирования консультаций. Главная консультация закрылась уже в 1922-м.

Схему ответственности наглядно опишет диаграмма:

Вверху: министерский штаб в Берлине. Прусские министерства внутренних дел, народного благоденствия и финансов, хотя и передавшие фон Батоки свои полномочия, но все еще остающиеся верховными и апелляционными инстанциями.

Ниже – обер-президент провинции и Главная строительная консультация Фишера (15.03.1916 его сменил правительственный и строительный советник Ланге). Все ее бумаги подписываются им, от его же имени заключаются договора (и визируются Берлином). Они осуществляют верховное руководство восстановлением, выпускают градостроительные и «поместные» правила (например, подлинно революционные Санитарные нормы дешевых квартир от марта 1916,

запретившие квартиры менее 36 м² жилой площади и потолки ниже 2,80 м), проверяют проекты в городах, проекты поместий и прочих важных сооружений.

Кёнигсбергский, гумбинненский и алленштайнский президенты надзирают за восстановлением своих краев, проверяют во второй инстанции строительные расчеты, поданные в строительную консультацию на месте и уже проверенные ею (первой инстанцией).

Строительная консультация и районная управа совместно подготавливают, поддерживают и контролируют восстановление в районе, участвуют в управлении и выплате авансов на восстановление.

Независимо от них действует Комиссия военной помощи – в которой, однако, заседают обер-президент, начальник Главной консультации, представители палат депутатов и торгово-промышленных палат и прочие заинтересованные лица, – разрабатывает правила и проекты законов о восстановлении. По одному из их постановлений компенсационная выплата равна страховой сумме Государственного пожарного страхования, даже если бы конкретная постройка и вовсе не была застрахована. По застрахованным постройкам, таким образом, выплата производилась только единожды – хотя и из другой кассы.

Третьим источником субсидий служили скоро возникшие шефские объединения, бравшие под свое крыло как отдельные города, так и целые округа. Им отводилась роль чрезвычайной помощи (утрачены были не только стойла и сараи, но и инвентарь и сам скот), а также сборы на «декоративные излишества», не покрываемые казной.

Строительное управление Сельскохозяйственной палаты сохранило за собой довоенную роль, хотя и перестало быть главным проектантом в этой области.

Наконец, Восточно-Прусская компания стройматериалов с уставным капиталом в 1600000 марок (миллион от прусской казны, по сто тысяч от Прусского провинциального союза, Сельскохозяйственной палаты, земства, торговцев Кенигсберга, торговой палаты Алленштайна...), как и предлагалось Мутезиусом, закупала строительные материалы и по себестоимости передавала их потребителям.

1. Производство работ начиналось с определения понесенных утрат.

Согласно схеме низшей инстанцией тут была Строительная комиссия края, чьи решения опротестовывались в Высшей строительной комиссии провинции, а той – в берлинском Высшем промышленном суде. На деле низовую оценку вели все те же районные консультации: ждать краевых комиссий не было никакой возможности, уже на разборку руин строительные колонны требовали авансов, а где их погорельцу взять?

Результат оценки стоимости восстановления разрушенной постройки, с зачетом материалов разбираемых развалин, обычно становился верхней планкой для новостройки.

2. Застройщик саморучно составлял проект или заказывал его у свободного архитектора.

Архитектор заказчику не предписывался, в том числе и с тем, чтобы избежать последующих обвинений, буде постройка или проект придутся не по нраву. Архзаступникам первоначально и вовсе воспрещалось заниматься проектированием.

Позднее запрет смягчили, допустили строительство для казны и общественных организаций; в сельской же местности его и вовсе сняли – за неимением альтернатив, свободные архитекторы даже не всякое поместье соглашались вести (письмо обер-президента от 15.05.1915)!

3. Получив на согласование проект, архзаступник оценивал его архитектуру, смету, конструкцию и законность. Поводом для ветирования могло стать родство проектировщика и подрядчика или какой иной признак генподряда, недвусмысленно запрещенного уже в декабре 1914 как мера защиты местных ремесленных сил; «чрезмерный размах», «ненужные» псевдоконструктивные детали... При положительном решении районного архитектора строительная полиция выдавала строительный билет. При отрицательном тоже могла – но только компенсационных выплат застройщику тогда было не видеть.

Значительные постройки, как сказано выше, предписывалось с комментариями отсылать в Главную консультацию в Кёнигсберг.

4. Надзор и приемка всех построек, завершение строительства всех зданий, возводимых с казенным участием (иных же, при повальном использовании восстановительных пособий, в провинции почти и не наблюдалось), с 10.02.1916 также отводились к сфере деятельности районных консультаций.

Мечта фон Батоки сбылась, хотя и не сразу. Уже к январю 1917 восстановлены были почти 13000 зданий; к концу 1918 – 42368.

Более того: если первоначальным проектам предполагалось лишь исправление наиболее вопиющих (градо)строительных неудач, то уже 03.08.1915 министерство согласилось с требованием Комиссии военной помощи, и обер-президент получил право самостоятельно (!) выделять до 20000 марок на город (больше – только по согласованию с Берлином) на деятельные градостроительные улучшения. Разбивать клумбы и строить новый рыночный фонтан не воспрещалось – но только из собственного (пустого) кармана или же на средства городов-шефов.

Отдельная комиссия отвечала за перекрой узких, двух-трехметровой ширины дворов, так слипшихся с раннего средневековья, что по отдельности застраивать их не было никакой возможности; за прокладку новых улиц второй-третьей линией, чтобы с них способнее застраивать внутренние ряды, и за упорядочение старых; за округление городских границ ради большей слитности целого, хотя бы и строительством палисада.

Пришлось вводить новый указ об отчуждениях в казну (11.12.1915).

* * *

К концу войны нередкой стала и критика осуществленных проектов: «слишком единообразны, без индивидуальности». Поговаривали даже о «вкусовщине».

Зато Мутезиус именно в «восстановительных работах... [видел] зарю новой Германии», художественной, общественной, беспортупейной.

Не он один – «новых пруссаков», строителей новой Восточной Пруссии, такой подход отличал и позднее.

Любовь Владимировна КЛИМОВА,
директор Музея истории (Черняховск)

Воинские захоронения Первой мировой войны в Калининградской области*

Память о павших воинах, солдатские могилы, воинские кладбища – эти понятия наполнены глубочайшим смыслом. К сожалению, мы часто вспоминаем об этом лишь накануне годовщин крупных военно-исторических событий, а в другое время забываем известную истину: «Народ чтит самого себя, если он чтит своих павших героев». В этом смысле весьма поучительно отношение к воинским захоронениям в бывшей Восточной Пруссии.

Восточная Пруссия стала ареной крупномасштабных военных действий начального периода Первой мировой войны. Бои здесь шли дольше полугода. Затем русские войска оставили свои позиции и отступили за границу. Города и деревни были восстановлены, поля вновь засеяны. Окопы осыпались, воронки от снарядов заросли, исчезли заржавевшие проволочные заграждения. Однако остались главные свидетели боев на восточнопрусской земле – многочисленные могилы и кладбища павших воинов.

О количестве погибших в Восточной Пруссии солдат бытуют весьма противоречивые представления. Тому есть объективные причины. В военных донесениях, как правило, собственные потери преуменьшаются, а потери противника значительно преувеличиваются. Воспоминания участников событий тоже не всегда объективны: по прошествии времени свидетели могут ошибаться, к тому же обычно они имеют в виду общие потери убитыми и ранеными. Что касается популярных описаний сражений, то в них временами встречаются фантастические преувеличения, которые рисуют абсолютно неверную картину.

При недостатке у нас точных сведений из русских военных архивов наиболее достоверными представляются данные из немецких архивных источников. А они таковы: общее число солдат Мировой войны, погибших и умерших и похороненных в Восточной Пруссии, составляет около 61200 человек; с одной стороны – 27860 немцев (включая 11 австрийцев), с другой стороны – русские в количестве 32540 погибших, к которым причисляются 700 румын, 40 англичан, 31 бельгиец, 8 сербов, 4 француза, 3 итальянца и 1 американец, умершие в немецком плену.

Число воинских захоронений Первой мировой войны в Восточной Пруссии превышало 1700, из них примерно 1200 находилось на территории нынешней Калининградской области. Такое значительное по отношению к числу погибших количество воинских захоронений объясняется тем, что перезахоронение останков на более крупные сборные кладбища, как это было принято по всей Европе,

* Выступление на Разумновских чтениях 2009 г.

здесь почти не проводилось. Там, где сохранность небольших захоронений или даже одиночных могил была обеспечена благодаря их расположению на местных гражданских или церковных кладбищах, на административных землях и даже в частных владениях, хозяева которых брали на себя обязательство о них заботиться, они остались на месте возникновения.

По большей части их можно назвать «боевыми кладбищами», потому что они находились непосредственно на полях сражений либо вблизи от них, в районе соответствующего полевого госпиталя.

Число боевых кладбищ с захоронением более 1000 человек было невелико. Единственное из них в нынешней Калининградской области – кладбище Маттишкемен в округе Гумбиннен (ныне пос. Совхозное Нестеровского района), где покоятся 438 русских и 646 немецких солдат.

Кладбищ, насчитывающих от 500 до 1000 павших солдат, тоже немного. Это солдатские кладбища Гёриттен в округе Эбенроде (ныне пос. Пушкино Нестеровского района) – 196 немцев и 601 русский, Херцогсроде (до 1938 Гавайтен) в округе Гольдап (пос. Гаврилово Озерского района) – 297 немцев и 437 русских, гарнизонное кладбище г. Инстербурга (г. Черняховск) – 556 немцев и 165 русских, Вальдаукадель в округе Гольдап (пос. Степное Нестеровского района) – 361 немец и 332 русских, Эбенроде (до 1938 Шталлупёнен, ныне г. Нестеров) – 165 немцев и 339 русских.

На большем числе кладбищ было захоронено от нескольких десятков до нескольких сотен погибших. Но чаще всего встречались небольшие захоронения – от 1 до 20 погибших, – и даже одиночные могилы на многочисленных приходских кладбищах обычно сразу же привлекали внимание своим ухоженным видом и характерными крестами.

Большой интерес представляли собой и так называемые «полевые могилы», так как обычно своим расположением они указывали на место, где или вблизи которого погибших настигла пуля противника. Полевые могилы встречались как вдали от жилья, например в лесах, так и у оживленных дорог и даже в центрах сообщения: например, на вокзале в Эйдткау (до 1938 Эйдткунен, ныне пос. Чернышевское Нестеровского района) или на железнодорожной станции Гёриттен. Заслуживает упоминания, что и за этими полевыми могилами ухаживали с особой любовью.

Помимо боевых, имелись и так называемые лазаретные кладбища, на которых хоронили солдат, раненных в боях и скончавшихся впоследствии в лазаретах. Из таких кладбищ крупнейшим во всей Восточной Пруссии была солдатская часть Нового воинского кладбища в Кёнигсберге с 2878 захороненными на нем немецкими, русскими, австрийскими, румынскими и американским солдатами. На Лесном кладбище в Тильзите была захоронена ровно 1000 погибших немцев и русских.

Восточнопруссские солдатские кладбища отличались особым своеобразием. Оно заключалось не в их величине или великолепии мемориальных сооружений, что было свойственно сборным кладбищам Первой мировой войны в Западной Европе, где особое значение придавалось роскошному оформлению и выгодному расположению у оживленных дорог.

Главная особенность восточнопруссских солдатских кладбищ заключается в их естественном включении в ландшафт. Для последнего пристанища павших были отведены самые красивые места.

Многие из них расположены на возвышенностях, с которых открывается живописная панорама. К таким кладбищам относятся Плауэндорф, Цельмюле и Тифенорт (пос. Плавни, Смирново и Ручейки Озерского района).

На опушке высокоствольного леса расположено кладбище Маттишкемен. В лесной глуши находятся и многие небольшие захоронения.

В безлесных окрестностях зачастую именно единственные сохранившиеся заросли лиственных и хвойных деревьев становились почетными местами захоронения для павших: березы украшали кладбище Амтсхаген (пос. Дальнее Нестеровского района), сосны – кладбище Ленгфриде (до 1938 Скрудшен) под г. Эбенроде; солдатские могилы в Грос-Дегезене (пос. Бабушкино Нестеровского района) окружают могучий дуб, самое старое и красивое дерево во всей округе; ветви древнего дуба затеняют и кладбище под Адамсхайде (пос. Абелино Озерского района, не сохранился).

Иногда воинские захоронения живописно располагались среди полей и лугов, как, например, кладбище Росслинде (до 1938 Бракупёнен, ныне пос. Кубановка Гусевского района).

Кладбища, в том числе и солдатские, считались объектами ландшафтной архитектуры, поэтому, несмотря на их неповторимость, они имели и общие черты. Многие обносились оградой из натурального камня, некоторая часть располагалась на возвышенностях уступами, соединявшимися ступенями, как кладбище Коваррен (пос. Заозерное Озерского района). На других устанавливались крупные гранитные валуны, содержавшие памятные надписи в честь павших, их до сих пор можно увидеть на кладбищах Шлосберг (до 1938 Пилькаллен, ныне пос. Добровольск Краснознаменского района), Хайлигенбайль (г. Мамоново) и др. На иных сооружались памятники и памятные стелы. В отдельных случаях на кладбищах возводились впечатляющие монументальные сооружения, как, например, на кладбище Гёриттен.

Воинское кладбище в Гёриттене.

Для знатоков и любителей военной истории особое значение имеет расположение восточнопрусских боевых кладбищ на полях сражений. В огромном числе случаев легко установить, что павшие похоронены именно там, где они погибли. В качестве примера можно

Воинское кладбище в Адамсхайде.

упомануть лишь некоторые кладбища: в Озерском районе – Заозерное (бывш. Коваррен), на высоте 159, и Гаврилово (бывш. Херцогсроде), на южной окраине деревни, в Нестеровском районе – у бывшего селения Грюнвайден, на высоте 77, месте гибели двух немецких батарей, и Совхозное (бывш. Маттишкемен), на опушке леса, перед которой захлебнулось немецкое наступление.

Иногда благодаря своему расположению относительно друг друга именно солдатские кладбища дают верную картину сражений. Большие скопления мест захоронений указывают на разделение Гумбинненского сражения 20 августа 1914 г. на три очага: под Мальвеном (до 1938 Мальвишкен) – Росспинде (пос. Майское и Кубановка Гусевского района), под Амтсхагеном (до 1938 Ширгупёнен) – Маттишкеменом – Пфельцервальде (до 1938 Буджеджен, Будшедшен) (пос. Дальнее, Совхозное и Вишневка Нестеровского района) и под Херцогсроде – Клешауэном (до 1938 Клешовен) (пос. Гаврилово и Кутузово Озерского района).

Установлению связи между боевыми кладбищами и определенными боевыми действиями способствуют наименования войсковых частей на надгробиях и крестах. Это отличие от простого перечисления имен погибших, встречающегося на памятных досках сборных кладбищ в Западной Европе, представляет собой особый интерес для изучения военной истории. В отношении некоторых кладбищ можно даже говорить об их принадлежности к определенной воинской части или войсковому соединению.

Погибших русских воинов хоронили, как правило, на тех же кладбищах и с теми же воинскими почестями, что и немецких, в большинстве случаев в братских могилах, поскольку имена павших были неизвестны. Над братскими могилами устанавливали памятники с обычной надписью: «Здесь покоится ... неизвестных русских воинов». Офицеров, а также солдат, имена которых удавалось установить, хоронили в отдельных могилах, над которыми ставили

православные кресты с соответствующими надписями. В некоторых случаях вблизи друг от друга разбивались два кладбища: немецкое и русское. Впоследствии за русскими могилами ухаживали так же, как и за немецкими.

За границами Германии обустройством немецких солдатских кладбищ занимался созданный в 1919 г. Народный Союз Германии по уходу за военными могилами. Но в Восточной Пруссии, оказавшейся единственной частью Германии (не считая Эльзаса и Лотарингии), на которой проходили боевые действия, уход за солдатскими могилами передавался в ведение местных окружных властей, и те прилагали все усилия, чтобы обустроить эти захоронения как можно лучше. При этом нередко им удавалось создать кладбища, о которых можно говорить как о вершинах ландшафтного искусства. Не удивительно, что там, где окрестности не отличались особой живописностью, солдатские кладбища выглядели украшением всей округи и в дни праздников являлись местами проведения различных торжеств. К тому же места значительных событий военной истории и памятники павшим воинам после окончания войны превратились в привлекательные центры туризма и вызвали поток посетителей на поля сражений.

После 1945 г. солдатские кладбища Первой мировой войны пришли в запустение. Часть их была уничтожена, а территория этих кладбищ использовалась для различных целей. Большинство полевых могил было утрачено при проведении мелиоративных работ. Только после изменения политической ситуации в России Народный Союз Германии по уходу за военными могилами занялся в рамках двустороннего Соглашения между правительствами РФ и ФРГ восстановлением воинских захоронений в Калининградской области. Большую помощь в этом деле оказали молодежные русско-немецкие лагеря и немецкие резервисты, а основные работы выполнялись российскими строительными организациями.

За прошедшие годы восстановлено свыше 120 солдатских захоронений Первой мировой войны, прежде всего наиболее крупных. Большинство из них находится в Гусевском, Нестеровском и Озерском районах, где и проходили основные боевые действия. Ныне за этими кладбищами осуществляется регулярный уход.

В районе г. Инстербурга во время Первой мировой войны не было столь масштабных сражений, как на востоке и юге Восточной Пруссии. Русские войска заняли город уже после Гумбинненского сражения, и в его окрестностях не осталось такого множества боевых кладбищ, как в восточных округах. Однако в самом Инстербурге располагалось одно из крупнейших воинских захоронений того времени. Это бывшее гарнизонное кладбище на Белькештрассе (ныне ул. Курчатова), где было захоронено 556 немецких, 165 русских и 5 румынских солдат.

Кладбище было восстановлено одним из первых в области в 90-х годах прошлого века на средства Народного Союза Германии по уходу за военными могилами. Расчистка территории кладбища, где в советское время располагался армейский склад ГСМ, была начата в 1993 г. русско-немецким молодежным лагерем, а продолжением восстановительно-строительных работ занимались Международный неправительственный фонд «Вечная память солдатам»

и строительная фирма В.И. Яновского. 6 июля 1996 г. состоялось торжественное открытие и церковное освящение кладбища с участием многих официальных лиц с русской и немецкой стороны, в том числе посла Германии в России.

В последующие годы кладбище превратилось в сборное. Со всей восточной части области сюда были перезахоронены останки свыше 6 тысяч погибших солдат Второй мировой войны из необустроенных полевых и братских могил. Имена погибших немцев увековечены на гранитных плитах и стелах. Большинство русских солдат покоится в безымянных могилах. Это объясняется тем, что даже во время Великой Отечественной войны именные жетоны были далеко не у всех русских солдат. Многие предпочитали не иметь их при себе, считая это плохой приметой. Все это делает идентификацию останков при их обнаружении почти невозможной. Лишь в редких случаях это позволяют сделать личные вещи погибших. Например, при одном из солдат был найден орден Красной Звезды, по номеру которого через Центральный архив Министерства обороны в г. Подольске удалось установить имя погибшего, и теперь оно увековечено на памятной плите, установленной на его могиле.

Кроме того, на территории нынешнего Черняховска и Черняховского района с Первой мировой войны оставалось еще несколько десятков воинских захоронений. До настоящего времени сохранились лишь немногие. Некоторые из них восстановлены, и за ними осуществляется регулярный уход. Одно располагается с левой стороны от шоссе Черняховск – Озерск в нескольких километрах от Озерского поворота. Здесь, у бывшей деревни Крузинн, были похоронены 17 немецких и 9 русских солдат, погибших в августе-сентябре 1914 г. На кладбище установлены высокие деревянные кресты (латинский и православный) и несколько групп символических гранитных крестов. Другое кладбище находится у дороги близ поселка Дачное (бывш. Альт-Лаппёнен). В центре кладбища стоит гранитный обелиск в честь 183 погибших немецких воинов, а на 6 гранитных стелах выбиты их имена. На кладбище у пос. Красновка (бывш. Биркенфельд) покоится прах 10 русских солдат.

Занимаясь обустройством и сохранением воинских захоронений, которые, в отличие от гражданских, по международным законам не имеют срока давности, живые не только чтят память погибших. Солдатские кладбища позволяют глубже узнать военную историю, напоминают о последствиях, которыми чреват война и насилие, и способствуют примирению между народами.

Литература

1. *Dehnen Max; Raschdorff Walter.* Heldenfriedhöfe in Ostpreußen. – Königsberg, 1939.
2. *Dehnen Max.* Deutsche Kriegsgräber in Ostpreußen von 1914/15. (Машинописный вариант, предоставленный Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами).
3. *Dehnen Max.* Die Zuordnung der auf ostpreußischem Boden befindlichen Kriegsgräber aus den Jahre 1914/15 zu den Gefechtshandlungen. (Ein Beitrag zur Heimatforschung der Provinz Ostpreußen von Max Dehnen.) (Машинописный вариант, предоставленный Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами).

Лидия Владимировна ДОВЫДЕНКО,
кандидат философских наук, член Союза писателей России

Гумилёвская осень в Калининградской области*

95 лет назад в северо-восточной части нынешней Калининградской области развернулись события Первой мировой войны. Документальная повесть Н.С. Гумилёва «Записки кавалериста» (первые две главы), а также несколько писем и стихотворений связаны с боями, в которых принял участие поэт на территории нынешнего Краснознаменского района.

Путешественник и отличный стрелок, дважды побывавший в Африке, где обучился охотиться, стреляя с левого плеча, Гумилёв добился переосвидетельствования состояния здоровья, так как еще в 1907 г. был освобожден от службы в армии из-за «близорукости правого глаза и некоторого косоглазия», и был принят вольноопределяющимся или, как говорили в те времена, «охотником». Гумилёв сам выбрал род войск – кавалерию:

Люблю на необъезженном коне
Нестись по лугу, пахнущем туманом...

Уже в начале сентября 1914 г. он находится в Кречевичких казармах под Новгородом, где проходит учебный курс военной службы. «А на стрельбе и Гумилёв, и я одинаково были на первом месте», – вспоминал Ю.В. Янишевский.

Из Кречевитц Гумилёв вместе с другими вольноопределяющимися был направлен во 2-й маршевый эскадрон Лейб-Гвардии Уланского Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка и прибыл в Литву, в Россиены (ныне Расейняй), 30 сентября. Первое стихотворение о войне – «Наступление» – написано в Россиенах под впечатлением рассказов его однополчан, уже участвовавших в Гумбинненской операции.

Перед эскадром Уланского полка стояла задача – разведывать расположение противника. В германских войсках была хорошо поставлена разведка с воздуха, а в российских в разведку отправлялись конные разъезды. Они обнаруживали противника и вызывали огонь на себя. В течение десяти суток (17–27 октября) Гумилёв находится в дозорах, участвуя в атаках, прикрывая артиллерию, проводя усиленную разведку и сторожевое охранение. «Предприятия мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш. [Шешупа] и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была – заставить заговорить артиллерию, и та действительно заговорила»... «На следующий день противник несколько отошел, и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения»... «Через несколько дней (25 октября) в одно прекрасное утро свершилось долгожданное. Эскадронный

* Выступление на Разумновских чтениях 2009 г.

командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту»... Уланский полк Гумилёва двигался по шоссе. 2 немецких эскадрона и 50 велосипедистов были выбиты из Шилленена (Победино), отошли на Лазденен (Краснознаменск). Гумилёв записывал: «...я ехал полем, мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хоть ландштурмистов. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато очень увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать, и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впиалась в дверной косяк вершка на два от моей головы». Барон Майдель докладывал о бое 26 октября командиру III корпуса генералу Епанчину: «...благодаря доблести Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка, как господ офицеров, так и нижних чинов, полк этот показал блестящие примеры храбрости».

27 октября Лейб-Гвардии Уланский полк был возвращен в Россиены. Гумилёв писал: «Наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат, но, когда я посмотрел на звезды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил мое боевое крещение». Полк получил приказ о следовании в Ивангород (ныне г. Демблин, Польша).

Гумилёв назвал свои первые дни на войне «священными», «лучшими днями жизни»: «Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и в первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключаящему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя».

Поэт отправил 1 ноября из Ковно письмо Михаилу Лозинскому: «...я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на тебя, – я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка... Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, а только от стратегических расчетов...»

Стихотворения «Война», «Солнце духа» и «Священные плывут и тают ночи...» написаны под впечатлением «боевого крещения»:

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Стихи Гумилёва о войне относят к лучшим во всей «военной» поэзии в русской литературе, где выразилось романтически-патриотическое и религиозное восприятие войны. Сборник «Колчан» поэт давал для отзыва философу отцу

С. Булгакову. Об отзыве неизвестно. А вот Б. Эйхенбаум скептически оценил переход Гумилёва к «слишком торжественным и полновесным», «чрезмерным» словам. Но большинство критиков оценило военную лирику Николая Гумилёва как «высшее достижение русской и мировой поэзии в этом жанре», потому что ее пронизывали «любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувство личной чести... – по этим трем пунктам он всегда готов был заплатить собственной жизнью» (А. Куприн).

«Сокровищница культуры духа» может пополняться в дни общего «повышения жизни», утверждал Е.Н. Трубецкой, определяя духовный смысл войны в ее первые месяцы. Анна Ахматова писала:

«Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шел в тюрьму, то взял с собой “Илиаду”. <...> ...Он любил вспоминать себя солдатом:

И святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь...

(“Память”)...»

В письме Лозинскому от 2 января 1915 г., уже из Польши, Гумилёв говорил иначе о войне, на которой он, верный чувству долга, оставался до ее окончания: «Я буду говорить откровенно: в жизни пока у меня три заслуги – мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю я ценю меньше всего... Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. ...Все это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе». И все же прусское небо, «древнее и высокое», в которое он всматривался в свои первые фронтовые дни, получило продолжение в стихах и в последнем сборнике Гумилёва «Огненный столп». Это книга, в которой собраны «вершинные», зрелые стихи, высокой красоты и силы поэтическое слово наполнено философской мыслью. В стихотворении «Мои читатели» Гумилёв, отвечая себе на вопрос, какой отзвук находит его лирика в сердце читателя, чем будет «любезен он народу», возвращался к своим военным годам, когда в полной мере постиг науку «не бояться»:

Когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта...
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

Существует теория о взаимном соответствии между местом и происходящими на нем событиями. Люди совершают паломничество «к Толстому» в Ясную Поляну; «вдохнуть тот же воздух» – в Михайловское «к Пушкину». Едут и в Победино Краснознаменского района – почувствовать «Гумилёвскую осень». 26 октября 2002 г. в поселке Победино во дворе школы была установлена мемориальная доска Гумилёву. Ее авторы – художники, скульпторы Людмила Богатова и Олег Сальников. Они попытались создать образ

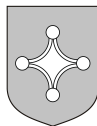
воина-поэта в форме Уланского полка с развевающимся плащом, на котором просматриваются скачущие всадники.

И теперь мы ходим по дорогам,
Где его разбросаны следы...

Это строчки из стихотворения, которое написала учитель школы Нина Цветкова к открытию памятного знака. Ежегодно Гумилёвская осень проходит в стенах Побединской школы. Единственная в России Гумилёвская осень...

Литература

1. *Ахматова А.А.* О Гумилёве // *Ахматова А.А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
2. *Гумилёв Н.* Записки кавалериста // *Николай Гумилёв.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1991.
3. *Гумилёв Н.* Стихи. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1990.
4. *Козырева М., Петрановский В.* Основные места, связанные с жизнью и деятельностью Н.С. Гумилева // *Николай Гумилёв:* Электронное собрание сочинений. URL: www.gumilev.ru.
5. *Костяшов Ю., Кретинин Г.* Россияне в Восточной Пруссии: в 2-х ч. / под ред. Ю. Костяшова. Калининград: Янтарный сказ, 2001.
6. *Кретинин Г.* Неизвестная война // Запад России. 1994. №4.
7. *Лукницкая В.* Николай Гумилёв. Л.: Лен-издат, 1990.
8. *Степанов Е.* Поэт на войне // Гумилев Николай Степанович. URL: <http://gumilev.lit-info.ru/gumilev/bio/poet-na-vojne-1-1-stepanov.htm>.

Николай Степанович ГУМИЛЁВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Новорожденному

С. Л<озинскому>

Вот голос, томительно звонок...
Зовет меня голос войны, –
Но я рад, что еще ребенок
Глотнул воздушной волны.

Он будет ходить по дорогам
И будет читать стихи,
И он искупит перед Богом
Многие наши грехи.

Когда от народов-титанов
Сразившихся дрогнула твердь,
И в грохоте барабанов,
И в трубном рычании – смерть, –

Лишь он сохраняет семя
Грядущей мирной весны,
Ему обещает время
Существенные сны.

Он будет любимцем Бога,
Он поймет свое торжество,
Он должен! Мы бились много
И страдали мы за него.

Датировано 20 июля 1914 г. Впервые опубликовано: «Новый журнал для всех», 1915, №2. Стихотворение посвящено родившемуся в канун Первой мировой войны С.М. Лозинскому (1914–1985), сыну поэта и переводчика М.Л. Лозинского (1886–1955), владельца издательства и редактора журнала «Гиперборей».

Печатается по изданию: *Гумилев Н.С.* Стихотворения / Н.С. Гумилев; [сост., автор предисл. и коммент. Е. Перемышлев]. – М.: Эксмо, 2007. – (Всемирная библиотека поэзии). – С. 142.

Наступление

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Написано в 1914 г. Впервые опубликовано: «Аполлон», 1914, № 10. Прочитано в Петрограде в кафе «Бродячая собака» [«Подвал бродячей собаки»] в конце декабря 1914 г., во время трехдневного отпуска. Вошло в сб. «Колчан», посвященный Татиане Викторовне Адамович, сестре поэта и критика Г.В. Адамовича (Петроград: Гиперборей, 1916. С. 55–56). Печатается по изданию: *Гумилев Н.С. Стихотворения...* 2007. – С. 144.

Война

М.М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

А «ура» вдали, как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это – мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

Как у тех, что гнутся за сохой,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: – Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!

Написано в 1914 г. Впервые опубликовано: «Отечество», 1914, № 4, без посвящения. Прочитано Гумилёвым (вероятно, в новой ред.) на вечере в «Подвале бродячей собаки» 27 января 1915 г. (см. <Волин Ю.С.>. Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // «Петрогр. курьер». 1915. 29 января, подп.: Ю В–н). Вошло в сб. «Колчан». (Петроград: Гиперборей, 1916. С. 9–10). Адресат уточнен по экз. «Колчана» с дарственной надписью: «Многоуважаемому Михаилу Михайловичу Чичагову от искренне его любящего и благодарного ему младшего унтер-офицера его взвода Н. Гумилёва в память весёлых разъездов и боёв. 27 декабря 1915 г. Петроград» (собрание М.И. Чуванова; опубликовано: Wiener Slawistischer Almanach, 1982. Bd. 9. S. 389). Возможно, что М.М. Чичагов и «поручик Ч.» в «Записках кавалериста» – одно и то же лицо. Печатается по изданию: *Гумилев Н.С. Стихотворения...* 2007. – С. 146.

Смерть

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерти,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Верить в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывёт из глаз, –

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Но и здесь, на земле, не хуже
Та же смерть – ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звёздных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Здесь священник в рясе дырявой
Умилённо поёт псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

Написано в 1914 г. Впервые опубликовано: «Голос жизни» [газета], 1915, № 22, 27 мая, без заглавия. Вошло в сб. «Колчан». (Петроград: Гиперборей, 1916. С. 57–58). Печатается по изданию: *Гумилев Н.С. Стихотворения...* 2007. – С. 148.

Солнце духа

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокошущей трубе побед.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Написано в 1914 г. Впервые опубликовано: «Невский альманах жертвам войны». Петроград, 1915, вып. 1, без заглавия. Прочитано Гумилёвым 27 января 1915 г. в «Подвале бродячей собаки» (см. <Волин Ю.С.>. Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // «Петрогр. курьер». 1915, 29 янв., подп.: Ю В–н). Вошло в сб. «Колчан». (Петроград: Гиперборей, 1916. С. 43–44). Печатается по изданию: *Гумилев Н.С. Стихотворения...* 2007. – С. 150.

Материалы для комментариев взяты из изданий:

Гумилев Н. Избранное / Сост., вступ. ст., коммент., лит.-биограф. хроника И.А. Панкеева; худож. С. Соколов. – М.: Просвещение, 1990. – (Б-ка словесника).

Гумилев Н.С. Стихотворения / Н.С. Гумилев; [сост., автор предисл. и коммент. Е. Перемыслов]. – М.: Эксмо, 2007. – (Всемирная библиотека поэзии).

Николай Степанович Гумилев // Википедия. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki/Гумилев#>

ПРОЗА

Из «Записок кавалериста»*

I

Мне, вольноопределяющемуся-охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных, вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы – поденщики войны, выносящие на своих плечах всю ее тяжесть, то кавалеристы – это веселая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Нет ни зависти, ни соревнования. «Вы – наши отцы, – говорит кавалерист пехотинцу, – за вами, как за каменной стеной».

Помню, был свежий солнечный день, когда мы подходили к границе Восточной Пруссии. Я участвовал в разезде, poslanном, чтобы найти генерала М., к отряду которого мы должны были присоединиться. Он был на линии боя, но где протянулась эта линия, мы точно не знали. Так же легко, как на своих, мы могли выехать на германцев. Уже совсем близко, словно большие кузнечные молоты, гремели германские пушки, и наши залпами ревели им в ответ. Где-то убедительно быстро на своем ребячьем и странном языке пулемет лепетал непонятное.

Неприятельский аэроплан, как ястреб над спрятавшейся в траве перепелкой, постоял над нашим разездом и стал медленно спускаться к югу. Я увидел в бинокль его черный крест.

Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключаящему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя. И в вечер этого дня, ясный нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул «ура», с которым был взят В. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня.

На другой день мы вошли в разрушенный город, от которого медленно отходили немцы, преследуемые нашим артиллерийским огнем. Хлюпя в черной липкой грязи, мы подошли к реке, границе между государствами, где стояли орудия. Оказалось, что преследовать врага в конном строю не имело смысла: он отступал не расстроенным, останавливаясь за каждым прикрытием и каждую минуту готовый поворотить – совсем матерый, привыкший к опасным дракам

волк. Надо было только нащупывать его, чтобы давать указания, где он. Для этого было довольно разездов.

По трясуемому, наспех сделанному понтонному мосту наш взвод перешел реку.

<...> Мы были в Германии.

Я часто думал с тех пор о глубокой разнице между завоевательным и оборонительным периодами войны. Конечно, и тот и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и завоевать право на прочный мир, но ведь на настроение отдельного воина действуют не только общие соображения, – каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте. Эти шоссе-дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жадной стремленья вперед, и так близки показались мне мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей. Не это ли и дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?

Мы пошли лавой, и я опять был дозорным. Проезжал мимо брошенных неприятелем окопов, где валялись сломанная винтовка, изодранные патрон-таши и целые груды патронов. Кое-где виднелись красные пятна, но они не вызывали того чувства неловкости, которое нас охватывает при виде крови в мирное время.

Передо мной на невысоком холме была ферма. Там мог скрываться неприятель, и я, сняв с плеча винтовку, осторожно приблизился к ней.

Старик, давно перешедший возраст ландшафтмиста, робко смотрел на меня из окна. Я спросил его, где солдаты. Быстро, словно повторяя заученный урок, он ответил, что они прошли полчаса тому назад, и указал направление. Был он краснотелый, с небритым подбородком и корявыми руками. Наверно, такие во время нашего похода в Восточную Пруссию стреляли в наших солдат из монтекресто. Я не поверил ему и проехал дальше. Шагах в пятистах за фермой начинался лес, в который мне надо было въехать, но мое внимание привлекла куча соломы, в которой я инстинктом охотника угадывал что-то для меня интересное. В ней могли прятаться германцы. Если они вылезут прежде, чем я их замечу, они застрелят меня. Если я замечу их вылезающими, то – я их застрелю. Я стал объезжать солому, чутко прислушиваясь и держа винтовку на весу. Лошадь фыркала, поводила ушами и слушалась неохотно. Я так был поглощен моим исследованием, что не сразу обратил внимание на редкую трескотню, раздавшуюся со стороны леса. Легкое облачко белой пыли, взвившееся шагах в пяти от меня, привлекло мое внимание. Но только когда, жалобно ноя, пуля пролетела над моей головой, я понял, что меня обстреливают, и притом из лесу. Я обернулся на разезд, чтобы узнать, что мне делать. Он карьером скакал

* Печатаются по изданию: *Гумилев Н. Избранное* / Сост., вступ. ст., коммент., лит.-биограф. хроника И.А. Панкеева; худож. С. Соколов. – М.: Просвещение, 1990. – (Б-ка словесника). С. 235–242.

обратно. Надо было уходить и мне. Моя лошадь сразу поднялась в галоп, и, как последнее впечатление, я запомнил крупную фигуру в черной шинели с каской на голове, на четвереньках с медвежьей хваткой вылезавшую из соломы.

Пальба уже стихла, когда я присоединился к разъезду. Корнет был доволен. Он открыл неприятеля, не потеряв при этом ни одного человека. Через десять минут наша артиллерия примется за дело. А мне было только мучительно обидно, что какие-то люди стреляли по мне, бросили мне этим вызов, а я не принял его и повернул. Даже радость избавления от опасности нисколько не смягчала этой внезапно закипевшей жажды боя и мести. Теперь я понял, почему кавалеристы так мечтают об атаках. Налететь на людей, которые, спрятавшись в кустах и окопах, безопасно расстреливают издали видных всадников, заставить их бледнеть от все учащающегося топота копыт, от сверкания обнаженных шашек и грозного вида наклоненных пик, своей стремительностью легко опрокинуть, точно сдунуть, втрое сильнейшего противника, это – единственное оправдание всей жизни кавалериста.

На другой день испытал я и шрапнельный огонь. Наш эскадрон занимал В., который ожесточенно обстреливали германцы. Мы стояли на случай их атаки, которой так и не было. Только вплоть до вечера, все время протяжно и не без приятности, пела шрапнель, со стен сыпалась штукатурка, да кое-где загорались дома. Мы входили в опустошенные квартиры и кипятили чай. Кто-то даже нашел в подвале насмерть перепуганного жителя, который с величайшей готовностью продал нам недавно зарезанного поросенка. Дом, в котором мы его съели, через полчаса после нашего ухода был продырявлен тяжелым снарядом. Так я научился не бояться артиллерийского огня.

II

1

Самое тяжелое для кавалериста на войне – это ожидание. Он знает, что ему ничего не стоит зайти во фланг движущемуся противнику, даже оказаться у него в тылу, и что никто его не окружит, не отрежет путей к отступлению, что всегда окажется спасительная тропинка, по которой целая кавалерийская дивизия легким галопом уйдет из-под самого носа одуряченного врага.

Каждое утро, еще затемно, мы, путаясь среди канав и изгородей, выбирались на позицию и весь день проводили за каким-нибудь бугром, то прикрывая артиллерию, то просто поддерживая связь с неприятелем. Была глубокая осень, голубое холодное небо, на резко-чернеющих ветках золотые обрывки парчи, но с моря дул пронзительный ветер, и мы с синими лицами, с покрасневшими веками плясали вокруг лошадей и засовывали под седла ооченелые пальцы. Странно, время тянулось совсем не так долго, как можно было предполагать. Иногда, чтобы согреться, шли взводом на взвод и, молча, целыми кучами барахтались на земле. Порой нас развлекали рвущиеся поблизости шрапнели, кое-кто робел, другие

смеялись над ним и спорили, по нам или не по нам стреляют немцы. Настоящее томление наступало только тогда, когда уезжали квартирьеры на отведенный нам бивак, и мы ждали сумерек, чтобы последовать за ними.

О, низкие, душные халупы, где под кроватью кудахтают куры, а под столом поселился баран; о, чай! который можно пить только с сахаром вприкуску, но зато никак не меньше шести стаканов; о, свежая солома! расстеленная для спанья по всему полу, – никогда ни о каком комфорте не мечтаешь с такой жадностью, как о вас!! И безумно-дерзкие мечты, что на вопрос о молоке и яйцах вместо традиционного ответа: «Вшистка германи забрали», – хозяйка поставит на стол крынку с густым налетом сливок и что на плите радостно зашипит большая яичница с салом! И горькие разочарования, когда приходится ночевать на сеновалах или на снопах немолоченного хлеба, с цепкими, колючими колосьями, дрожать от холода, вскакивать и сниматься с бивака по тревоге!

2

Предприняли мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш. и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была – заставить заговорить артиллерию, и та, действительно, заговорила. Глухой выстрел, протяжное завывание, и шагах в ста от нас белеющим облачком лопнула шрапнель. Вторая разорвалась уже в пятидесяти шагах, третья – в двадцати. Было ясно, что какой-нибудь обер-лейтенант, сидя на крыше или на дереве, чтобы корректировать стрельбу, надрывается в телефонную трубку: «Правее, правее!»

<...> Мы повернули и галопом стали уходить.

Новый снаряд разорвался прямо над нами, ранил двух лошадей и прострелил шинель моему соседу. Где рвались следующие, мы уже не видели. Мы скакали по тропинкам холеной рощи вдоль реки под прикрытием ее крутого берега. Германцы не догадались обстрелять брод, и мы без потерь оказались в безопасности. Даже раненых лошадей не пришлось пристреливать, их отравили на излечение.

На следующий день противник несколько отошел, и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения.

Трехэтажное кирпичное строение, нелепая постройка средневекового замка и современного доходного дома, было почти разрушено снарядами.

Мы приютились в нижнем этаже на изломанных креслах и кушетках. Сперва было решено не высовываться, чтобы не выдать своего присутствия. Мы смиренно рассматривали тут же найденные немецкие книжки, писали домой письма на открытках с изображением Вильгельма.

Через несколько дней в одно прекрасное, даже не холодное, утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту. Наступать – всегда радость, но наступать по неприятельской земле – это радость, удесятенная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодцеватее усаживаются в седлах. Лошади прибавляют шаг.

<...> Время, когда от счастья спирается дыхание, время горящих глаз и безотчетных улыбок.

Справа по три, вытянувшись длинной змеею, мы пустились по белым, обсаженным столетними деревьями дорогам Германии. Жители снимали шапки, женщины с торопливой угодливостью выносили молоко. Но их было мало, большинство бежало, боясь расплаты за преданные заставы, отравленных разведчиков.

<...> Особенно мне запомнился важный старый господин, сидевший перед раскрытым окном большого помещичьего дома.

Он курил сигару, но его брови были нахмурены, пальцы нервно теребили седые усы, и в глазах читалось горестное изумление. Солдаты, проезжая мимо, робко на него взглядывали и шепотом обменивались впечатлениями: «Серьезный барин, наверно, генерал... ну и вредный, надо быть, когда ругается»...

<...> Вот за лесом послышалась ружейная пальба – партия отсталых немецких разведчиков. Туда помчался эскадрон, и все смолкло. Вот над нами раз за разом разорвалось несколько шрапнелей. Огонь прекратился. Видно было, что германцы отступают решительно и бесповоротно. Нигде не было заметно сигнальных пожаров, и крылья мельниц висели в том положении, которое им придал ветер, а не германский штаб. Поэтому мы были крайне удивлены, когда услышали невдалеке частую-частую перестрелку, точно два больших отряда вступили между собой в бой. Мы поднялись на пригорок и увидели забавное зрелище. На рельсах узкоколейной железной дороги стоял горящий вагон, и из него и неслись эти звуки. Оказалось, он был наполнен патронами для винтовок, немцы в своем отступлении бросили его, а наши подожгли. Мы расхохотались, узнав в чем дело, но отступающие враги, наверно, долго и напряженно ломали голову, кто это там храбро сражается с наступающими русскими.

Вскоре навстречу нам стали попадаться партии свежепойманных пленников.

<...> Очень был забавен один прусский улан, все время удивлявшийся, как хорошо ездят наши кавалеристы. Он скакал, объезжая каждый куст, каждую канаву, при спусках замедлял аллюр, наши скакали напрямик и, конечно, легко его поймали. Кстати, многие жители уверяют, что германские кавалеристы

не могут сами сесть на лошадь. Например, если в разъезде десять человек, то один сперва подсаживает девятерых, а потом сам садится с забора или пня. Конечно, это легенда, но легенда очень характерная. Я сам видел однажды, как вылетевший из седла германец бросился бежать, вместо того чтобы опять вскочить на лошадь.

Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охранение, отправились на ночлег. Биваком нам послужила обширная благоустроенная усадьба с сыроварнями, пасекой, образцовыми конюшнями, где стояли очень недурные кони. По двору ходили куры, гуси, в закрытых помещениях мычали коровы, не было только людей, совсем никого, даже скотницы, чтобы дать напиться привязанным животным. Но мы на это не сетовали. Офицеры заняли несколько парадных комнат в доме, нижним чинам досталось все остальное.

Я без труда отвоевал себе отдельную комнату, принадлежавшую, судя по брошенным женским платьям, бульварным романам и слащавым открыткам, какой-нибудь экономке или камеристке, наколот дров, растопил печь и как был, в шинели, бросился на кровать и сразу заснул. Проснулся уже за полночь от леденящего холода. Печь моя потухла, окно открылось, и я пошел в кухню, мечтая погреться у пылающих углей.

<...> И в довершение я получил очень ценный практический совет. Чтобы не озябнуть, никогда не ложиться в шинели, а только покрываться ею.

На другой день был дозорным. Отряд двигался по шоссе, я ехал полем, шагах в трехстах от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хоть ландштурмистов, то есть попросту мужчин от семнадцати до сорока трех лет. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато очень увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впиалась в дверной косяк вершка на два от моей головы.

В доме пастора я нашел лишь служанку-литвинку, говорящую по-польски, она объяснила мне, что хозяйева бежали час тому назад, оставив на плите готовый завтрак, и очень уговаривала меня принять участие в его уничтожении. Вообще мне часто приходилось входить в совершенно безлюдные дома, где на плите кипел кофе, на столе лежало начатое вязанье, открытая книга; я вспомнил о девочке, зашедшей в дом медведей, и все ждал услышать громкое: «Кто съел мой суп? Кто лежал на моей кровати?»

Дикие были развалины города Ш. Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутренностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо крыш,

каждую минуту готовых обвалиться. На бесформенной груде обломков виднелась единственная уцелевшая вывеска «Ресторан». Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли.

Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат, <...> но, когда я посмотрел на звезды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил мое боевое крещение.

Комментарии

«Печатались в виде дневниковых записей вольноопределяющегося, затем унтер-офицера эскадрона ее величества императрицы Александры Федоровны лейб-гвардии уланского полка Гумилева с фронтов первой мировой войны в газете «Биржевые ведомости» (утренний выпуск) начиная с 3 февраля 1915 г. по 11 января 1916 г. в разделе «Летопись войны».

Гумилев считался специальным корреспондентом, и газета даже делала пометки: «Перепечатка воспрещается». Это говорит о том, что в полной мере фронтовые записки не только очень точно отражали ход событий, но и были написаны в виде лирического дневника и представляли неизмеримо больший интерес, чем простая военная хроника.

<...> Место действия «Записок» – первое русское наступление в Восточной Пруссии, где лейб-гвардии уланский полк ее величества входил в состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии конницы хана Нахичеванского. Гумилев прибыл в полк 24 августа 1914 г.

В декабре 1914 г. 2-я кавдивизия вела бои в районе Петрокова, к юго-западу от Варшавы.

С 1915 г. кавдивизия передислоцировалась в направлении Радома, потом ушла к Неману и здесь действовала в немецких тылах. В марте была в районе Пинска, в мае – перебросена к Владимиру-Волынскому. В сентябре участвовала в наступлении в районе Огинского канала под руководством генерала Мищенко, потом до конца 1915 г. находилась на южном фронте (южнее Лунинца). <...> Отточия в тексте означают цензурные сокращения, которые в условиях войны были необходимы» (*Полушин В.Л. Литературно-исторический комментарий // Гумилев Н.С. В огненном столпе / Вступ. ст., сост., вступ. ст., лит.-ист. коммент. и именной указатель В.Л. Полушина. – М.: Сов. Россия, 1991. – (Русские дневники). – С. 349–350. Полный текст не известен.*

Всего вышло 17 выпусков «Записок». Здесь печатаются два начальных: первый (I) был опубликован в № 14648 «Биржевых ведомостей» от 3 февраля 1915 г., второй (II) – в № 14821 от 3 мая 1915 г. XVII выпуск (11 января 1916 г.) был последней публикацией с фронта. «28 марта 1916 г. Гумилев получил чин прапорщика (в царской армии офицерское звание) и был переведен по его просьбе в 5-й гусарский Александрийский ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полк. Там, как известно, печатать его дневниковые записки не разрешили. Писал ли он их после запрета для себя, до сих пор неизвестно достоверно. Во всяком случае, дневник пока не обнаружен» (*Полушин В.Л., с. 352*). Впервые с 1916 г. «Записки кавалериста» были опубликованы в журнале «Москва», 1989, №2.

С. 100. ...*был взят В.* – г. Владиславов.

С. 102. ...*Наш эскадрон занимал В.* – вероятно, Виллюнен.

С. 103. ...*перешли на другой берег реки Ш.* – вероятно, р. Шешупе (или ее приток р. Шервинта – нем. Ширвиндт).

С. 105. ...*Дики были развалины города Ш.* – Возможно, г. Ширвиндт.

Галина Алексеевна АКИМОВА,
сотрудник Музея Мирового океана (Калининград)

О бедном улане замолвите слово...

Объекты культурного наследия на улицах Калининграда и городов Калининградской области вызывают интерес не только у краеведов, но и у местных жителей и гостей Янтарного края. Это повод для того, чтобы обратиться к истории памятника, стоящего у стен замка Инстербург в Черняховске, вокруг которого сложено немало легенд и историй.

Памятник павшим воинам 12-го Литовского уланского полка [Ulanen-Reiterdenkmal. Gruppe a. Postament; Kriegerdenkmal] был установлен в 1926 г. возле юго-восточной части замка в Инстербурге (г. Черняховск) на средства, собранные их товарищами. Место для установки выбрано неслучайно: в свое время уланы размещались в замке, пока не переселились в новые казармы. Памятник представлял собой стелу высотой около 5 метров с фигурой всадника на вершине. На постаменте – надпись: «DAS LITHAUISCHE ULANEN REGIMENT №12 SEINEN GEFALLENEN KAMERADEN» [«Литовский уланский полк №12 своим павшим товарищам»]. Скульптор – Станислаус Кауэр, профессор Кёнигсбергской академии художеств.

Из книг о творчестве С. Кауэра известно, что памятник был установлен в 1926 г. В том же году скульптор завершил работу еще над несколькими большими заказами – портретами (бюстами) известных в Кёнигсберге людей, им были выполнены два надгробных памятника. В эти сложные для государства и общества годы С. Кауэр искал новые пути в искусстве. Обращаясь к элементам символизма, он оставался верен неоклассицизму, продолжая классические традиции в изобразительном искусстве.

Памятник, созданный Кауэром, – это, прежде всего, воплощение идеи о воинском братстве, долге, чести. Сложное прочтение образа обусловлено задачей воссоздания не столько реалистичного облика воина, сколько символа, объединяющего несколько временных пространств, эпох, событий, восходящего к традициям античности.

В эти годы С. Кауэр вел плодотворную преподавательскую деятельность. Все произведения, которые выполнялись в ту пору мастером, были, прежде всего, предметами обсуждения в среде студенчества, нового поколения скульпторов и художников. Кауэр обучал студентов не только основам скульптуры, мастерству резьбы по камню и отливки скульптур в бронзе, но и философскому подходу к созданию образа. Многие состоявшиеся скульпторы в своих биографиях и воспоминаниях всегда подчеркивали то, что являются учениками профессора Станислауса Кауэра. Кстати, один из них – Отто Дренгвиц, учившийся в Академии в 1926–1930 гг., – до 1939 г. жил и активно работал в Инстербурге.

...Памятник пережил годы Второй мировой войны. И – увы! – был уничтожен. Когда? Точной даты установить не удастся. В альманахе «Берега Анграпы»

(2006, №2) есть информация: «После войны памятник еще стоял, и даже пивную напротив называли “Конек”. Старожилы хорошо это помнят. Затем кому-то он помешал, и его снесли в 50-х годах». Улана сняли, а постамент – остался. Старожилы города уже не помнили скульптуры. А постамент оставался стоять на старом месте.

В конце 1980-х гг. активизировался интерес к довоенной истории. В город стали приезжать те, кто жил здесь до войны. В коллекциях краеведов появились довоенные открытки и иллюстрации, доступной стала информация об истории Инстербурга. В 1994 г. в газете «Остпрройсенблат» («Ostpreußenblatt» – «Восточнопрусская газета») была опубликована статья о проведении молодежного лагеря в рамках международного молодежного сотрудничества в г. Черняховске. В качестве иллюстрации, как символ культурного наследия, использовалась довоенная фотография памятника С. Кауэра.

Виктор Валентинович Кузнецов, в то время студент Российской академии живописи, ваяния и зодчества, приехал в Черняховск в 1999 г. Во время посещения замка Инстербург он познакомился с любителями и знатоками истории края, среди которых был известный в Черняховске краевед Г.Ф. Разумный. Вот здесь и встретились в одно время и в одном месте идеи о возрождении произведения искусства и мысли о возможности восстановить памятник. Инициативная группа обратилась к администрации города, которая и выступила заказчиком на реконструкцию памятника. Денег не было. Поэтому был подписан взаимовыгодный договор.

В. Кузнецов приступил к работе. Идейным вдохновителем был Г.Ф. Разумный. Именно он дал Виктору увеличенную фотографию памятника, по которой производилась реконструкция. Благодаря помощи и поддержке М.Г. Пяковского, в то время председателя Калининградского отделения Союза художников России, молодому скульптору была выделена мастерская на территории Дома художников.

Кузнецов с теплотой вспоминает о работе над памятником. Он создавал образ по фотографии, не знал размеров, не видел многих деталей, работал интуитивно. Дружескими советами помогали калининградские художники Б.П. Булгаков и Т.А. Лошкарева. Но с особой благодарностью мастер вспоминает Людмилу Григорьевну Пономареву – известного в Калининграде скульптора, автора памятника воинам-интернационалистам, мемориала погибшим рыбакам, других монументальных произведений (а в фондах калининградских музеев хранится более ста ее станковых работ). Она не только давала советы и консультации, но и оказывала практическую помощь.

По причине отсутствия финансов пришлось отказаться от идеи воплотить памятник из камня, поэтому создавалась модель для последующей отливки из бетона. Работа над статуей улана была завершена достаточно быстро. Но, к сожалению, довести дело до конца – поставить скульптуру на постамент, презентовать общественности – не удалось, так как не были выполнены условия договора со стороны администрации. Поэтому несколько лет статуя

простояла на хозяйственном дворе механических мастерских. Возможно, этот факт и послужил рождению легенд о сохранившихся частях от памятника работы Кауэра.

На незаконченную работу обратил внимание уже новый мэр города, О.А. Виноградов. Благодаря финансовой помощи предпринимателя В.И. Яновского восстановление памятного знака было завершено.

Торжественно открыли памятник, с приглашением литовского и немецкого консулов, в День города, 8 сентября 2006 г.

Внешне реконструкция воспроизводит образ довоенного памятника. Но проходит время, бетон теряет свои свойства. Виктор Кузнецов надеется на то, что появится возможность вырезать памятник из камня, как это было выполнено автором, Станислаусом Кауэром.

В литературе и даже в официальных документах встречаются различные данные об авторстве памятника. Поэтому, справедливости ради, необходимо уточнить, что в настоящее время у Инстербургского замка в г. Черняховске на ул. Толстого находится:

Памятник павшим воинам 12-го Литовского уланского полка, авторская реконструкция произведения С. Кауэра.

Автор реконструкции – В.В. Кузнецов, 1999 г.

Материал: бетон. Техника: отливка.

Литература и электронные ресурсы

1. Берега Анграпы: худож.-публицист. альманах. Вып. 2: Дело Геннадия Разумного [спецвыпуск]. Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006.

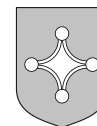
2. Людмила Григорьевна Пономарева (1949–2000) // Калининградский региональный общественный фонд творческой реализации имени Людмилы Пономаревой. URL: <http://ponomarevafond.narod.ru/about.html>.

3. Тропа Станислауса Кауэра / Музей Мирового океана; ред.: С.Г. Сивкова, В.Л. Стрюк, Г.А. Акимова [и др.]. Калининград: Терра Балтика, 2012.

4. *Mackensen Richard, von.* Versöhnliches Streben in Insterburg // *Das Ostpreußenblatt.* 1994. 22. Januar. S. 13.

5. *Masa E.* Stanislaus Cauer. 1867–1943. Amsterdam, 2000.

6. *Mühlpfordt H.M.* Königsberger Skulpturen und ihre Meister. 1255–1945. Würzburg, 1970.

«Военный памятник - для мира»

Этот памятник русским воинам Первой мировой появился три года назад. И «получил прописку» во Франции, в историческом районе Парижа, на площади Канады, неподалеку от Елисейских Полей. Рядом – набережная Сены, мост Александра III и знаменитый Гран-Пале.

А началась его история еще ранее – в перекрестный Год Франции и России, стартовавший в 2010 г. На уровне глав правительств двух стран тогда была достигнута договоренность о сооружении памятника русскому солдату в центре Парижа. Точнее – Мемориала памяти солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса, воевавших в составе союзнических армий в 1916–1918 гг.

Конкурс проектов проводился французским Министерством культуры (собственно, сама идея изначально принадлежала министру культуры Фредерику Миттерану) при поддержке Министерства обороны Франции.

Несколько творческих команд участвовало в нем со стороны России – например, свои проекты представили мастера Студии военных художников имени Грекова, известный скульптор Георгий Франгулян – создатель таких значительных работ, как памятники Булату Окуджаве и Араму Хачатуряну в Москве, конная статуя царицы Елизаветы в Балтийске и многих других. Французское жюри отдало предпочтение проекту Суровцевых – Сягиных. И представители двух творческих династий – Народный художник России Владимир Суровцев с сыном Данилой, скульптором, учеником академика В.Е. Цигаля, имеющий немалый опыт работы в России и за рубежом архитектор Владимир Сягин со своим сыном Олегом, тоже архитектором, – приступил к работе.

Тема, подзабытая и французами, и нашими соотечественниками, должна была найти свое художественное воплощение. Для авторов важно было не только напомнить своим современникам (и потомкам) о героической истории Русского экспедиционного корпуса, но и вызвать отклик в душах людей, независимо от их национальности: искусство не знает границ, как и представления о верности долгу, о воинской чести, отваге и доблести.

Казалось бы, без патетики – в лучшем смысле этого слова – здесь не обойтись. И в творческом поиске авторы создали несколько эскизов в этом ключе. Однако все же изменили подход. Вот как о том рассказывал в одном из интервью Владимир Александрович Суровцев: «...уже в самый последний момент мне показалось, что надо посмотреть и с другой стороны на то, что такое война и что такое Россия в начале XX века. Это аграрная страна, где 95% населения занималось сельским хозяйством. Кто такие солдаты? Это крестьяне, обычные люди, люди от земли...» И он изобразил «простого, нашего обыкновенного человека, который спокойно, мирно стоит рядом с конем», пьющим воду, и захотел назвать эту работу «Родник» (словом из того же гнезда, что и слово «Родина»). Как пояснял скульптор концепцию проекта, воины «только прибыли

на территорию Франции и, верные своему союзническому и солдатскому долгу, верные присяге, должны были через какое-то время вступить в бой, а пока – пауза», мирное затишье... Творческая команда это сразу приняла.

И конкурсная комиссия, как уже было отмечено, остановила свой выбор именно на этой, «совершенно негероической», сцене. Почему? Вероятно, хотелось представить и помнить, какими русские герои были вне боя, понять и помнить, какими человеческими качествами они обладали, почувствовать и помнить, каков был их душевный настрой.

А «конная» тематика давно заняла особое место в творчестве В.А. Суровцева. Она «наметилась» как бы сама собой и вплелась в героическую романтику и исторический реализм его работ естественно, органично. Да и не могла она не возникнуть у художника с казачьими корнями (дед – казак с Хопра), и невозможно ему, художнику, не любоваться красотой, благородством, грацией, пластикой этих удивительных животных, сопровождающих жизнь, быт, труд человека с незапамятных мифологических времен, да еще и обстоятельства личной биографии сыграли роль (кони помогли преодолеть тяжкий недуг, который мог бы перечеркнуть все планы). «Пробы» в его творчестве уже были. И одна из них – блистательный «Водопой» – принесла яркий успех еще в начале 90-х. А потом появились монументальные конные памятники – Барклай, Скобелев, Рокоссовский... Но это был «человек на коне». Теперь же мастера заинтересовал вариант «человек и конь рядом» (могу ошибаться, но, насколько мне известно, подобного рода сюжетов в скульптуре немного): для воина конь – боевой друг, не способный предать.

И стоит у парижских каштанов молодой русский офицер с двумя Георгиями на груди и французской каской в руке. Верный конь склонил голову к роднику, а поручик смотрит в дальнюю даль, в глазах – теплота, и не то улыбается, не то печалится. Вернется ли в родные места?..

На бронзовом плинте – надпись: «Памяти воинов Русского экспедиционного корпуса, сражавшихся на полях Франции в 1916–1918 годах». О том же по-французски – на постаменте.

На помощь Франции в составе корпуса прибыло более 45 тысяч наших соотечественников – сколько их осталось на ее полях! Словно в подтверждение пословицы, подобных которой мы вряд ли найдем в иных языках (не из-за «исключительности» русской души – менталитет такой): «Сам погибай, а товарища выручай».

Когда скульптор работал над памятником – встречался с потомками воинов Великой войны, родившимися в эмиграции. Для многих из них памятник станет связующим звеном с родиной прадедов.

Открывался монумент 21 июня 2011 г. в присутствии двух премьер-министров – Франсуа Фийона и Владимира Путина. Французский говорил о признательности русским воинам за самоотверженный подвиг и верность союзническому долгу. Российский вспомнил еще и о битве под прусским Гумбинненом, по сути спасшей французскую армию от разгрома: немцы не вошли

в Париж, потому что вынуждены были перебросить часть войск в Восточную Пруссию, дабы сдерживать наступление русских.

Народный художник России (и Почетный гражданин нашего родного Черняховска) стал кавалером Ордена Министерства культуры Франции. Памятник Русскому экспедиционному корпусу – его четвертая работа в этой стране.

Владимира Суровцева нередко спрашивают, почему он, по большей части, работает над «военными» памятниками? «Военный памятник нужен для мира, – отвечает мастер. – Чтобы помнили цену войны».

P.S.1. 7 февраля 2013 г. памятник был осквернен: неизвестные надели на головы бронзового воина и его коня балаклавы и выкрасили монумент в разные цвета. На постаменте, «в поддержку» тех, кто устроил скандальную пляску с песнопением в храме Христа Спасителя, была оставлена надпись: «Free Pussy Riot». К чести мэрии Парижа, памятник оперативно был приведен в надлежащий вид, к его очистке от краски привлекли специалистов, которые работали с предельной осторожностью, чтобы не повредить декоративный слой тонировки.

P.S.2. 14 июля 2014 г., в честь национального праздника Франции и в память о начале Первой мировой войны, в Париже был проведен парад с участием воинов разных стран, которые прошли маршем по Елисейским Полям под «Прощание славянки». А после парада знаменная группа Кремлевского полка давала интервью тележурналистам у памятника Русскому экспедиционному корпусу.

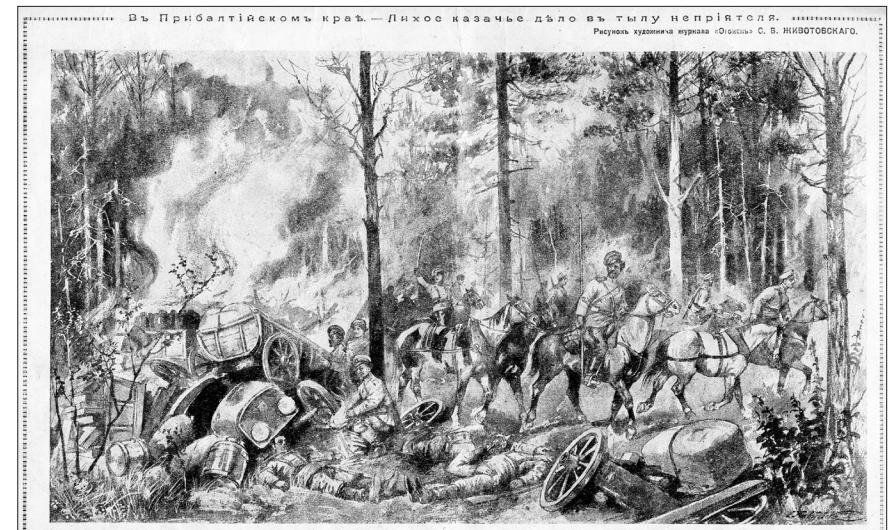
Источники и электронные ресурсы

1. Записи бесед с Народным художником России, скульптором В.А. Суровцевым (Личный архив Г.В. Каштановой-Ерофеевой).
2. В.В. Путин провёл рабочую встречу с министром культуры Российской Федерации А.А.Авдеевым и скульптором В.А.Суровцевым [31 декабря, 2010] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/13753/photolents.html>.
3. Владимир Суровцев: «Как автору монумента мне было больно это видеть». В Париже осквернён памятник воинам Русского экспедиционного корпуса... // Русская линия. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=59302>.
4. В Париже осквернён памятник воинам Русского экспедиционного корпуса [12 февраля 2013] // МАХPARK. Социальная сеть для зрелых людей. URL: <http://maxpark.com/community/8/content/1818568>.
5. Гаспарян Армен. «Родник» Парижа. [Интервью со скульптором В.А. Суровцевым] // Радио «Голос России». URL: <http://rus.ruvr.ru/>.
6. Каштанова-Ерофеева Г. Почетный гражданин [Интервью с Народным художником России В.А. Суровцевым] // Полкус + ТВ. 2011. 10 июня. С. 3, 12.
7. Pussy на крови: в Париже осквернен памятник воинам Русского экспедиционного корпуса // Твердый знак. URL: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/1203162.html>.
8. Строганова Анна. Открытие памятника Русскому экспедиционному корпусу в Париже [21.06.2011] // Россия / Франция. URL: <http://www.russian.rfi.fr/frantsiya/20110621-otkrytie-pamyatnika-russkomu-ekspeditsionnomu-korpusu-v-parizhe>.
9. Якунина Елена. Мемориал Русскому экспедиционному корпусу в Париже [19.06.2011] // Русский очевидец. URL: <http://rusoch.fr/lang/ru/guests/memorial-russkomu-ekspedicionnomu-korpusu-v-parizhe.html>.

Алексей Леонидович ЛАЛЭКО,
преподаватель исторического краеведения школы-интерната №3
г.Калининграда, член Калининградского клуба краеведов

Военная журналистика в Первую мировую

Первая мировая война, начавшаяся 95 лет назад, принесла с собой не только новые виды вооружения – пулеметы, танки, ядовитые газы и самолеты. В 1914 г. в России впервые появилась и военная журналистика, и журнал «Огонек» стал зеркалом развития нового жанра. Листая подшивку «Огонька» 95-летней давности, с трудом понимаешь, каких побед искала Россия, вступившая в Великую войну ради «панславянских» интересов и по договору с Антантой. Но тогда, в августе 1914 г., никто подобных вопросов не задавал. Не было и информации с фронта – вместо репортажей и заметок с мест боевых действий редакции русских газет и журналов публиковали батальные рисунки художников. Такие, например, как «Атака русских гусар Н-ского корпуса на прусский эскадрон «Мертвых голов»» или «Сестры милосердия в санитарном поезде».

В Прибалтийском крае. Лихое казачье дело в тылу неприятеля.
Рис. художника С.В. Животовского. «Огонек». 1915. № 26. Из фондов Музея истории.

Где происходили бои, с кем, – об этом в журналах старались не писать, чтобы лишний раз не давать повода сомневаться в патриотической кампании.

«Подобная пропаганда была с психологической точки зрения совершенно неправильной, – годы спустя писал известный историк и бывший полковник

* Выступление на Разумновских чтениях 2009 г.

императорской армии Николай Какурин. – Мы все время пытались представить противника в смешном виде, как маленьких злобных карликов, брызжущих слюной, которых сильные русские богатыри смогут прибить и одним щелчком пальца. Это было неправильно потому, что при первой же встрече с реальным противником наш солдат получал совершенно иное представление о нем, чем это рисовалось в прессе. В результате солдат наш чувствовал себя обманутым, он переставал верить и во всем остальном нашей печати. В конце концов наш солдат стал считать, что вся наша печать – “сплошной обман”».

Впрочем, это чувствовали и сами журналисты, решившие уже на вторую неделю начала боевых действий публиковать в «Огоньке» списки погибших героев. С каждым номером списки занимали все больше и больше страниц, а потом «обет молчания» о войне прорвали фоторепортажи легендарного огоньковского фотографа Карла Буллы и свидетельства беженцев с оккупированных территорий. Многим запомнилась и фотография какого-то немецкого доктора, добровольно перешедшего на сторону русской армии и ставшего хирургом в полевом лазарете – впервые с начала века журналисты увидели в немцах не карикатурных злодеев, не варваров-«гуннов» («гуннами» называли немцев официальные пропагандисты), а обычных людей.

Интересную информацию можно было прочитать в «Огоньке» о внуке Александра Сергеевича Пушкина. Для многих россиян стало шоком, что внук Пушкина, граф Георгий Николаевич Меренберг, стал воевать против России: «Родной внук великого нашего поэта, единственный сын дочери А.С.Пушкина, Натальи Александровны, и принца Николая Наусского – служит ротмистром в одной из гвардейских кавалерийских частей германской армии».

В середине 1915 г. в печати появились и первые свидетельства о жизни русских пленных в немецких лагерях: «Немецкие охранники заставляют русских оказывать им разные услуги – мыть посуду, чистить обувь, давая за это жалкие объедки. Еще хуже пленному, работающему в невыносимо тяжелых условиях на шахтах и в рудниках. За отказ работать немцы привязывают к столбу и оставляют стоять на целый день».

Одна из последних заметок декабря 1916 г. звучит как мрачное пророчество: «Главный комитет Всероссийского земского союза обратился к Союзу русских психиатров и невропатологов с просьбой о содействии в призрении нервно- и душевнобольных воинов, которые стали массово поступать с театра военных действий...»

Ответа земцы так и не дождались. Разразилась Февральская революция, а затем и Октябрьская, и Первая мировая война стала называться империалистической, а спустя десятилетия и вовсе была забыта. И недавно в одном из журналов довелось прочитать мне такие стихи:

Не начинай войну за сербов,
не исповедуй панславизм.
Не то, истратив кучу нервов,
людских ресурсов и консервов,
в конце получишь коммунизм.

Альберт АДЫЛОВ
член Союза журналистов России

*И грянул бой...**

95 лет назад на полях под нынешним Гусевом решилась судьба Европы

Осенью 2007 года автору этих строк довелось разговаривать в Калининграде с послом Франции в России Станисласом де Лабуле на тему российско-французских историко-культурных контактов в нашем регионе, и, к удивлению, слово «Гумбиннен» оказалось для дипломата неизвестным и труднопроизносимым, хотя, казалось бы, французу стоит его выговаривать четко. К сожалению, сейчас словосочетание «Гумбинненское сражение» известно только специалистам. Да, собственно, почему «сейчас»? Эту битву забыли очень быстро. Уинстон Черчилль еще в мае 1930 года написал в газете «Дейли телеграф»: «Очень мало людей слышали о Гумбиннене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Русская контратака III корпуса, тяжелые потери Макензена вызвали в 8-й немецкой армии панику; она покинула поле сражения, оставив на нем своих убитых и раненых; она признала факт, что была подавлена мощью России».

В России вообще и в Калининградской области в частности сейчас тоже мало кто обратил внимание, что вчера исполнилось 95 лет с того дня, как 20 августа 1914 года на полях под нынешним Гусевом в смертельной схватке сошлись 8-я германская армия Притвица и 1-я русская армия Ренненкампа. Вернее, по преимуществу это были войска немецкого XVII корпуса фон Макензена и русского III корпуса генерала Николая Епанчина. По утверждению военных историков, численный перевес в том бою был на стороне врага (75 тысяч немцев против 64 тысяч русских), и хотя германцы сражались на своей земле, вопреки известной пословице в этот раз стены им не помогли. В книге «Великая война 1914–1918 годов» [«Der große Krieg 1914–1918»] полковник германской армии Рудольф Франц пишет: «... русские выказали себя как очень серьезный противник. Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированы, имели хорошую боевую подготовку и хорошее снаряжение. Они храбры, упорны, умело применяются к местности и мастера в закрытом расположении артиллерии... Особенно искусными оказались они в полевой фортификации: как по мановению волшебного жезла вырастает ряд расположенных друг за другом окопов...»

Обратим внимание на два ключевых упоминания у Франца: во-первых, «полевая фортификация» – бой действительно начинался для русских с обороны, которая была организована настолько успешно, что, по словам советского военного деятеля И. Вацетиса, «они не только не были разбиты, но даже не были стронуты с места». И – «закрытое расположение артиллерии»: этот малознакомый немцам метод, изобретенный еще в русско-японскую войну Владимиром Слюсаренко, правнучка которого Лариса Белоярцева живет сейчас в Калининграде, стал одним из ключей к победе. Тактический итог:

* Впервые опубликовано: Калининградская правда. 2009. № 152 (17322). 21 августа.

за один день разгромленный XVII корпус откатился на 20 километров, общие потери немцев составили около 10 тысяч человек. Город был занят русскими войсками, генерал Епанчин назначил бургомистром преподавателя местной гимназии Мюллера. Последний в изданной в 1915 году брошюре «Три недели русского правления в Гумбиннене» отдал должную справедливость нашим войскам, подчеркивая их «дисциплину, порядок и мягкое отношение к оставшимся на месте жителям».

Итог стратегический: Притвиц в панике отдает приказ об общем отступлении за Вислу, и германский генштаб вынужден сменить потерявшее голову руководство 8-й армии, а также перебросить ей подкрепление – два корпуса с Западного фронта. Именно двух этих корпусов не хватило немцам в битве на Марне, Париж был спасен, «план Шлиффена» провалился. Мировая война развивалась и закончилась по совершенно иному сценарию, нежели тот, который был задуман германскими стратегами в тиши кабинетов в предвоенное время.

В созданных уже на чужбине воспоминаниях Епанчина «На службе трех императоров» есть такие строки: «8 февраля 1938 года я написал фельдмаршалу Макензену письмо с просьбой высказать его мнение о Гумбинненском бое; я писал ему, что во время войны мы оба обязаны были исполнять наш долг, но теперь условия уже другие, и я был бы ему весьма признателен за откровенное его мнение... Я получил от Макензена любезное письмо, написанное в духе старого, честного солдата... "Ваше превосходительство, я особенно подтверждаю, что III корпус русской армии, коего вы были командиром, доблестно сражался против моего XVII корпуса в бою у Гумбиннена 20 августа 1914 года. С высоким и исключительным уважением к вашему патриотическому поведению в этом бою, остаюсь, глубокоочтимый господин генерал, Вашему Превосходительству преданный солдат фон Макензен, генерал-фельдмаршал Королевско-Прусской армии"».

Немцы, как видим, отдавали должное своим противникам. Могилы русских солдат в Восточной Пруссии были ухожены наравне с могилами солдат германских, сейчас же, к сожалению, во многих случаях далеки от надлежащего состояния и те, и другие. Да и в целом наша память о том великом событии, прямо скажем, не на уровне. Сегодня в Гусеве силами местного музея пройдут возложение цветов к могилам Первой мировой и небольшая краеведческая конференция – и, пожалуй, все. Кажется, масштаб события заслуживает много большего.

*«Мертвые сраму не имут...»**

*Имя одного из персонажей русской истории Восточной Пруссии
настоятельно нуждается в общественной реабилитации*

Ровно неделю назад сидел я на одной пресс-конференции, где, кроме журналистов, присутствовали и «представители общественности». Двух из последних тема встречи – признание Россией независимости Южной Осетии

* Впервые опубликовано: Калининградская правда. 2008. 5 сентября.

и Абхазии – явно не слишком волновала: они обсуждали какую-то краеведческую проблему. Долетели лишь обрывки фраз:

- ... Там в 14-м году ставка Ренненкампа была...
- Так он же предатель был. Из-за него армия Самсонова погибла!
- Ну, все равно – место историческое...

И вот это самое «все равно» (фактическое согласие с тем, что «он же предатель был») до того неприятно резануло слух, что пообещал я сам себе: к этой теме вернусь на страницах газеты обязательно. Тем более что и календарь памятных дат тому в помощь: вчера, 4 сентября, исполнилось ровно 94 года со дня начала немецкого наступления против 1-й русской армии генерала от кавалерии Павла Ренненкампа, закончившегося временным вытеснением наших войск из Восточной Пруссии. Хотя по-хорошему вспоминать печальную тень Павла Карловича в этом году можно было часто: и в апреле – к 90-летию его зверского убийства таганрогскими чекистами, и в августе – к 94-летию славной победы его армии под Гумбинненом, заставившей немецкое Верховное Главнокомандование перебросить в Восточную Пруссию подкрепления из-под Парижа, похоронив таким образом надежду на осуществление «блицкрига». Упование на то, что региональное министерство культуры достойно откликнется на последнюю дату, в очередной раз не увенчалось успехом – повторилось железное правило последних лет: торжественно празднуют у нас только поражения русской армии, победы же особым вниманием не пользуются. Попытаемся же исправить эту «оплошность» (если не сказать конкретнее) хотя бы в рамках газетной статьи, поскольку правда о Ренненкампе должна, наконец, стать достоянием широкой калининградской общественности.

Род этот происходит из Германии, из епископства Оснабрюк, откуда Ренненкампы в XVI веке переселились в Ригу. Когда Прибалтика в результате завоеваний Петра Великого стала российской, они в числе прочих «остзейских баронов» пошли на русскую службу. Французский писатель и историк Жан Саван (зять Павла Карловича) охарактеризовал образ жизни этой семьи в следующих словах: «Ренненкампы вели патриархальный образ жизни ливонских баронов, разделяя отцовский патриотизм, с давних времен привязанные к родной земле. Их предки, как правило, отправлялись учиться за границу, посещали самые знаменитые европейские университеты, несколько лет совершенствовались в военном искусстве и, ставши всесторонне завершенными мужчинами, возвращались на родину, женились и обосновывались прочно, достойно и мудро управляя своими владениями, согласно длительной благородной традиции». Эта фамилия дала своей новой родине целую плеяду крупных чиновников, профессоров, судей, ректоров университетов, писателей, а также 7 генералов, 4 адмирала и около полусотни офицеров армии и флота.

Военную карьеру избрал и Павел Ренненкампф, родившийся 17 апреля 1854 года в замке Панкуль под Ревелем (нынешним Таллинном). Интересно, что, несмотря на знатное происхождение, начинал он с нижних чинов – 16-летним унтер-офицером 89-го пехотного Беломорского полка. Затем – военное училище, выпуск в 5-й Литовский уланский полк, военная академия и долгие годы карьерного роста в самых разных должностях – штабных

и строевых. Звезда Ренненкамппа как командира взошла в 1900 году во время кампании в Маньчжурии, когда лихой полковник во главе небольшого кавалерийского отряда рассеивал многократно превосходящие силы китайской армии, совершал стоверстные переходы, брал города и тысячи пленных. В том же амплуа отважного кавалериста (уже генерала) он предстает и в Русско-японской войне – неудачной для России, но заслуженно принесшей командиру Забайкальской казачьей дивизии очередные награды: за боевые отличия он получает Георгиевское оружие с бриллиантами.

Интересную характеристику Ренненкамппа оставил в своей книге «Пятьдесят лет в строю» безусловный сторонник советской власти «красный граф» Алексей Игнатъев – они вместе лежали в госпитале в Русско-японскую войну: «...он оказался таким, каким я его себе и представлял – обрусевшим немцем, блондином богатырского сложения, с громадными усищами и подусниками. Холодный стальной взгляд, как и вся его внешность, придавал ему вид сильного, волевого человека... Среди дряхлеющих стариков и изнеженных сибаритов, составлявших большинство высшего командного состава, Ренненкампп, несомненно, выделялся своим здоровым, бодрым видом. Невольно вспоминалось латинское изречение: “В здоровом теле – здоровый дух”. За телом он действительно следил. Раздеваясь ежедневно по утрам догола, при любой боевой обстановке, он обливался ведрами холодной воды... При наступлении он выезжал всегда к передовой заставе, выбирал удобное место, чтобы пропустить мимо себя последовательно всю колонну, здороваясь отдельно с каждой частью. Люди получали впечатление, что начальник всегда не позади, а впереди их...» За требовательность по службе Ренненкампп получил от подчиненных прозвище «желтая опасность» – по цвету лампасов забайкальских казаков, чью форму он носил.

По окончании войны он получил назначение командиром 7-го Сибирского армейского корпуса, и здесь ему выпало проявить себя с той стороны, которая (а вовсе не мифическое восточнопрусское «предательство») и вызывала на самом деле бешеную ненависть к нему со стороны как либеральных, так и советских агитаторов. Во главе сводного отряда, посаженного на железнодорожный состав, Ренненкампп успешно подавил антиправительственные выступления Первой русской революции вдоль Транссибирской магистрали, двигаясь навстречу такому же поезду генерала барона Меллер-Закомельского. Этого ему впоследствии и не простили – и в 1914-м, и в 1918-м.

Подробно пересказывать историю кампании 1914 года в Восточной Пруссии здесь нет нужды – остановимся только на разборе обвинений, столь расхожих в кругах досужей публики благодаря недобросовестным публицистам и авторам исторических романов. В течение всего первого военного августа Ренненкампп всего лишь скрупулезно выполнял приказ штаба Северо-Западного фронта: двигаться на Кенигсберг и блокировать его. Получив приказ оказать помощь терпящему поражение южнее Самсонову, он и это распоряжение начал выполнять (силами II и IV армейских корпусов), однако через два дня получил другой приказ: 2-я армия «отошла» и в содействии больше не нуждается.

На самом деле она уже погибала в окружении, и вина за это ложится на командование фронтом и, как это ни кощунственно прозвучит, на ее собственного командующего. Факт остается фактом: через девять лет после Цусимы история почти буквально повторилась на суше, в Восточной Пруссии: командующий 2-й армией устранился от прямого руководства войсками, предоставив подчиненным частям «спасаться кто как может». Трагическая гибель Самсонова уже почти столетие создает ему ореол мученика, прямо скажем – не вполне заслуженный. Во всяком случае, никаких конкретных фактов «предательства» Ренненкамппа нет как нет: разбор его действий в Восточной Пруссии специальной комиссией ни к каким обвинительным выводам не привел. Но платить за перебитые горшки кто-то должен был, и хотя генерала уволили в отставку более чем через год после трагедии в Мазурских болотах «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией», клеймо «изменника» с легкой руки либеральных газет на него легло еще тогда.

После победы «великой и бескровной» Февральской революции ее вожди инспирировали гигантское политическое судебное дело: целый ряд деятелей «старого режима» оказался в казематах Петропавловской крепости по высосанному из пальца обвинению в «измене» и «работе на немцев». Понятно, что Ренненкампп на роль одного из козлов отпущения подходил как нельзя лучше и потому оказался в числе первых арестованных. Следственная комиссия Временного правительства «шила» им несуществующую измену месяц за месяцем, но воочию становилось видно: дело разваливается за явной бездоказательностью обвинений. Октябрьский переворот скопом освободил всех узников Петропавловки, но было ясно: за Ренненкамппа скоро опять возьмутся, припомнив ему верность присяге во время Первой русской революции.

...Его арестовали в марте 1918 года в Таганроге, где Павел Карлович проживал по поддельным документам «греческого подданного Мандусакиса». Как явствует из материалов расследования, проведенного белогвардейцами после занятия города, арестованному даже предлагали вступить в Красную Армию, на что последовал твердый ответ: «Я стар, мне мало осталось жить, ради спасения своей жизни я изменником не стану и против своих не пойду. Дайте мне армию хорошо вооруженную, и я пойду против немцев, но у вас армии нет; вести эту армию значило бы вести людей на убой, я этой ответственности на себя не возьму». Находившийся в городе один из вождей новой власти, главноверх Антонов-Овсеенко, узнав об аресте Ренненкамппа, «выразил удивление, что он до сих пор жив, и приказал расстрелять его». 1 апреля жене генерала Вере Николаевне выдали справку, что муж ее отправлен в Москву. А 18 мая при эксгумации останков жертв красного террора под Таганрогом «были обнаружены и вырыты два трупа в одном только нижнем белье, с огнестрельными ранами в голову. В одном из этих трупов В.Н. Ренненкампп безошибочно опознала труп покойного своего мужа, генерала от кавалерии Павла Карловича Ренненкамппа».

Так закончил свой земной путь русский генерал, оставивший свой след на калининградской земле. Размышляя над его биографией, невольно проводишь параллели с личностью фельдмаршала Баркляя-де-Толли.

Масштаб этих фигур, конечно, различен: Ренненкампф не был великим полководцем и военным администратором, он просто честно служил своему Отечеству, но роднят их с Барклаем незаслуженные обвинения в измене. «Русский шотландец», как мы знаем, не так давно удостоился бронзового монумента в Черняховске. Ренненкампф же если и не заслужил памятника на поле под Гусевом (бывшим Гумбинненом), где 94 года назад сорвал планы «блицкрига», то, по крайней мере, достоин того, чтобы доброе имя его было очищено от лжи и клеветы.

Зимой 1914-15-20...

В эти дни уместно вспомнить очередное «неизвестное» сражение российской армии, произошедшее 95 лет назад на земле, где мы ныне живем

Сегодня в Краснознаменском районе, в поселке Добровольск, – день памяти. 65 лет назад тяжелейшими боями за этот населенный пункт (тогдашний Пилькаллен) начиналась Восточно-Прусская операция. Но мало кто, кроме специалистов-историков и краеведов, в курсе того, что русская кровь обильно лилась на этих полях и тридцатью годами ранее...

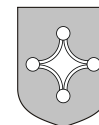
В октябре 1914-го, оправившись от поражений августа-сентября, наши прапрадеды вновь вступили на территорию Восточной Пруссии. И сошлись уже не две русские армии с одной немецкой, а наоборот: путь русской 10-й армии генерала от инфантерии Фаддея Сиверса преграждали 8-я германская генерала Отто фон Белова и 10-я Германа фон Эйхгорна. Отражение русского наступления стало для прусских генералов-аристократов поистине семейным делом: старший брат фон Белова командовал корпусом в армии Эйхгорна. Сначала успех русских войск развивался по «летнему» сценарию: по свидетельству историков, армия Сиверса вновь «дошла до линии Гольдап – Гумбиннен и к 28 ноября занимала следующее положение: конный корпус В.И. Гурко – в районе западнее Мальвишкена (пос. Майское), отряд Н.А. Епанчина – между Гумбинненом и Шталлупёненом, XX корпус достиг реки Ангерапп, остальные соединения находились на территории нынешней Польши. Фронт относительно стабилизировался, и бои местного значения без особого успеха для обеих сторон шли до конца января – начала февраля 1915 года».

За этими скупыми строчками – очередная страница нелегкой боевой летописи русской армии. Бои перешли в позиционную фазу, а силы оказались явно не равны. Опытный военачальник, имевший за плечами свыше сорока лет службы, две войны и успешное руководство корпусом в Галицийской битве августа-сентября 1914 года, Сиверс не одобрял наступательных планов, которые командование составляло для его войск, растянутых на протяжении 170 километров от Немана до Мазурских озер. Фаддей Васильевич предупреждал высшее начальство об опасности «маневра, что был сделан немцами против армии ген. Ренненкампфа», но все было тщетно: его армию ослабляли (XXII армейский корпус был переброшен против австрийцев в Карпаты) и тем не

менее требовали от нее побед. По настоянию командующего Северо-Западным фронтом генерала Николая Рузского 10-я, против воли своего командарма, 95 лет назад начала безуспешную Лаздененскую операцию, названную так по имени нынешнего Краснознаменска. Оборону Эйхгорна прорвать не удалось, лишь впускую были растрачены силы, а в феврале, как и предсказывал Сиверс, последовал обходной удар немцев. Поражение не было столь катастрофическим, как в августе 1914-го, но русской армии пришлось отойти глубоко на территорию Литвы, и для Восточной Пруссии Первая мировая на этом закончилась.

«Платить за перебитые горшки» пришлось, естественно, Сиверсу: его отстранили от командования, а в апреле уволили в отставку. Дальнейшая судьба опального военачальника загадочна: по распространенному мнению, в том же году Фаддей Васильевич, находясь «в депрессии, тяжело переживая поражение армии, покончил жизнь самоубийством, выстрелив из пистолета в голову». Однако точная дата этого события в публикациях отсутствует, а историк Сергей Волков утверждает, что в 1920-м пожилой генерал числился в списках Белой армии на юге России. Его победитель Эйхгорн за кампанию 1915 года стал кавалером высшего прусского военного ордена «Пур ле Мерит» [«Pour le Mérite», фр., – «За заслуги»], в 1917-м получил звание фельдмаршала, а в 1918-м, будучи генерал-губернатором оккупированной Украины, был застрелен в Киеве левыми эсерами...

Сыновья участников Лаздененской операции января 1915 года пришли в эти места через тридцать лет и сквитались за все. А вот о нашей – отдаленных потомков – лепте в копилку памяти тех давних времен иногда и говорить стыдно. В 2000 году на месте геройской гибели в декабре 1914-го у моста через Инструч на шоссе Краснознаменск – Добровольск русского ротмистра Бушнева был установлен простой крест, а у его основания – камень с эпитафией. На фотографии в вышедшем менее года назад каталоге памятников двух мировых войн на территории нашей области доска с эпитафией уже зафиксирована разбитой вдребезги, а сейчас ее там и вовсе нет – хорошо хоть крест пока не тронули. Журналисты местной газеты «Красное знамя» связывают этот вандализм с ведущейся плотную к памятнику хозяйственной деятельностью. Ведаем ли, что творим?..

«Благодарная Россия героям Первой мировой войны»

В Калининграде, неподалеку от памятника 1200 гвардейцам, у стен Астрономического бастиона, 30 мая 2014 г. открыт новый памятник. Он первый в России из посвященных героям Первой мировой. И каким-то особым образом в нем сочетаются мощь, масштабность, монументальность и – трогательность.

На массивном 11-метровом постаменте серого гранита – три бронзовых фигуры: офицер-дворянин, солдат из крестьян, молодой боец из разночинцев. В руках – винтовки. Эти воины – воплощение мужественности. Они еще едины, они еще в том времени, когда верны были одной общей для всех российских сословий присяге – царю и Отечеству...

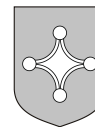
Ниже, на крутом скате постамента, – горельеф: раненый солдат и склонившая над ним сестра милосердия. И он, мужчина с жилистыми, узловатыми руками мастерового или земледельца, беззащитен подобно ребенку, судьба его теперь – в маленьких заботливых руках хрупкой женщины с сосредоточенным, внимательным лицом (или ликом?)...

На картуше надпись: «Благодарная Россия героям Первой мировой войны».

Установило монумент Российское военно-историческое общество, на торжественном открытии выступил его председатель – Министр культуры России В.Р. Мединский. Он говорил, что это поистине народный памятник, созданный на пожертвования (свои взносы – от 500 рублей до 5 миллионов – присылали сотни людей); что монументы в память о героях Великой войны, «переименованной» в «империалистическую» и незаслуженно «забытой», будут воздвигнуты еще в нескольких городах России, откуда полки отправлялись на фронт. Губернатор Калининградской области Н.Н. Цуканов отметил, что не случайно памятник воинам Первой мировой открыт первым именно в Калининградской области: на этой территории велись военные действия, оставившие после себя множество воинских захоронений; он выразил надежду, что здесь будет и музей Первой мировой войны, и поблагодарил всех, кто принимал участие в создании и строительстве памятника.

Свидетелями знаменательного события стали сотни жителей областного центра, воины Калининградского гарнизона, реконструкторы военно-исторических клубов Калининграда и Багратионовска. Пришли к памятнику и потомки участников Первой мировой с фотографиями, долгие годы сберегавшимися в семейных архивах.

Авторы памятника – Народный художник России, скульптор Салават Александрович Щербаков и Заслуженный архитектор России Игорь Николаевич Воскресенский. Оба – академики, оба широко известны своими работами, для одного перечисления которых газетной полосой явно не хватит, – напомним хотя бы о нескольких. С.А. Щербаков – создатель памятника первому министру путей сообщения П.П. Мельникову на Комсомольской площади в Москве, памятника воинам-интернационалистам и монумента воинам стран – участниц антигитлеровской коалиции на Поклонной горе, памятников выдающемуся русскому инженеру и изобретателю В.Г. Шухову, Генеральному конструктору С.П. Королеву, легендарной советской летчице В.С. Гризодубовой, жертвам теракта 9 декабря 2003 г. у гостиницы «Националь», принцессе Луизе Баденской – будущей императрице Елизавете Алексеевне, мемориальных досок Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию I, Народной артистке СССР Лидии Руслановой, Народному артисту СССР И.С. Козловскому, великим актерам Игорю Ильинскому и Евгению Леонову... И.Н. Воскресенский – соавтор памятников М.А. Шолохову, А.И. Хачатуряну, Александру II, Мстиславу Ростроповичу, Булату Окуджаве, Героям-олимпийцам России и многих других монументов и памятных знаков. Калининградский памятник – не первая их совместная работа, и она, по признанию мастеров, очень значима для каждого из них. Салават Щербаков стремился передать свое отношение к героям Великой войны, к их трагической судьбе, к трагической эпохе. Игорь Воскресенский искал архитектурное решение, которое гармонично связало бы историю с современностью.

* Впервые опубликовано: Полус + ТВ [региональная газета: Черняховск, Гусев, Озерск], 2014, 6 июня. С. 1, 3.

*Из секретной докладной записки Германского Большого генерального штаба, 1913 год**

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подъем военного дела в России. После войны в Маньчжурии в военном деле России наблюдается значительный подъем. В связи с быстрым хозяйственным ростом государства появилась возможность предоставить управлению армии средства, значительно превосходящие расходы всех других держав на оборону страны. Таким образом удалось не только устранить пробелы материального оснащения, вызванные войной, но и осуществить вооружение и снабжение армии современными военно-техническими вспомогательными средствами и довести ее таким путем до уровня больших западноевропейских армий. Были потрачены необходимые средства на устранение отсталости, существовавшей еще в некоторых областях; так, в первую очередь на увеличение количества тяжелой артиллерии в действующей армии и на вооружение крепостной и осадной артиллерией.

Путем увеличения окладов жалованья и пенсий было достигнуто омоложение и увеличение офицерского корпуса. Обильные прибавки и введение германских организационных принципов обеспечили возможность создания почти не существовавшего раньше унтер-офицерского корпуса из сверхсрочников.

На основании плана, составленного русским генеральным штабом вскоре после войны, была проведена коренная реорганизация армии. Она коснулась воинской повинности, повлекла значительные изменения в составе высших войсковых соединений, изменение дислокации с учетом политических и оперативных принципов, затронула подготовку к мобилизации, экономику, подготовку офицерского состава. С реорганизацией подвергались коренному изменению все уставы, был совершенно изменен устав боевой службы и введен новый метод обучения. При этом были учтены французские и в еще большей степени немецкие взгляды, приспособленные к своеобразию русских условий.

Поводом для изучения вновь созданной организации, поскольку она касается непосредственной подготовки к войне, явилось нынешнее политическое напряженное положение. Нельзя также не признать, что после поражений в японской войне, отчасти под давлением общественного мнения, отношение к службе стало гораздо внимательнее, чем раньше.

Своеобразие русского народа. Этот подъем военного дела в России ограничивается недостатками русского народа, которые невозможно устранить ни при помощи денег, ни путем организационной работы. Эти недостатки заключаются в нежелании заниматься всякой методической работой и любви к удобствам, в недостаточном чувстве долга, боязни ответственности, отсутствии инициативы и полной неспособности правильно определить и использовать время.

Надо признать, что наряду с этими недостатками русский народ обладает также хорошими военными качествами. В первую очередь эти качества объясняются тем, что русский народ на девять десятых является народом крестьянским.

Людской материал. Людской материал надо в общем считать хорошим. Русский солдат силен, неприязнителен и храбр, но неповоротлив, несамостоятелен и негибок умственно. Он легко теряет свои качества при начальнике, который лично ему незнаком, и в соединениях, к которым он не привык. Поэтому хорошие качества русской пехоты при прежнем методе боя в сомкнутых соединениях могли проявиться лучше, чем теперь. Русский солдат сравнительно мало восприимчив к внешним впечатлениям. Даже после неудач русские войска быстро оправятся и будут способны к упорной обороне.

Боевая пригодность казаков по сравнению с прошлыми временами значительно уменьшилась. Казаки позволяют государству создать дешево крупную массу конницы, воинские качества которой, однако, отстают от качеств регулярной кавалерии; в особенности казаки мало пригодны для боя сомкнутыми соединениями. В частности, это относится к казакам второго и третьего пополнения.

В последние годы в армии имели значительный успех революционные стремления, особенно в технических войсках. Но в общем русский солдат еще верен царю и надежен.

Война против Германии и Австрии встретила бы популярность среди русского населения. Живущие в России поляки все же должны быть признаны не совсем надежными.

Офицеры и чиновники. Если хороший солдатский материал не удастся хорошо обучить, то в этом виноваты офицеры всех чинов. Недостатки русского народа проявляются среди них в особенно сильной степени. Офицеры обладают личной отвагой, но у них нет чувства долга и ответственности. Необходим постоянный контроль старших начальников всюду и во всем, чтобы не допустить всяческого рода служебных не порядков. Преимуществами русских офицеров являются хладнокровие и крепкие нервы, не сдающие даже в самых затруднительных положениях. Но русский офицер очень любит личные удобства, вял физически и умственно, несамостоятелен и беспомощен при внезапных событиях. Русский офицер готов пойти на предприятия, связанные с особыми трудами и опасностями, если он предполагает, что об этом станет всеобщее известно. Если этот импульс отсутствует, то часто даже в самом ответственном положении он найдет наиболее для себя удобный выход. Офицеры генерального штаба много занимаются научными работами, но предпочитают деятельность в канцеляриях практической работе в войсках.

Наименее надежными являются военные чиновники. Подкупность и небрежность интендантства окажется также и в будущем худшим врагом русской армии.

Русские офицеры, особенно в Виленском и Варшавском военных округах, хорошо осведомлены о свойствах и организации нашей армии, а также о географических и фортификационных условиях в наших пограничных провинциях. Русские обладают также большим преимуществом благодаря тому, что среди них знание немецкого языка распространено значительно шире, чем среди нас

* Печатается по изданию: Родина. 1993. № 8/9. С. 14–15.

русского. Многие русские офицеры, например из прибалтийских семей, говорят по-немецки безо всякого акцента и в другой форме могут свободно сойти за немцев. Наши передовые посты должны обратить на это сугубое внимание в случае войны против России.

Походная форма. В качестве одежды во всей армии введена серо-зеленая походная форма. На войне исчезает пестрая форма, введенная всего несколько лет тому назад в некоторых кавалерийских полках.

Во всех родах войск головным убором служит серо-зеленая походная фуражка с козырьком и отчасти высокая меховая шапка-папах.

II. ТАКТИКА СОЕДИНЕННЫХ РОДОВ ВОЙСК

1. О б щ е е.

Во время последней кампании ясно проявились недостатки командования русской армии. Здоровое в теории применение уставов, в первую очередь германских, и осуществление принципов, указанных в военной литературе, дало возможность созреть современным взглядам. Новые русские уставы полевой службы в общем соответствуют нашим и ведут борьбу против укоренившихся в армии ошибок прежнего времени. Маневры последних лет показали, однако, что до сих пор не удалось осуществить на практике эти принципы.

Медлительность передвижения русских войск. Передвижения русских войск совершаются, как и прежде, с чрезвычайной медлительностью. От русских командиров также нельзя ожидать быстрого использования благоприятного оперативного положения, как и быстрого и точного выполнения войсками приказанного маневра. Для этого слишком велики препятствия, возникающие всюду при отдаче, передаче и выполнении приказа.

Более или менее крупное русское войсковое соединение не в состоянии перейти быстро от обороны к наступлению или продолжать в другом направлении уже начатое движение. Поэтому при столкновении с русским германское командование сможет осмелиться на маневры, которые оно не позволило бы себе против другого равного противника.

Командованию в бою свойственна методическая медлительность, ожидание сведений и приказов, а также стремление действовать по схеме. Вследствие этого встречный бой все еще остается чуждым русским, и подвижному и энергичному противнику будет легко заставить их перейти в оборону.

Предпочтение позиционной войны. В сознании этой слабости русские всегда придавали большое значение позиционной войне. Теперь, правда, стараются бороться против этого предпочтения, но последние маневры показывают, что и теперь тактические маневры ограничиваются обороной или наступлением на укрепленную позицию. В обоих случаях, опираясь на опыт последней войны, русские достигли неоспоримого искусства.

Таким образом, если придется столкнуться с хорошо развитым противником, то необходима будет тщательная разведка и подготовка.

Отправка меньших частей против превосходящего противника. Другим неискоренимым недостатком русского метода ведения боя является назначение численно меньших частей против превосходящего противника. Крайне

медленно совершающиеся маневры в области собирания сил, стратегического развертывания или приведения в боевую готовность обычно прикрываются передовыми силами, которые должны отступить после наступления противника. Их позиции расположены обычно на расстоянии одного или нескольких дневных переходов от района первоначального развертывания или позиций главных сил и не должны смешиваться с передовыми позициями.

Указания для командования германскими войсками на русском театре военных действий.

После перехода границы войсковому командованию придется считаться с совершенно новыми условиями, связанными с характером театра военных действий.

Плохое качество дорог объясняется отсутствием прочного строительного материала и большими расстояниями между населенными пунктами.

Твердый настил имеют только шоссе и дороги, но и они часто содержатся так плохо, что автомобильный и тяжелый грузовой транспорт может натолкнуться на большие трудности. Проселочные (грунтовые) дороги почти везде лишены всякого настила и только изредка снабжены настилом, усиленным насыпкой щебня. Их пригодность зависит от погоды и почвы, по которой они проходят. Наиболее благоприятной является песчаная почва, смешанная с глиной. Большинство дорог отличается шириной, которая часто, особенно в бедных, неплодородных местностях, вообще не ограничена. Деревьями дороги обычно не обсажены.

Мосты, даже через крупные реки, за немногими исключениями, построены из дерева и непрочны; часто наряду с мостами существуют броды.

Весною и осенью после длительных дождей даже ручьи могут превратиться в непреодолимые препятствия.

Болотистые участки летом часто бывают проходимы; чаще всего через болота ведут тропинки, проходимые во всякое время года, но эти тропинки известны только местным жителям и не нанесены на карты. Нерасчищенные обширные леса, имеющие часто болотистую почву, крайне затрудняют передвижение войсковых соединений вне дорог в походных порядках.

За исключением некоторых районов Польши по сравнению с Германией население в стране редкое. Число городов и местечек незначительно; в отдаленных болотистых и лесных местностях вообще нет никаких поселений.

Даже в городах имеется мало больших домов, в деревне они имеются только в имениях и на хуторах. Обычная крестьянская деревянная изба мала и низка и имеет чаще всего одну комнату, в которой живут все обитатели, часто вместе со скотом. Низкие хлевы имеют часто плетеные стены, промазанные глиной.

Свойства дорог и жилищ должны приниматься во внимание при распоряжениях, касающихся походных движений и расположения на отдых.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 242–252, с сокращениями.

*Публикация кандидата исторических наук
Веры Михалевой.*

*К германской армии и германскому флоту**

Берлин, Замок, 6 августа 1914

После сорока трех лет мирного времени Я призываю годных к военной службе немцев к оружию.

Наши святыни, отечество, собственный очаг нуждаются в защите от подлого нападения.

Враги вокруг нас! Это отличительный признак положения. Нам предстоит тяжелая борьба, большие жертвы.

Я верю, что древний воинственный дух еще жив в немецком народе, тот могучий воинственный дух, который, где только встретит, атакует врага, чего бы то ни стоило, который издавна наводил страх и ужас на наших врагов.

Я верю в Вас, германские солдаты! В каждом из Вас живет горячая, ничем не преодолимая воля к победе. Каждый из Вас сумеет, если потребуется, умереть как герой.

Помните о нашем великом славном прошлом!

Помните, что Вы немцы!

Да поможет нам Бог!

Вильгельм.

*Речь государя императора, произнесенная 20-го июля в Зимнем дворце:***

С спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка Русь известие об объявлении нам войны.

Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей.

И к вам, собранным здесь представителям дорогих Мне войск гвардии и петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь ко всей единой, единодушной, крепкой, как стена гранитная, армии Моей и благословляю ее на труд ратный.

* Призыв кайзера Вильгельма II к армии и флоту, опублик. в издании: Der Krieg in amtlichen Depeschen 1914/15. Verlag J. Wirth, Dessau. Band I. S. 17. Перевод с немецкого Л.В. Климовой.

** Речь Николая II. Санкт-Петербург, 20 июля (2 августа) 1914 г.

Немецкие официальные сообщения

2 августа 1914

Россия начинает войну

Русские патрули совершили нападение на железнодорожный мост через Варте под Айхенридом на участке Ярочин – Врешен. Нападение отбито. С немецкой стороны двое легкораненых. Потери русских установить не удалось. Начатая русскими операция по захвату вокзала в Милославе сорвана.

Многочисленные русские колонны с орудиями перешли границу под Швидденом [Швиддерном] юго-восточнее Биаллы. Два эскадрона казаков движутся в направлении Йоханнисбурга. Телефонная связь Лик – Биалла прервана.

В Эйдткунен вошли русские верховые патрули. По сообщениям из надежных источников, почтамт в Бильдервайчене разрушен. Враг перешел германскую границу во многих местах. Таким образом, Россия напала на территорию Германской империи и начала войну¹.

4 августа 1914

Немецкие войска взяли штурмом Кибартай под Вирбалленом. Русские отступили на восток, потеряв пленных. Наши собственные потери незначительны².

Кайзер и рейхстаг

Тронная речь в Белом зале Королевского замка в Берлине

4 августа 1914

Уважаемые господа!

В роковой час Я собрал вокруг себя избранных представителей немецкого народа. Почти полвека нам удавалось оставаться на мирном пути. Попытки приписать Германии воинственные устремления и ущемить ее позиции в мире часто подвергали терпение нашего народа тяжелому испытанию. С непоколебимой честностью Мое правительство даже в вызывающих обстоятельствах стремилось к развитию всех нравственных, духовных и экономических сил как к высшей цели. Мир был свидетелем того, как в раздорах и хаосе последних лет мы неустанно стояли в первом ряду, чтобы уберечь народы Европы от войны между великими державами.

Тяжелейшие опасности, вызванные событиями на Балканах, казалось, были преодолены. Но с убийством Моего друга, эрцгерцога Франца Фердинанда, пропасть разверзлась. Мой высокий союзник, кайзер и король Франц Иосиф, был вынужден прибегнуть к оружию, чтобы обезопасить свою империю от опасных происков со стороны соседнего государства. На пути союзной монархии, преследующей свои законные интересы, встала Российская империя. На сторону Австро-Венгрии нас призывает не только наш союзнический долг. В то же время на нашу долю выпадает сложнейшая задача – вместе со старой культурной общностью обеих империй защитить нашу собственную позицию от натиска вражеских сил.

С тяжелым сердцем Я был вынужден мобилизовать Мою армию против соседа, вместе с которым она воевала на стольких полях сражений. С искренним сожалением Я смотрел, как рушится верно хранимая Германией дружба. Правительство Российской империи, поддаваясь напору ненасытного национализма, вступилось за государство, которое потворством преступным покушениям спровоцировало беды этой войны. То, что Франция тоже встала на сторону наших противников, нас не удивило. Слишком часто наши старания достичь более дружественных отношений с Французской Республикой наталкивались на старые надежды и старую злобу.

Уважаемые господа!

Все, что было в человеческих силах, чтобы подготовить народ к последним решениям, было сделано с вашей патриотической помощью. Враждебность, которая уже давно разрасталась на востоке и на западе, теперь вспыхнула ярким пламенем. Нынешнее положение дел вызвано не преходящими конфликтами интересов или дипломатической конъюнктурой, это результат многолетнего недоброжелательства по отношению к мощи и процветанию Германской империи.

Нами движет не жажда завоеваний, нас воодушевляет несгибаемое намерение сохранить место, на которое поставил нас Господь, для нас и всех будущих поколений.

Из полученных Вами документов Вы увидите, как Мое правительство и прежде всего Мой канцлер до последнего момента старались предотвратить самое страшное. Мы беремся за меч в порядке вынужденной самообороны, с чистой совестью и чистыми руками.

К народам и племенам Германской империи обращен Мой призыв – общими силами, в братском единении с нашими союзниками защитить то, что мы создали мирным трудом. По примеру наших отцов непоколебимо и преданно, честно и благородно, в смирении перед Богом и в готовности драться с врагом мы доверяемся провидению, которое укрепит нашу оборону и доведет нас до победного конца.

На вас, уважаемые господа, смотрит сегодня, сплотившись вокруг своих вождей, весь немецкий народ. Принимайте свои решения единодушно и быстро – это мое искреннее пожелание.

Вы читали, господа, то, что Я сказал Моему народу с балкона дворца. Я повторяю, что не знаю больше никаких партий. Я знаю только немцев, и как свидетельство того, что Вы твердо решились без партийных, сословных и конфессиональных различий идти со Мною до конца, через нужду и смерть, Я призываю руководство партий выступить вперед и поклясться Мне в этом³.

18 августа 1914

Победа под Шталлупёненом

Штаб 1-го армейского корпуса сообщает: 17 августа состоялся бой под Шталлупёненом, в котором части 1-го армейского корпуса сражались с несравненной храбростью и сумели одержать победу. Более 3000 пленных

и 6 пулеметов попали в наши руки. Много других русских пулеметов, которые не удалось взять с собой, были приведены в негодность⁴.

23 августа 1914

Победа под Гумбинненом

Официальное сообщение

Крупные русские силы наступают на линии Гумбиннен – Ангербург. 1-й армейский корпус 20-го числа сего месяца вновь атаковал и отбросил врага, наступающего на Гумбиннен. При этом захвачено 8000 пленных и 8 орудий. Об одной из кавалерийских дивизий из состава армейского корпуса долгое время не было никаких известий. Дивизия сражалась с двумя вражескими кавалерийскими дивизиями. Вчера она вернулась к 1-му армейскому корпусу с 500 пленными. Прочие русские войска наступают севернее Прегеля и южнее линии Мазурских озер. О дальнейших действиях наших восточных армий пока приходится хранить молчание, чтобы не выдать врагу преждевременно наши планы. <...>⁵

24 августа

Положение на востоке

Из Ставки Верховного главнокомандования

В то время как на западной арене военных действий положение немецкой армии, слава богу, является неожиданно благоприятным, на восточной арене военных действий враг вступил на немецкую территорию. Крупные русские силы продвинулись в направлении р. Ангерапп и к северу от железной дороги Шталлупёнен – Инстербург. 1-й армейский корпус в победоносном бою задержал врага под Вирбалленом. Был совершен отход к войскам, стоящим глубже в тылу. Собранные здесь войска атаковали противника, наступающего с юга на Гумбиннен. 1-й армейский корпус победоносно отбросил стоящего напротив врага обратно, взял 8000 пленных и захватил несколько батарей. Находящаяся в его составе кавалерийская дивизия отбросила две русские кавалерийские дивизии и вернулась с 500 пленными. Часть сражающихся южнее войск натолкнулась на сильные укрепления, которые не сумела взять без подготовки, а часть находится в победоносном наступлении.

Поступили сообщения о продвижении дополнительных вражеских сил со стороны Нарева в район юго-западнее Мазурских озер. Командование сочло необходимым принять контрмеры и отвело свои войска назад. Отрыв от врага произошел без каких-либо трудностей. Враг не предпринял преследования.

Меры, предпринятые на восточной арене военных действий, следовало провести и направить на такие рельсы, чтобы можно было искать решение. Это теперь и предстоит сделать.

Враг распространил сообщение, что он разбил четыре немецких армейских корпуса. Этот сообщение неверно, ни один немецкий армейский корпус не разбит. Наши войска сохранили сознание победы и превосходства.

Через Ангерапп до сих пор перешла только вражеская кавалерия. Вдоль железной дороги она уже должна дойти до Инстербурга. Достойные сожаления части провинции, подвергшиеся вражескому вторжению, приносят большую

жертву в интересах всего отечества. Об этом оно должно с благодарностью помнить впоследствии.

Генерал-квартирмейстер фон Штайн⁶.

29 августа

Наши войска в Пруссии под командованием генерала фон Гинденбурга в ходе трехдневного сражения в районе Танненберга, Хознштайна и Ортельсбурга разбили наступавшую от Нарева русскую армию, пять армейских корпусов и три кавалерийских дивизии и теперь преследуют их через границу.

Фон Штайн⁷.

31 августа

Победа армии генерал-полковника фон Гинденбурга имеет гораздо большее значение, чем можно было оценить вначале. Несмотря на то что новые вражеские силы прорвались через Найденбург, поражение врага полное. Уничтожено три армейских корпуса. 60000 пленных, среди них два командира корпуса, много орудий и боеприпасов попало в наши руки. Русские войска, стоявшие в Северо-Восточной Пруссии, начали отступление.

Фон Штайн⁸.

2 сентября

Генерал-полковник фон Гинденбург в годовщину Седана направил своей армии следующий приказ:

«Солдаты 8-й армии! Многодневные жаркие бои на широких равнинах между Аппенштайном и Найденбургом закончены. Вы одержали полную победу над пятью армейскими корпусами и тремя кавалерийскими дивизиями. В наших руках более 60000 пленных и несметное число орудий и пулеметов, несколько знамен и много прочих военных трофеев. Незначительные остатки русской Наревской армии, избежавшие окружения, бегут на юг через границу. Русская Виленская армия начала отступление от Кенигсберга. Наряду с Господом Богом мы обязаны этим блестящим успехом вашей готовности к самопожертвованию, вашим непревзойденным маршевым броскам и вашей выдающейся храбрости. Я надеюсь, что теперь смогу дать вам несколько дней заслуженного отдыха. Но потом мы со свежими силами опять пойдем вперед. С Богом за Кайзера, Короля и Отечество, пока последний русский не покинет нашу дорогую многострадальную родную провинцию и мы не ступим под нашими победными знаменами на вражескую землю. Да здравствует Его Величество Кайзер и Король!»⁹

3 сентября

Войска генерал-полковника фон Гинденбурга пожинают дальнейшие плоды своей победы. Число пленных растет ежедневно. Оно уже достигло 90000 человек. Сколько орудий и прочих знаков победы еще остается в прусских лесах и болотах, невозможно сосчитать. По-видимому, в плен попало не 2, а 3 русских командира корпуса. Командующий русской армией, судя по русским сообщениям, погиб.

Фон Штайн¹⁰.

10 сентября

Генерал-полковник фон Гинденбург разбил правое крыло еще находящейся в Восточной Пруссии русской армии и тем самым открыл себе путь в тыл врага. Враг отказался от борьбы и безоговорочно отступает. Восточная армия преследует его в северо-восточном направлении на Неман.

Фон Штайн¹¹.

12 сентября

Армия генерал-полковника фон Гинденбурга после многодневных боев наголову разбила русскую Виленскую армию. Отступление русских превратилось в бегство. В ходе преследования генерал-полковник фон Гинденбург уже перешел границу и сообщил на настоящий момент о более чем десяти тысячах раненых пленных и примерно восьмидесяти орудиях. Кроме того, были захвачены пулеметы, аэропланы и транспортные средства всех видов. Количество трофеев продолжает увеличиваться.

Фон Штайн¹².

15 сентября

Генерал-полковник фон Гинденбург телеграфировал кайзеру:

«Виленская армия – 2-й, 3-й, 4-й и 20-й армейские корпуса, 3-я и 4-я резервные дивизии, 5 кавалерийских дивизий – была полностью разбита в ходе (второго) сражения на Мазурских озерах и последовавшего за этим преследования. Гродненская резервная армия – 22-й армейский корпус, остатки 6-го армейского корпуса и части 3-го Сибирского армейского корпуса – тяжело пострадала в бою под Ликом. Враг понес большие потери убитыми и ранеными. Число пленных увеличивается. Трофеи чрезвычайно велики. При ширине фронта армии свыше 100 км и при темпах продвижения на марше до 150 км за четыре дня, при боях, происходивших на всем протяжении фронта по всей его глубине, полный объем пока установить не удалось. Некоторые из наших соединений вступали в жаркий бой. Однако потери были все-таки весьма невелики. Армия одержала победу по всему фронту над упорно сражавшимся, но в конце концов бежавшим врагом. Армия гордится тем, что наследник императорского престола сражался и проливал кровь в ее рядах».

Гинденбург¹³.

Своим войскам фон Гинденбург направил следующий приказ:

«Солдаты 8-й армии! Вы вновь покрыли славой свои знамена. В ходе двухдневного сражения на Мазурских озерах и многодневного беспощадного преследования противника через всю Литву далеко за русскую границу вы не только разбили, но и уничтожили теперь уже и последнюю из двух вторгшихся в Восточную Пруссию вражеских армий – Виленскую, состоявшую из 2-го, 3-го, 4-го и 20-го армейских корпусов, а также 3-го Сибирского армейского корпуса, 1-й и 5-й стрелковых бригад, 53-й, 54-й, 56-й, 57-й, 72-й и 76-й резервных дивизий и 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий.

До сих пор на широких полях сражений захвачено множество знамен, около 30000 раненых пленных, не менее 150 орудий, много пулеметов, обозов

с боеприпасами и бесчисленное количество военного транспорта. Но количество трофеев все увеличивается.

Все это благодаря боевому духу, вашим достойным восхищения темпам продвижения и вашей блистательной храбрости. Хвала Господу, он и дальше будет с нами! Да здравствует Его Величество Кайзер и Король!»¹⁴

Перевод с немецкого Л.В. Климовой.

Примечания

¹ Der Krieg in amtlichen Depeschen 1914/15. Verlag J. Wirth, Dessau. Band I. [Война в официальных сообщениях. Изд-во И. Вирта, Дессау. Том 1.] S. 4.

² Ibid. S. 8.

³ Ibid. S. 8–10.

⁴ Ibid. S. 38.

⁵ Ibid. S. 45.

⁶ Ibid. S. 46.

⁷ Der Völkerring. Eine Chronik der Ereignisse seit dem 1. Juli 1914. Herausgegeben von

C.H. Baer. Zweiter Band. Verlag von Hoffmann, Stuttgart. [Война народов. Хроника событий с 1 июля 1914. Издано под ред. К.Г. Баера. Второй том. Изд-во Хофмана, Штутгарт]. S. 36.

⁸ Ibid. S. 36–37.

⁹ Ibid. S. 37.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. 38.

¹³ Ibid. S. 38–39.

¹⁴ Ibid. S. 39.

Русские служебные донесения

Документ №13¹

20 июля (2 августа) 1914 г. 1 ч. 25 мин. ночи.

ВАРШАВА. КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ.

Германия объявила России войну, открытие против нее военных действий – по вашему усмотрению.

Австрия пока войны не объявила, посему никаких агрессивных действий против Австрии не предпринимать. Надлежит зорко следить и при первых враждебных действиях на таковые отвечать. 3456. Генерал-адъютант *Сухомлинов*.

Дело ЦВИА, № 140–908, стр. 30.

Документ №14²

20 июля (2 августа) 1914 г.

ПРИКАЗ

№ 1

войскам Северо-западного фронта

Штаб главнокомандующего фронтом, г. Варшава.

Высочайшим повелением я назначен главнокомандующим армиями Северо-западного фронта.

№ 2

20 июля 1914 г. Германия объявила России войну и открыла уже военные действия. Мы должны отстоять нашу родину и честь нашего оружия. Не в первый

раз приходится нашим войскам воевать с немцами; они испытали наше оружие и в 1757 г., и в 1812 г., причем всегда мы оставались победителями.

Убежден, что вверенные мне войска проявят присущую им доблесть в наступившую войну и, как всегда, честно и самоотверженно выполнят свой долг.

№ 3

20 июля 1914 г. высочайшим повелением начальник штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Орановский назначен начальником штаба главнокомандующего армиями того же фронта.

Главнокомандующий армиями Северо-западного фронта
генерал от кавалерии *Жилинский*

Дело ЦВИА, № 13123, стр. 140.

Документ № 51³

22 июля (4 августа) 1914 г.

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ.

Мобилизация войск округа идет нормальным путем... <...> передовые части 4-й кав. дивизии 20 июля произвели разведку в стороне Бяла, части 14-й кав. дивизии переходили на Прусскую территорию у Гербы, а 2-й кав. дивизии – против Августов... <...> Противник занял Бендин и Калиш 19-го, а Ченстохов 20-го июля; однако, нигде не перешел наступление значительными силами. Пока на границе обнаружены части пяти корпусов, именно – около Эйдткунен – 1-го, Лык – 2-го, Нейденбург – 17-го и районе Калиш, Крейцбург, Бендин – 5-го и 6-го... <...> 420. Генерал от кавалерии *Жилинский*.

Дело ЦВИА № 287, л. 107.

Документ № 52⁴

22 июля (4 августа) 1914 г.

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ.

Частями 4-й кав. дивизии и 2-м Донским полком разрушены и сожжены станция Бяла и Боржимен. Немецкие войска отошли на этом фронте на переход, сжигая на громадной площади свои селения. Государю-императору донесено. Генерал от кавалерии *Жилинский*.

Дело ЦВИА № 287, л. 8.

Документ № 58⁵

СВОДКА

СВЕДЕНИЙ О ГЕРМАНСКИХ ВОЙСКАХ НА ФРОНТЕ НАШЕЙ 1-й АРМИИ
ПО ДАННЫМ К УТРУ 23 ИЮЛЯ (5 АВГУСТА) 1914 г.

(Карта 3 вер. в дм.)

<...>

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наши конные части очень часто доносят из разных пунктов о подвозе пехоты противника по железной дороге. Повидимому, немцы для охраны границы широко пользуются железными дорогами и держат наготове поезда небольшого состава

с посаженной пехотой; как только получается донесение о приближении к границе наших частей, то сейчас же направляют им навстречу по ближайшим железным дорогам эти поезда. <...>

Подписал: генерал-квартирмейстер штаба 1-й армии,
генерал майор *Байов*.

Дело Военно-исторического отдела Генштаба РККА. «Архивные документы из мировой войны 1914–1918 гг.».

Документ № 97⁶

30 июля (12 августа) 1914 г.

ВИЛЬНА. ГЕНЕРАЛУ РЕННЕНКАМПУ.

Подана 2 часа 05 мин. дня.

Принята 14 час. 35 мин.

Предполагая перейти в общее наступление 1-й и 2-й армиями, предписываю корпусу 1-й армии подтянуть к границе с таким расчетом, чтобы ее можно было перейти корпусами 1-й армии 4 августа; наступление 1-й армии предполагено на фронте Инстербург, Ангербург. Директива для наступления последует вслед за сим. Об исполнении сего прошу срочно донести. 541. *Жилинский*.

Дело ВИА № 137323, л. 40.

Документ №164⁷

8 (21) августа 1914 г. 3 час. 5 мин.

БАРАНОВИЧИ. ГЕНЕРАЛУ ДАНИЛОВУ.

Генерал Ренненкамф доносит: 6-го вечером на Хана Нахичеванского повели наступление шесть батальонов пехоты с двумя батареями – они отбиты. Конно-гвардейцы захватили два орудия, потери конницы велики.

С утра 7-го шел бой по всему фронту. Около 10 час. 20-й корпус охватывался на правом фланге. 28-я дивизия занимала Ушбален, Бракупенен, Балинен; 29-я дивизия – Шпринген, Цублаукен; 25-я дивизия – Клейн, Пусперн, Содинелен; 27-я – западнее Матишкемен, Варшлеген; 40-я дивизия – Соденен. Перед 25-й дивизией огонь ослабел. 27-я и 40-я забрасывались огнем тяжелой артиллерии. 40-й дивизии ген. Ренненкамф приказал охватить правый фланг противника, 30-я дивизия форсировано направлена на Гольдап, Вальтеркемен; Гурко приказано усиленно разведать фронт Даркемен, Ангербург.

Означенные сведения, повидимому, относятся к 10 или 11 час. дня 7-го.

Названия селений переданы в транскрипции Ренненкампфской телеграммы. 1133. *Орановский*.

Дело ЦВИА № 106–198, л. 64.

Документ №194⁸

8 (21) августа 1914 г.

БЕЛОСТОК. ГЕНЕРАЛУ ЖИЛИНСКОМУ.

Наступление противника, начавшееся еще вечером 6 августа, продолжалось вчера весь день. Армия выдержала упорные бои, особенно на правом фланге, который германцы обходили. 28-я дивизия, бывшая на правом фланге,

сильно пострадала, потеряв несколько орудий, но парализовала охват. 27-я дивизия захватила, отбрасывая неприятеля, 12 орудий. Армия удержалась на занятых местах. Сегодня неприятель начал отход, указано преследовать. К сожалению, конница Хана Нахичеванского после боя 6 августа вчера не могла принять участие в бою, что могло бы дать решительный результат. За бездействие ген. Орановский удален от командования бригадой. Вчера ген. Алиев только переходом в наступление с началом темноты заставил противника отойти.

Вызвал 56-ю дивизию Ковна, первый эшелон прибыл Вержболово, 73-я арт. бригада подходит также Вержболово, подошли 4 батареи тяжелой артиллерии, однако, 73-я бригада и тяжелые батареи без парков. Вообще начало наступления застало армию еще не окончившей сосредоточения ввиду замедления перевозок 20-го корпуса и неустроенного в полной мере надежного тыла. Ощутительно сказывается ослабление армии на один корпус. К утру 8 августа фронт армии: 28-я дивизия – район Тучен, Катенау, 29-я – Кумельн, Шоршинен, 25-я – Клейн Пусперн, Содинелен, 27-я – Матишкемен, Варшлеген, 40-я – Соденен, Кашелекен, 160-й полк – Киаутен, 30-я и 5-я стр. – Гавайтен, Клешовен. Хан Нахичеванский ночевал Линденталь, Орановский – Шилленен. Точных сведений от Гурко не получено. 424. *Ренненкампф*.

Дело ЦВИА № 137–342, л. 41.

Документ №197⁹

8 (21) августа 1914 г. 12 час. 08 мин. дня.

*СТАЛЮПЕНЕН. КОМАНДИРУ 3-го КОРПУСА,
КОПИЮ ПЕРЕДАТЬ ГЕН. СМИРНОВУ.*

Вчера упорные атаки немцев отбиты по всему фронту. Успех особенно приписываю стойкости 3-го корпуса, переходу в наступление 30-й дивизии и стрелков. Благодарю Епанчина за проявленное упорство, ген. Алиева за энергичные действия; за работу 3-го корпуса и 29-й дивизии я дальше спокоен. 421. *Ренненкампф*.

Дело ЦВИА № 140–924, л. 198.

Документ №198¹⁰

9 (22) августа 1914 г. 8 час. 00 мин. вечера.

БЕЛОСТОК. ГЕНЕРАЛУ ЖИЛИНСКОМУ.

Положение на фронте без перемен. Опросом пленных установлено: сформирована 2-я кав. дивизия в составе 9-го, 10-го конно-егерских, 8-го, 12-го уланских полков; коннице придано 36 орудий, распределение по дивизиям неизвестно. Вчера западнее Мерунскен подбит неприятельский аэроплан «Альбатрос». Аппарат взят нашими летчиками, неприятельские скрылись. Донесений о подробностях боев 4 и 7 августа от командиров корпусов еще не поступало. 4 августа первые три полка 27-й дивизии потеряли половину состава, 7 августа дрались отлично. 7 августа 28-я дивизия потеряла три четверти состава. Отрешил командира артиллерийской бригады, двух командиров полков за самовольный отход, когда неприятель уже не давил. Завтра в составе армии поведет впервые наступление 56-я дивизия, которая не имеет под острую

пулю отлаженных винтовок, приходится образовывать особый запас тупыми пулями. 470. *Ренненкампф*.

Дело ЦВИА № 106–196, лл. 150–153.

*Документ № 232*¹¹

11 (24) августа 1914 г.

БЕЛОСТОК. ГЕНЕРАЛУ ЖИЛИНСКОМУ.

Разъезд 20-го корпуса, бывший полутора верстах Инстербург, 10-го вечером обнаружил отсутствие войск в городе. Показанию жителей, противник отходит направлении Кенигсберг. Воздушная разведка 20-го корпуса в то же время подтвердила отсутствие противника в районе корпуса до меридиана Инстербург. Гурко занял Ангербург почти без выстрела; по пути нашел три сильно укрепленные, но брошенные позиции. Показаниям жителей, противник отходит Растенбург. Приказал продолжать наступление фронт Велау, Гердауен, ведя разведку на фронте Лабиау, Кенигсберг, Растенбург, Летцен. 53-ю дивизию направляю Тильзит; коменданту Ковно приказал подготовить осадную артиллерию для Кенигсберг. Хан ночевал Руккен. Ковна сосредоточилась вся 73-я дивизия. 519. *Ренненкампф*.

Дело ЦВИА № 137–342, л. 74.

*Документ № 241*¹²

12 (25) августа 1914 г.

БЕЛОСТОК. ГЕНЕРАЛУ ЖИЛИНСКОМУ.

Новых сведений о противнике не получено. Части армии заняли указанную им линию Вирбельн, Заалау, Норкитен, Кл. Потаурен, Норденбург. Взорванный мост у Георгенбург заменен 20-м корпусом понтонным. Население, бежавшее пограничной полосе район Инстербург, начало возвращаться; между ними совершенно нет мужчин среднего возраста. Дальние разъезды Хана Нахичеванского 11 августа утром захватили Тильзит; по сведениям неприятельским, войска и гражданские власти выехали Тильзит на запад, отправив раненых Кенигсберг. Железная дорога Тильзит, Кенигсберг взорвана. Тильзит спокойно, поступают редкие донесения одиночных выстрелах из селений по войскам. Все селения, откуда стреляют, сжигаются, о чем население оповещено. 564. *Ренненкампф*.

Дело ЦВИА № 137–342, л. 93.

*Документ № 437*¹³

19 августа (1 сентября) 1914 г.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Командированный главнокомандующим генерал-квартирмейстер Северо-западного фронта ген. Леонтьев приехал с роковой вестью: 13-й и 15-й корпуса, части 23-го, а именно – 2-я дивизия и Кексгольмский полк, были окружены и погибли.

Ген. Самсонов при отступлении застрелился, командир 15-го корпуса ген. Мартос и весь штаб, за исключением начальника штаба, убиты, также убит начальник штаба 13-го корпуса ген. Пестич.

О командире корпуса ген. Ключеве сведений нет. Лейб-гвардии Литовский полк уцелел, понеся большие потери от огня тяжелой артиллерии, действия которой до сих пор, где бы она ни появлялась, имеют решающее значение, так как у нас средств борьбы с ней мало. Из состава 3-й гвардейской дивизии Петербургский полк уцелел, а Волынский, повидимому, не успел принять участия в бою.

1-й и 6-й арм. корпуса, по имеющимся у меня до сих пор сведениям, в этом бою не пострадали. Им дана директива отходить, сближаясь на линию Млава, Хоржеле.

1-й армии указано, в зависимости от обстановки, отходить линию Инстербург, Ангербург, всемерно стремясь в будущем войти в связь с оставшимися корпусами 2-й армии.

В моей директиве, после выигранных ген. Ренненкампфом боев у Гумбинен, данной главнокомандующим Северо-западным фронтом 2-й армии, соответствующие действия выполнены были неудачно. При первом моем свидании с ген. Жилинским он высказал, что недоволен распоряжениями покойного ген. Самсонова, на что мною было предложено его сменить. Ген. Жилинский тогда просил повременить.

Причина катастрофы 2-й армии – отсутствие связи между ее корпусами, своевольный перерыв телеграфного сообщения покойным командующим 2-й армией со штабом. Последний с своей стороны хотя и принял меры для восстановления связи, но неудачно.

Кроме того, у меня есть основания предполагать, что штаб фронта некоторые известные обстоятельства от меня скрывал, надеясь их исправить. Тем не менее, ваше величество, всецело беру ответственность на себя.

На австрийском фронте упорные бои продолжают. 3474. Генерал-адъютант *Николай*.

Дело ЦВИА № 709, л. 93–98.

*Документ № 535*¹⁴

28 августа (10 сентября) 1914 г. 11 час. 30 мин. вечера.

БЕЛОСТОК. ГЕНЕРАЛУ ЖИЛИНСКОМУ.

<...> Между 3 и 4 час. утра над Инстербург пролетел цеппелин, бросил три бомбы, десяток мелких вблизи квартиры штаба армии; обстрелянный ружейным артиллерийским огнем, скрылся.

<...> 20-й корпус армии наступает направлении Даркемен, Гольдап. Штаб армии 9 час. утра – Сталюпенен. Сводка полученных сведений вновь подтверждает тяжелое положение левого фланга армии. 301. *Ренненкампф*.

Дело ЦВИА № 137342, л. 325.

*Документ № 541*¹⁵

28 августа (10 сентября) 1914 г.

ГЕНЕРАЛУ ХАНУ НАХИЧЕВАНСКОМУ.

Возмущен вашей сегодня бездеятельностью, невозможно поздно выступили, забываете важность возложенного поручения, задачи не выполняете;

приказываю выбрать: или выяснить движение противника, оказать противодействие его движению или быть отрешенным от должности с увольнением в отставку.

Получил донесение занятия противника Гольдап, это возможно только при вашей полной бездеятельности. *Ренненкампф.*

Дело ЦВИА № 137324, л. 163.

Документ № 550¹⁶

29 августа (11 сентября) 1914 г.

ГЕНЕРАЛУ ЖИЛИНСКОМУ.

Прибыв около 5 час. утра 29 августа в штаб 3-го корпуса Инстербург, немедленно сделал распоряжение для отхода в общем на фронт Мальвишкен, Гумбинен, окрестности Гольдап. Приводится исполнение. Я оперативным отделением штаба буду отходить при 3-м корпусе. <...> Выступаем при 27-й дивизии около 10 час. утра. 848. *Ренненкампф.*

Дело ЦВИА № 137342, л. 257.

Примечания

Донесения печатаются по изданию: Восточно-Прусская операция: [сборник документов] / Генеральный штаб РККА. М.: Государственное военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1939.

¹ Указ. соч. С. 77.

² Там же.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Там же. С. 191.

⁸ Там же. С. 201.

⁹ Там же. С. 202.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 217.

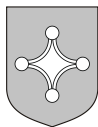
¹² Там же. С. 219.

¹³ Там же. С. 321.

¹⁴ Там же. С. 381–382.

¹⁵ Там же. С. 384.

¹⁶ Там же. С. 388.

40-я пехотная дивизия в Гумбинненском сражении

Ниже публикуются записи из журнала боевых действий 40-й пехотной дивизии за 7 (20) августа 1914 г. Как известно, в это время она подчинялась командиру 3-го армейского корпуса генералу Н.А. Епанчину. Начальником дивизии был генерал Н.Н. Короткевич, участник Русско-японской войны (награжден Георгиевским оружием). В годы Первой мировой он сначала командовал этой дивизией, а затем 36-м армейским корпусом. В состав дивизии входили четыре пехотных полка – 157-й Имеретинский, 158-й Кутаисский, 159-й Гурийский и 160-й Абхазский, – а также 40-я артиллерийская бригада. Во время Гумбинненского сражения справа успешно отражала атаки противника 27-я пехотная дивизия, слева держала оборону против 1-го резервного корпуса немцев 30-я пехотная дивизия. В этот день в итоге 40-я дивизия несколько отошла назад, понесла довольно значительные потери. На следующий день она вновь была готова выступить в бой с врагами, так как за ночь успела пополнить припасы и привести в порядок свои части.

Публикацию подготовил ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества К.А. Пахалюк.

Российский государственный военно-исторический архив

Журнал боевых действий 40-й пехотной дивизии

7/VIII

Ночь на 7 авг. прошла спокойно. Около 3 ч. ночи было получено приказание от командира III армейского корпуса главные силы дивизии направить в Соденен, который занять к 5 ч. утра и сейчас же приступить к укреплению у этого пункта. В Соденен были высланы 2 батальона 159 пехотного полка (I и II), остальные части главных сил дивизии должны были занять этот пункт по мере возможности. Едва 2 батальона 159 пехотный полк дошли до д. Соденен, как обнаружилось наступление значительных сил противника с артиллерией, сразу открывшей огонь по нашей пехоте. Так как у нас здесь не было артиллерии при этих батальонах, то они сразу стали нести потери. Пришлось окапываться там, где попало. 159 полк был постепенно влит в боевую часть. В 8½ часов утра заметно было наступление густых колонн противника и выезд его артиллерии на позиции. Полковник Караулов¹, командовавший этими 2 батальонами, немедленно рассыпал их в цепь, причем в виду растянутости позиции все роты были рассыпаны в цепь. 1-ый батальон прикрывал Соденен с запада, а II – уступом за левым флангом в 400-х, имея 2 роты на нижнем берегу ручья Швентишке. Едва роты эти успели развернуться, как противник открыл сильный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь по 1-му батальону, 7 и 8 ротам. Роты сразу стали нести большие потери (ранен был командир 1 батальона подполковник Петропавловский²). Наши роты тоже открыли

частый огонь по скученным строям пр-ка и нанесли им большие потери. Узнав об этом, К[оманди]р 159 п[ехотного] полка приказал III и IV б[атальон]ам и пулем[етным] командам немедленно выступить в д. Соденен, а сам поскакал вперед узнать положение дела. Заметив, что правее дороги Согинтен – Соденен движется только 1 рота 108 п[ехотного] п[олка], чего, по его мнению, было недостаточно, он выслал правее дороги еще IV б[атальон]. Этот батальон попал в участок 108 п[ехотного] п[олка], К[оманди]р которого до конца боя удержал его при себе. III б[атальон] был оставлен в распоряжении Н[ачальни]ка дивизии. 1-ая батарея 40 ар[тиллерийской] бр[игады] (подп[оручик] Медведовский) стала на закрытой позиции в районе д. Купстен (правее дороги Согинтен – Соденен). При этой батарее находился и К[оманди]р дивизиона полк[овник] Милостанов³. За участком 7 роты стала и 5-я батарея (кап[итан] Критинский). Левее 159 п[ехотного] п[олка] расположились части 158 п[ехотного] п[олка]. В 10 час. утра батареи наши открыли огонь по непр[иятель]ской артиллерии, которая в свою очередь сосредоточила огонь своих 3-х батарей и начала нащупывать 1-ю батарею. К 11 ч. утра немцы близко подошли к 7 роте и атаковали ее, но огнем 4 и 7 роты и 2-х пулеметов (по-видимому нем[ецких]) были уничтожены. После этой неудачи огонь пр[отивни]ка усилился еще более. Вся площадь от стрелковых цепей до расположений артиллерии обстреливалась из орудий, между к[оторы]ми были и гаубицы.

Около 12 ч. дня уже ощущался недостаток огнестрельных припасов к[а]к в пехоте, так и в арт[иллери]и. В это же время стали приходиться тревожные сведения о громадных потерях в I и II б[атальон]ах 159 п[ехотного] п[олка], где в 4 роте осталось только 6, а во 2 р[оте] – 40 ч[елове]к. 1-й батальон вследствие этого подался несколько назад, а 2 едва держался, между тем пр[отивни]к энергично продолжал наступление. Приблизившись к участку позиции, занятому II б[атальон]ом (полк. Караулов), немцы примкнули штыки и пошли в атаку на 4, 7 и 8 роты, но контратакою этих рот были отброшены, отхлынули назад и вновь открыли ужасный руж[ейный] и артилл[ерийский] огонь. На несколько минут 4 и 7 роты потеряли своих ротных к[омандир]ов и почти всех младших офицеров. Люди, не имея начальников, начали отходить. Тогда 5 рота, чтобы выручить своих бросилась в штыки, но, попав под жесткий огонь пр-ка и потеряв сильно контуженным Ком[андую]щего ротой Шт[абс]-кап[итан] Крылова, остановилась и открыла огонь. Тогда полк. Караулов, захватив 1 взвод 8 роты, занял в 500 шаг. вторую позицию, где собрались и остатки 1-го б[атальон]а. Понеся громадные потери, немцы не в состоянии были двигаться дальше на фронте и остановились. Но зато обнаружено было их движение в обход нашего левого фланга. В это время в распоряжение К[оманди]ра 159 п[ехотного] п[олка] из резерва был направлен III б[атальон] <неразборчиво> полка (подполк[овник] Антанович). Ориентировавшись на позиции К[оманди]р б[атальон]а выслал 3 роты (10, 11 и 12) в бывшую часть, оставив 9 роту со знаменем в резерве. Заметив эти роты, пр[отивни]к открыл по ним сильный огонь и, несмотря на громадные потери, постепенно продвигался вперед. Чтобы отбросить здесь врага, 12 рота под командой подпор[учика] Ашкевича, уже раненого в руку, в 6 ч[асов] в[ечера] с криками ура бросилась в штыки. Немцы не выдержали

и побежали назад, преследуемые огнем роты подпор[учика] Ашкевича. По своему обыкновению пр[отивни]к сейчас же довел силу своего огня до крайнего предела, вследствие чего б[атальон], охваченный к тому же с левого фланга, и потеряв более трети своего состава ниж[них] чин[ов] и 2х ротных к[омандир]ов (кап[итан] Гурина и подпоручика Ашкевича) начал подаваться назад. Кроме того, стало известно, что у артиллерии оставалось по 1-му лотку снарядов на орудие. Положение 159 п[ехотного] п[олка] было довольно тяжелое. К счастью в этот раз пришло известие о движении вперед 27 и 25 п[ехотных] дивизий. Сообщенное войскам оно подняло их дух и дало им силы держаться до конца.

158 п[ехотный] п[олк] бывший в авангарде дивизии ночевал у д. Кашемкен. Получив ночью сведения о движении пр-ка, полк окопался на позиции вдоль ручья Швентишке по дороге Кубиллен – Кошенкен. Около 4х часов утра началась ружейная перестрелка в сторожевом охранении, которая постепенно приближалась. К 8 ч[асам] у[тра] сторожевое охранение отошло на лев[ый] фланг полка, дав нашим возможность открыть по пр[отивни]ку арт[иллерийский] огонь. В боевой части были I, II и III б[атальон]ы, а 4 б[атальон] бывший в стор[ожевом] охранении, оставлен в резерве. До 1 ч. дня расположение полка обстреливалось только арт[иллерийским] огнем, а после этого времени началось наступление пех[отных] частей. Главный удар пришелся на роты I и III б[атальон]ов. Пр[отивни]к несколько раз доходил на расстояние 300-400 шаг., но под действием руж[ейного] и арт[иллерийского] огня отходил назад и скрывался в рытвинах и ложбинах. Около 6 ч[асов] в[ечера] пр[отивни]к начал охватывать как правый, так и левый фланги расположения полка. Огонь руж[ейный] и арт[иллерийский] сделался перекрестным, причем цепи и поддержка нарастали одновременно. Около 7 ч[асов] в[ечера] влиянием этого огня некоторые ниж[ние] чины, призванные из запаса, начали отходить назад, но усилиями г. офицеров были остановлены.

Только 12 рота по выбытию из строя К[оманди]ра роты к[апитан]а Диц подалась назад, но усилиями мл[адшего] офицера подпор[учика] Барановского и Ком[андую]щего б[атальон]ом Капитана Агракина была остановлена в 300 шаг. и вновь открыла огонь по пр[отивни]ку. *В 7 1/2 ч. в. на левом фланге расположения дивизии показались части 160 п[ехотного] п[олка] что в связи с движением вперед III к-са остановило дальнейшее наступление противника⁴.*

I и IV б[атальон]ы 157, III батальон 159 п[ехотного] п[олка], 1 морт[ирная] и 2 легких батареи находились в общем резерве у Согинтен. В 3 ч. 30 м. дня III б[атальон] 159 п[ехотного] п[олка] был отправлен для поддержки своего полка, а через 2 ч. пришлось поддерживать и 158 п[ехотный]. п[олк]. IV б-ом 157 п[ехотного] п[олка]. Б[атальон] этот к 6 ч[асам] в[ечера] достиг передовыми ротами Улгатшена, где и остановился. Под прикрытием этого б[атальон]а 158 п[олк] и части 159 п[ехотного] полков начали собираться и приводиться в порядок

Боковой отряд полк[овника] Трунова присоединился к дивизии в 6 ч[асов] в[ечера], причем III б[атальон], следовавший в своей колонне и прикрывавший 3 и 10 батареи, ввязался в бой на крайнем левом фланге. К 3, 5 и 6 бат[аре]ям разновременно ввиду наседавания на них противника, высылалось прикрытие.

К вечеру на левом фланге этих батарей собрались 3, 4 и 10 роты, начальствование над которыми принял подполк[овник] Зейтц⁵. Заметив угрожающее положение пр-ка, роты эти перешли в наступление. Перешли ручей у Крешелена, затем р. Швентишке и на следующем гребне сошлись с пехотой пр[отивника]. На эту пехоту 10 рота под командой Шт[абс]-кап[итана] Редько бросилась в атаку. Немцы выкинули белый флаг. Считая дело законченным, Шт[абс]-кап[итан] Редько бросился в окоп пр[отивника] и начал отнимать ружья, но тут же был тяжело ранен брошенной немцами ручной гранатой. Пр[отивник] быстрее подался назад, очищая линию блиндированному автомобилю. Роты остановились, продолжая расстреливать отступ. цепи.

160 п[ехотный] п[олк] (2¼ батальона)⁶ со 2-й бат[аре]ей 40 ар[тиллерийской] бр[игады], ½ рот. 2 сап[ерного] б[атальо]на и 1 отд. Драг. 1-го Л. бр. Московского полка⁷ ночевал у Роминтен. В 8½ ч[асов] у[тра] 7 авг. К[оманди]р полка получил приказание (№ 54) из штаба к[орпуса] в 10 ч[асов] у[тра] выступить на Вальтеркемен. Собрав свой отряд, командир полка выдвинулся в 9 ч. 20 м. у[тра] имея целью в этот день дойти до Матцукемена, где предполагалось встретить штаб 40 пех[отной] дивизии.

Около 12 ч. дня отряд подошел к Киаутен, к сев[еро]-вост[оку] и сев[еро]-зап[аду] от которого раздавалась арт[иллерийская] канонада. Батарея, бывшая при полку, немедленно выехала на позицию и открыла огонь во фланг пр[отивника], наступавшему на 118 п[ехотный] п[олк]. Этот огонь вызвал замешательство у пр[отивника], по-видимому не ожидавшему нападение с этой стороны. Сейчас же часть из войск, обращенных ранее на 30 пех[отную] дивизию, была направлена на наш отряд. Кроме этих цепей таковые появились в различных местах на пределе арт[иллерийского] огня, но вследствие неуверенности в том, наши ли это или пр[отивник] огня по ним не открывали, пока это не было точно установлено разведкой. Пр[отивник] оказался ближе против левого фланга полка. Оттуда открыт был шрапнельный огонь по нашей артиллерии и пехоте. Благодаря укрытому положению наши войска не понесли почти никаких потерь. Около 3 ч. дня К[оманди]ру полка было послано приказание двигаться на север в охват левого фланга пр-ка. Но постепенно с этим он получил предписание и от Н[ачальника] 30 п[ехотной] див[изии], в котором говорилось, что 160 п[ехотный] п[олк] подчиняется ему и поэтому он предписывает атакою в лев[ый] фланг пр[отивника] поддержать 30 пех[отную] дивизию. Не успел к[оманди]р полка, <неразборчиво> не успел еще изменить распоряжения, как обнаружилось, что начальник левого участка п[олк]овник Виноградов⁸, который до своего К[оманди]ра прочитал пр[иказа]ние н[ачальника] 30 п[ехотной] див[изии], повернул со своим участком (3 роты и 2 пулемета) на фронте между дд. Эрцегален – Гришкемен. Заметив это, командир полка послал на поддержку Полк. Виноградова уступом справа IV б[атальо]н. Б[атальо]ны быстро двинулись вперед.

Заметив наше движение, пр[отивник] загнул свой левый фланг и, дав нам спуститься в открытую долину, открыл сильный руж[ейный], пул[еметный] и орудийный огонь. Батареи его здесь были настолько хорошо укрыты, что нашей артиллерией не удалось открыть их. Несмотря на это роты IV б[атальо]на,

поддержанные справа, заставили противника отступить с передовых позиций. Ввиду того, что пр[отивник] мог появиться и с севера, то К[оманди]р полка до конца боя удерживал у себя в резерве 5½ рот при 2-х пулеметах. Предполагения эти действительно были обоснованы, т.к. оттуда в юго-западном направлении все время двигались колонны войск и обоз. Ввиду оторванности полка, как от 30, так и от вверенной мне дивизии, а также и больших потерь, понесенных II б[атальо]ном и наступления темноты части полка отошли к Киаутену, вынеся при этом всех убитых и раненных

Из артиллерии в бою под Содененом участвовали 1, 3 и 5 и 6 батареи 40 арт[иллерийской] бр[игады] и 1-я бат[арея] 4-го Морт[ирного] Арт[иллерийского] див[изиона], 2-я бат[арея] 40 арт[иллерийской] бр[игады] были при 160 п[ехотном] п[олку] и сражалась у Киаутена. Особое мужество было выказано 1-й батареей, которой руководил командир дивизиона подполк. Милостанов. Пр[отивник] на эту батарею направил огонь одной тяжелой, 2-х гаубичных и 2-х легких батарей. 5-я ба[тарея] под командой Кап[итана] Крестинского и руководством подполк[овника] Арчакива тоже выказывала много мужества при отражении обхода пр[отивника] нашего лев[ого] фланга.

Потери в дивизии были следующие:

159 п[ехотный] п[олк]

Офицеры: убито – 7

Ранено – 7

Ниж[них] чинов – убито – 362,

Ранено – 682

Без вести проп[ало] – 93

Итого: 14 оф[ицеров] и 1137 ниж[них] чинов

158 п[ехотный] п[олк].

Офицеры: убито – 4

Ранено – 3

Умер от ран – 1

Без вести пропал – 1

Ниж[ние] чины убито – 119

Ранено – 345,

без вести проп[ало] 262

Итого 9 оф[ицеров] и 726 ниж[них] чинов

157 п[ехотный] п[олк].

Офицеры: ранено – 3

Тяж[ело] заб[олел] – 1

Нижних чинов убито – 15

Ранено – 49

Без вести проп[ало] – 3.

Итого 4 оф[ицера] и 67 нижних чинов

РГВИА. Ф. 2370. Оп. 1. Д. 342. Л. 7–15.

Примечания

¹ П.Н. Караулов, командир 159-го пехотного полка. В дальнейшем за различные подвиги был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

² Д.Е. Петропавловский родился в 1860 г. В офицеры был произведен в 159-м пехотном полку. В годы Русско-японской войны был ранен. Во время Первой мировой произведен в полковники. С мая 1916 г. состоял в резерве.

³ Л.Е. Милостанов большую часть войны провел командиром дивизиона. В июне 1916 г. стал командующим бригадой, а вскоре был произведен в генерал-майоры. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

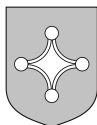
⁴ В тексте документа этот фрагмент выделен красным знаком вопроса.

⁵ К.Г. Зейтц родился в 1863 г. Участник Русско-японской войны. К августу 1916 г. находился в том же чине и полку.

⁶ Командир полка полковник Н.Д. Ливенцев окончил академию Генерального штаба, служил на штабных должностях. В годы Первой мировой награжден Георгиевским оружием, в начале 1915 г. произведен в генерал-майоры. Был начальником штаба ряда корпусов, затем командовал некоторыми дивизиями. После Октябрьской революции служил в РККА.

⁷ Так в тексте. Видимо, имеется в виду эскадрон 1-го Московского лейб-драгунского полка. Сам полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии генерала В.И. Гурко.

⁸ М.Н. Виноградов – участник Русско-японской войны. Уже осенью 1914 г. стал командиром 160-го полка. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Позже командовал различными полками и дивизией. В 1917 г. произведен в генерал-майоры. В годы Гражданской войны сражался в Добровольческой армии. Затем оказался в эмиграции. Умер в Бельгии в 1960 г.

Память Великой войны. Имена

В публикации представлена выборка из списка погибших нижних чинов 109-го Волжского полка, входившего в состав 28-й пехотной дивизии 1-й русской армии. Всего список включает фамилии 404 солдат этого полка, погибших с 22 июля по 27 октября 1914 г. Для публикации выбраны фамилии солдат, погибших в разгар Гумбинненского сражения 6 (19) и 7 (20) августа 1914 г. Одна часть полка в составе 28-й пехотной дивизии вела бои у Мальвишкена (Mallwischken, Mallwen – Мальвен, ныне пос. Майское Гусевского городского округа) – солдаты погибли в районе Пакальнишкена (Pakalnischken, Bergendorf – Бергендорф, не сохранился) и Ужбаллена (Uszballen, Birkenried – Биркенрид, ныне пос. Лощинка Гусевского городского округа), – другая участвовала в сражении южнее селения Кляйн-Байчен (Klein Beitschen, ныне пос. Подгоровка Гусевского городского округа).

Список составлен московским исследователем Валентином Леонидовичем Юшко, автором книги о георгиевских кавалерах русской армии, по материалам Российского государственного военно-исторического архива. Выборка подготовлена для увековечения погибших на сохранившихся воинских кладбищах Первой мировой войны на территории Гусевского района (ныне Гусевский городской округ) Анатолием Васильевичем Фесенко, возглавлявшим Гусевский муниципальный историко-краеведческий музей им. А.М. Иванова более десяти лет. А.В. Фесенко около тридцати лет занимается восстановлением воинских захоронений в Гусевском районе, является организатором первых в Гусеве (и в целом на востоке области) конференций, посвященных событиям «забытой» войны.

Российский государственный военно-исторический архив

[Списки погибших нижних чинов 109-го Волжского полка 28-й пехотной дивизии 1-й русской армии]

6 и 7 августа 1914 г.,

**бои у д. Ужбаллен [Биркенрид, Лощинка]
и Пакальнишкен [Бергендорф, не сохранился]**

1. АГУЛЕНОК Ефим рядовой 1-й роты. Убит в бою у д. Ужбамин и Покальнишкен – 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 89 об., 90).

2. АНДРИЯНОВ Леонтий рядовой 15-й роты, православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Котельничского уезда. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 79 об., 80, 177 об., 178).

3. АРАКЕЛОВ Степан рядовой 11-й роты, армяно-григорянского вероисповедания. Уроженец Эриванской губернии. Убит в бою у Покальнишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 70 об., 71, 151 об., 152).

4. АФОНАСЬЕВ Семен рядовой 11-й роты, православный, холост. Уроженец Казанской губернии, Ядрихинского уезда, Аликовской волости. Убит в бою у Покалишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 71 об., 72, 152 об., 153).

5. БАНКОВ Михаил рядовой 10-й роты, православный, холост. Уроженец Казанской губернии, Ядринских уезда и волости. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 70 об., 71).

6. БЕЛЕВСКИЙ Петр рядовой 2-й роты. Убит в боях с 6-го по 7-е августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 44 об., 45).

7. БЕЛЬСКИЙ Антон ефрейтор 1-й роты. Убит в бою в Ижбамине и Покалишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 41 об., 42).

8. БЕЛЬСКИЙ Петр рядовой 2-й роты, православный. Убит в бою у Гумбинена – 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 93 об., 94).

9. БЕРЕСНЕВ Дмитрий рядовой 5-й роты, православный, женат. Уроженец Вятской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 53 об., 54, 109 об., 110).

10. БОРИСЕНКО Максим рядовой 3-й роты, православный, холост. Уроженец Виленской губернии. Убит в боях (у д. Ужбаник и Бракупеник) с 6-го по 7-е августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 48 об., 49, 101 об., 102).

11. БРАЗЛОВСКИЙ Осип рядовой 1-й роты. Убит в бою на позиции в лесу у Дедова (у д. Ужбамин и Покалишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 42 об., 43, 89 об., 90).

12. ВАЗИСОВ (?) Давид рядовой пулеметной команды, православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Слободского уезда, Мухинской волости. Убит в бою у Покалишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 84 об., 85).

13. ВАЙТКУС Осип ефрейтор 3-й роты. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в боях с 6-го по 7-е августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 49 об., 50).

14. ВАРИВОНЧИК (ВАРАВОНЧИК) Николай рядовой 14-й роты, православный, холост. Уроженец Минской губернии, Игуменского уезда, Амелянской волости. Убит в бою 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 76 об., 77, 168 об., 169).

15. ВОЙТКУС Иосиф ефрейтор 3-й роты. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у д. Ужбалином и Бракупенином 6-го – 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 102 об., 103).

16. ВОЛУЦКИЙ Антон вольноопределяющийся (рядовой) 5-й роты, римско-католического вероисповедания. Уроженец Ковенской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 55 об., 56, 112 об., 113).

17. ГЕРАСИМЧИК Афанасий рядовой 1-й роты, православный, холост. Уроженец Минской губернии, Игуменского уезда. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 40 об., 41).

18. ГИНТВЕЙН (ГИНТВОЙД) Михаил рядовой 3-й роты. Уроженец Ковенской губернии, Россиенского уезда. Убит в боях (у д. Ужбалин и Бракопенен) с 6-го по 7-е августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 50 об., 51, 103 об., 104).

19. ГОМАНКОВ (ГОМОНКОВ) Фрол (Дороль) рядовой 8-й роты, православный, женат. Уроженец Черниговской губернии, Новозыбковского уезда.

Убит в бою у Сталупенена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 67 об., 68, 137 об., 138).

20. ГРЕБЕНЮК Сергей старший унтер-офицер 5-й роты, православный, женат. Уроженец Черниговской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 53 об., 54).

21. ГРИКШАН Петр рядовой 15-й роты, римско-католического вероисповедания, женат. Уроженец Ковенской губернии, Россиенского уезда, Кельменской волости. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 76 об., 77).

22. ДУВАКИН Роман рядовой 1-й роты, православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Слободского уезда. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен (Ужбамин и Покальнишкен) 6 августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 40 об., 41, 87 об., 88).

23. ЖОЛОНДАД Юлиан ефрейтор 14-й роты. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 168 об., 169).

24. ЖОЛТОНАД Филимон ефрейтор 14-й роты. Убит в бою 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 76 об., 77).

25. ЕЛЕНЕВСКИЙ Осип рядовой 14-й роты, римско-католического вероисповедания, женат. Уроженец Ковенских губернии и уезда, Вилькинской волости. Убит в бою 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 76 об., 77, 169 об., 170).

26. ЗВОНАРЕВ Яков подпрапорщик 5-й роты, православный, женат. Уроженец Тверской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 53 об., 54, 109 об., 110).

27. ИЗВИКСИНСКИЙ (?) Федот подпрапорщик 3-й роты, православный, женат. Уроженец Виленской губернии. Убит в бою у д. Ужбалином и Пратупененом – 6-го – 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 100 об., 101).

28. КАБАЛЬСКИЙ Неех (Них) доброволец 12-й роты, иудейского вероисповедания, холост. Уроженец Виленских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 73 об., 74, 159 об., 160).

29. КАЛУСТОВ Мартирос рядовой 10й [1-й?] роты, армяно-григорианского вероисповедания. Уроженец Эриванской губернии. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 40 об., 41).

30. КАПУСТОВ Мартирос рядовой 1-й роты, армяно-григорианского вероисповедания, холост. Уроженец Эриванской губернии. Убит в бою у дер. Ужбамин и Покальнишкен – 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 87 об., 88).

31. КАРДАКОВ Павел рядовой 5-й роты, православный, женат. Уроженец Вятской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 53 об., 54, 109 об., 110).

32. КАСТЕР (КАСПЕР) Мовша рядовой 14-й роты, иудейского вероисповедания, холост. Уроженец Ковенской губернии, г. Ковно. Убит в бою 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 76 об., 77, 168 об., 169).

33. КЕЙДАНСКИЙ Мортхель рядовой 3-й роты. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в боях (у д. Ужбанином и Бракупенином) с 6-го по 7-е августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 49 об., 50, 102 об., 103).

34. КИБОРТ Станислав рядовой 1-й роты. Убит в бою на позиции в лесу у Дедова 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 42 об., 43).

35. КОРМЩИКОВ (КОРМЧИКОВ) Василий ефрейтор пулеметной команды, православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Слободского уезда, Георгиевской волости. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 84 об., 85, 193 об., 194).

36. КРАВЧЕНКО Филипп, рядовой 7-й роты, православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Дисненского уезда. Убит в бою 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 61 об., 62, 127 об., 128).

37. ЛАЦИТИС (ЛЕТЕТИС) Иван рядовой 13-й роты, православный, холост. Уроженец Курляндской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 73 об., 74, 162 об., 163).

38. ЛЕВИНСИН Егор рядовой 13-й роты, православный. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 73 об., 74).

39. ЛЕВИЦКИЙ Егор ефрейтор 13-й роты, православный. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 163 об., 164).

40. МАГРАЛИС Матат рядовой 5-й роты, римско-католического вероисповедания, холост. Уроженец Виленской губернии. Убит в бою у Гумбинена – 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 109 об., 110).

41. МАКАРОВ Яков рядовой 10-й роты, православный, холост. Уроженец Казанской губернии, Ядринского уезда. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 69 об., 70, 146 об., 147).

42. МАМАЕВ Егор рядовой пулеметной команды, православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Слободского уезда. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 193 об., 194).

43. МАРКОВИЧ Арон рядовой 10-й роты. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 69 об., 70, 146 об., 147).

44. МАЧУЛИС ефрейтор 1-й роты. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен (Ужбамин и Покальнишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 41 об., 42, 88 об., 89).

45. МЕЛЕВСКИЙ Константин рядовой 10-й роты, православный. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 69 об., 70).

46. МИЛАШУС Станислав рядовой 1-й роты. Убит в бою на позиции в лесу у Дедова (у д. Ужбамин и Покалишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 42 об., 43, 89 об., 90).

47. МОЗГАЛИС Матиас рядовой 5-й роты, римско-католического вероисповедания, холост. Уроженец Виленской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 53 об., 54).

48. НОВОСЕЛОВ Евстигней рядовой 1-й роты, православный, холост. Уроженец Вятской губернии, Котельничского уезда. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен (Ужбамин и Покальнишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 40 об., 41, 87 об., 88).

49. НОРКИН Егор ефрейтор 7-й роты, православный, женат. Уроженец Вятской губернии, Котельничского уезда. Убит в бою у Сталупенена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 60 об., 61).

50. НУРМУХАМЕТОВ Гильмандин рядовой 7-й роты, магометанин, холост. Уроженец Казанской губернии, Мамадышского уезда, Курмазботской волости. Убит в бою 7-го (4-го) августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 60 об., 61, 126 об., 127).

51. ОСИПОВ Тимофей рядовой 13-й роты, православный, холост. Уроженец Казанской губернии, Ядринского уезда. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 73 об., 74, 163 об., 164).

52. ПАШКОВИЧ Максим рядовой 1-й роты. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 41 об., 42).

53. РОСОЛЬКО Иустин, ефрейтор 1-й роты, православный, холост. Уроженец Минской губернии, Игуменского уезда. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен (Ужбамин и Покальнишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 40 об., 41, 87 об., 88).

54. САБЕЦКИЙ (САВЕЦКИЙ) Казимир рядовой 3-й роты. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в боях (у д. Ужбанином и Бракупенином) с 6-го по 7-е августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 49 об., 50, 102 об., 103).

55. СИЦКЕВИЧ, рядовой 1-й роты. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен (Ужбамин и Покальнишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 41 об., 42, 88 об., 89).

56. СКИНДОВ (СКИНДАР) Владимир рядовой 10-й роты, православный. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 69 об., 70, 146 об., 147).

57. СЛУТСКИЙ (СЛУЦКИЙ) Павел рядовой 10-й роты, православный, холост. Уроженец Виленской губернии, Дисненского уезда, Череской волости. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 70 об., 71, 147 об., 148).

58. ТОМАСОВ (ТАМАСОВ) Иван рядовой 5-й роты, православный, холост. Уроженец Казанской губернии. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 53 об., 54, 109 об., 110).

59. ТРАНЕЛИС Юрий рядовой 13-й роты, римско-католического вероисповедания, холост. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (у Вержболово – 24 июля 1914 г.) (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 73 об., 74, 163 об., 164).

60. ТРАЧАЛИС (ТРОЧАЛИС) Викентий рядовой 1-й роты. Убит в бою на позиции в лесу у Дедова (у д. Ужбамин и Покалишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 42 об., 43, 89 об., 90).

61. ФАЙВУШ Банцель рядовой 1-й роты, иудейского вероисповедания. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен (Ужбамин и Покальнишкен) 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 41 об., 42, 88 об., 89).

62. ФЕДОТОВ Герасим рядовой 6-й роты, православный, холост. Уроженец Лифляндской губернии, Рижского уезда. Убит в бою у Сталупенена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 57 об., 58, 118 об., 119).

63. ХАЙМОВИЧ Модель рядовой 12-й роты, иудейского вероисповедания, женат. Уроженец Ковенской губернии, Россиенских уезда и волости. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 73 об., 74, 159 об., 160).

64. ХМЕЛЕВСКИЙ Константин, рядовой 10-й роты, православный, холост. Уроженец Ковенских губернии и уезда. Убит в бою у Гумбинена 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 146 об., 147).

65. ЦВЕКИНСКИЙ Адольф подпрапорщик 3-й роты, римско-католического вероисповедания, женат. Уроженец Виленской губернии. Убит в боях с 6-го по 7-е августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 47 об., 48).

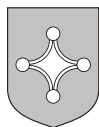
66. ШОХОТ Арон рядовой 12-й роты, иудейского вероисповедания, женат. Уроженец Ковенских губернии и уезда, г. Ковно. Убит в бою у Гумбинена 7-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 73 об., 74, 159 об., 160).

67. МИЦКЕВИЧ Михаил рядовой 1-й роты. Убит в бою в Ижбамине и Покальнишкен 6-го августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 237. Л. 41 об., 42).

Потери 28-й пех. дивизии в бою 7 (20) авг.

	Офицеров	Нижних чинов	Пулеметов	Орудий	Лошадей
109-й пех. полк	10	655	4	—	—
110-й пех. полк	30	2231	5	—	—
111-й пех. полк	34	2150	8	—	—
112-й пех. полк	24	1736	6	—	—
28-я арт. бригада	6	173	—	8	163
Всего	104	6945	23	8	163

Русская армия в Великой войне: сайт. URL:
<http://www.gwar.ru/library/index.html>.

Памятники, памятные знаки и памятные доски, установленные в Инстербурге в честь павших в Мировой войне

В Адресной книге Инстербурга за 1937 год¹ содержатся не только данные об адресах тогдашних жителей города, местонахождении и телефонах городских учреждений и предприятий. На первых ее страницах мы найдем еще и краткую историческую справку о городе, список его достопримечательностей. И узнаем о том, что память о павших в годы Мировой войны 1914–1918 гг. инстербургцы ревностно чтит, о чем свидетельствуют помещенные в книгу сведения о мемориальных знаках и досках, открытых в городе и его предместьях преимущественно в 1920-е гг. Приводим ниже эти сведения в переводе с немецкого. Автор перевода благодарит за консультационную помощь Любовь Климову и Дмитрия Сухина.

Памятники

Памятник павшим воинам [Kriegerdenkmal] в Георгенбурге [ныне пос. Маёвка], посвященный погибшим в Мировой войне (по проекту правительственного советника по строительству доктора Клауссена) [Entwurf Reg.-Baurat Dr. Claußen], установлен 18 августа 1929.

Памятные знаки

12-му Литовскому уланскому полку, старейшему полку Инстербургского гарнизона, перед бывшей казармой уланов в замке Инстербург, на Театерштрассе – Мюлендамм² (по проекту профессора Кауэра, Кёнигсберг) [Entwurf Prof. Cauer, Königsberg], установлен 24 октября 1926³.

45-му пехотному полку, на Беловштрассе⁴, у жилмассива «Кёнигсек» (по проекту дипломированного инженера и архитектора Л. фон Франшвиля, Инстербург) [Entwurf Diplom.-Ing. und Architekt L.v. Francheville, Insterburg], установлен 14 июня 1925.

37-му артиллерийскому полку на Гёрингштрассе, угол Артиллериштрассе⁵ (по проекту дипломированного инженера и архитектора Л. фон Франшвиля, Инстербург), установлен 25 июня 1922.

9-му егерскому полку на углу Цитенвег⁶ (по проекту профессора Зайзерта, Берлин) [Prof. Seisert, Berlin], установлен 25 октября 1925.

Мобильному резервному подразделению 1-го артиллерийского полка в районе Шлюхтен [in den Schluchten]⁷ (по проекту Инстербургского ведомства воинских захоронений и каменотесной мастерской Эккарда, Кёнигсберг) [Entwurf Kriegergräberamt Insterburg und Steinbildhauerei Eckard, Königsberg], установлен 29 октября 1922.

Памятный камень на городской водопроводной станции [am Städt. Wasserwerk]⁸; в честь семи сограждан, погибших на станции во время русской оккупации, установлен 27 августа 1920.

Памятный камень героям, павшим в Мировой войне, установленный Кифхойзерским союзом [Kiffhäuserverband] в коттеджном поселке «Кольцо Кифхойзера» [«Kiffhäusering»]⁹ близ Прегельтор [Pregeltor]¹⁰ и открытый 23 июля 1933. В этом качестве использована гранитная глыба, найденная на участке застройки.

Памятные доски

Над главным порталом ратуши¹¹ в память об 11 сентября 1914 года, дне освобождения от русской оккупации, и о заслугах санитарного советника доктора Макса Бирфройнда и его сотрудников в их деятельности на благо города во время вторжения русских.

В ратуше, у входа в зал заседаний, в память о городских служащих, погибших в Мировой войне.

В честь павших служащих городской администрации в вестибюле Новой ратуши на Форхештрассе, 15¹², открыта 26 ноября 1933.

В вестибюле почтамта¹³ погибшим в Мировой войне служащим почтового ведомства.

В доме № 27 на Гартенштрассе¹⁴ гражданам, погибшим от русских авиабомб 19 апреля 1915, установлена 8 сентября 1929.

В церквях Лютера¹⁵ и Меланхтона¹⁶ в память о погибших членах евангелическо-лютеранской общины.

В реформатской церкви¹⁷ в память о погибших членах евангелическо-реформатской общины.

В церкви Георгенбурга¹⁸ с пятью художественными рельефами в честь павших членов этой общины.

В гимназии¹⁹ в честь павших геройской смертью учителей и учащихся этого учебного заведения.

Перевод с немецкого Г.В. Каштановой-Ерофеевой.

Примечания

¹ Einwohnerbuch für Insterburg mit Abbauten. Zusammenge stellt unter Zuhilfenahme amtlichen Quellenmaterials. 1937. – Druck und Verlag: Sturmverlag G. m. b. H., Zweigniederlassung Insterburg. [Адресная книга Инстербурга с предместьями. Составлена на основе материалов из официальных источников. 1937 год. – Издательство «Штурм», Инстербургское отделение, 1937 год.] Teil I. S. XV–XVI.

² Угол улиц Л. Толстого и Партизанской.

³ Скульптура воссоздана в 1999 скульп-

птором В.В. Кузнецовым, установлена на сохранившийся постамент в 2006 предпринимателем В.И. Яновским.

⁴ Ул. Спортивная.

⁵ Ранее Казернен- и Артиллериштрассе, ныне ул. Гагарина и Тухачевского.

⁶ Ул. Ипподромная.

⁷ Район городского стадиона.

⁸ У водонапорной башни на углу улиц Гагарина и Спортивной.

⁹ Улицы Пригородная, 2-я Лесная, Народная, переулки Лесной и Пригородный.

¹⁰ Ныне ул. Ленинградская.

¹¹ Из трех зданий ратушного комплекса на Альтер Маркт – Рахауштрассе (ныне пл. Ленина – ул. Кн. М.Б. Баркляя де Толли), называвшегося Старой ратушей, сохранились два (в них после Второй мировой войны долгое время размещалась железнодорожная больница).

¹² Ул. Калинина, 4.

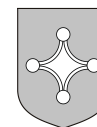
¹³ Ныне здание городской бани на ул. Пионерской.

¹⁴ Не сохранился(?); предположительно, занимал территорию сквера, расположенного на ул. Садовой между домами № 18 и 20.

¹⁵ Не сохранилась; стояла на восточной стороне Альтер Маркт (пл. Ленина), неподалеку от арки у спуска к р. Анграпп (Анграпа). Вестибюль главного входа этой

лютеранской церкви в 1926 г., как сообщал В. Обгартель, «был превращен в зал памяти павших в Мировой войне»: «На правой стене помещена картина профессора Кенигсбергской академии художеств Пфайффера “Вхождение павшего воина в рай”, слева расположена также занимающая всю стену доска с именами павших героев». (См.: *Обгартель Вильгельм*. Происхождение названий инстербургских улиц. Альтер Маркт // Полкус + ТВ. 2013. 26 апреля. С. 3. [*Obgartel Wilhelm*. Die Herkunft Insterburger Straßennamen. Der Alte Markt. 2. Fortsetzung // Insterburger Brief. 1969. №5/6. S. 85.] Перевод с немецкого Л.В. Климовой.)

¹⁶ Цигельштрассе, 28; ныне почтовый адрес здания, претерпевшего изменения, – 2-й пер. Победы, 2.

В Мраморном дворце*

Глава двадцать седьмая. Июль 1914

Дневник брата Олега – Мобилизационный план – Государь объявляет о начале войны – Возвращение родителей из Германии – Приготовление к отъезду в полк

Не успел Олег явиться по начальству, объездить с визитами офицеров и отдежурить по полку, как сильное воспаление легких в связи с плевритом приковало его к постели и изменило все предположения и планы.

Перед самой войной он вернулся в полк, несмотря на то что по состоянию своего здоровья мог бы и не возвращаться. Вот что он пишет по этому поводу в своем дневнике:

«Утром 18-го явился в полк. Мне сообщили, что в состав полка я не записан и что мне советуют, в виду слабого здоровья и незнания строевого дела, зачислиться ординарцем в Главную Квартиру. Я пошел ругаться и даже, кажется, переубедил В.» (Должно быть, ротмистр граф Велепольский, командир 5-го эскадрона).

После долгих хлопот Олегу действительно удалось добиться оставления его в полку:

«Меня, – пишет он в дневнике, – назначили в штаб полка. Командир сказал: “Я вам специально сообщаю, что вы будете вести дневник полка и будете моим корреспондентом”. – “Надеюсь, что я у вас долго не останусь”, – отвечал я, на что командир возразил: “Это уж мое дело!”

Несмотря на столь определенные обязанности, мне обещали, что если я буду хорошо себя чувствовать, меня назначат опять в строй».

Олег был очень недоволен таким положением, он жаждал боевых подвигов, а совершать их при несении обязанности ординарца казалось ему невозможным. В дневнике Олега имеются краткие записи его переживаний в эти знаменательные дни:

«Мы все пять братьев идем на войну со своими полками.

Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне».

Настроение Олега было восторженно-приподнятое:

«17 июля, в девять часов пять минут вечера, была получена в полку телеграмма о мобилизации. Уже к 19 июля строевой состав был готов к выступлению. Лошадей по конской повинности полк получил к утру 20 июля. Мобилизация

прошла быстро и спокойно. Всеми было замечено, какой порядок царил между приходящими запасными. Много принято было добровольцев, которые ежеминутно подходили к офицерам с просьбой принять их в ряды нашего полка», – так начинается полковой дневник мой брат Олег.

По мобилизационному плану все, что нужно было делать для приведения полка в боевую готовность, было рассчитано не только по часам, но и по минутам. Я был счастлив, что иду на войну: это всегда было мечтой моей жизни.

Мне сшили в полку солдатскую шинель, но погоны на шинелях мы носили в начале войны золотые.

29 июля я получил повестку явиться на молебн в Зимний дворец к 3 с половиной часам дня. Олег, Игорь и я поехали на автомобилях из Павловска в Петербург. По дороге встретились с великой княгиней Марией Павловной* и великим князем Борисом Владимировичем. Их автомобили стояли, так как случилась какая-то неисправность с автомобилем Марии Павловны. Вместе с ней ехали ее дочь Елена Владимировна с мужем, королевичем Николаем Греческим.

В Зимнем дворце все семейство собралось, как всегда, в комнатах государя и государыни. Николай Николаевич сидел в кресле в комнате, рядом с Малахитовой гостиной. Он только что был назначен Верховным главнокомандующим и был возбужден. Мы вошли в Николаевский зал за государем и государыней. Зал был полон, главным образом, офицерами. Был отслужен молебн, по окончании которого государь громким и ясным голосом объявил о начале войны. В своей замечательной речи он сказал, что благословляет любимые им войска гвардии и Петербургского военного округа и что он не заключит мира, пока хоть один вражеский солдат останется на русской земле.

Когда государь сказал, что он благословляет гвардию, Николай Николаевич опустился на одно колено и весь зал за ним. Жена Иоанчика, Елена Петровна, бросилась к государю и поцеловала ему руку за то, что он выступил на спасение Сербии.

Государь пошел в залы, выходившие на Дворцовую площадь, и вышел на балкон. При виде государя и государыни вся огромная толпа, запрудившая Дворцовую площадь, опустилась на колени.

Николай Николаевич, проходя мимо лейб-казачьего караула, взялся за свою казачью шашку и сказал казакам, что в продолжение войны он всегда будет ее носить.

Все семейство прошло в комнаты государя и государыни, которые я совсем не знал, так как они не жили в Зимнем дворце обычно. Я знал только кабинет и гостиные рядом с Малахитовой гостиной, в которой собиралось семейство перед выходами. Государь и государыня прощались с теми из нас, кто уходил на войну. Государь спросил Олега об его здоровье, усомнившись, может ли он идти на фронт. Олег ответил, что может.

* Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М.: Захаров, 2001. С. 214–260. (Печатается с сокращениями.)

* Великая княгиня Мария Павловна (старшая) (урожденная Мария Александровна Элизавета Элеонора Мекленбург-Шверинская) (1854–1920), супруга великого князя Владимира Александровича (1847–1909), третьего сына Александра II.

Такого человека, как Олег, нельзя было удерживать дома, когда его полк уходил на войну. Он был весь порыв и был проникнут чувством долга.

Мария Павловна подошла и в слезах благословила нас от лица наших родителей, которые еще не приехали из-за границы. Она думала, что мы уйдем на войну до их возвращения. Я никогда не забуду этой трогательной минуты.

Из Зимнего дворца я поехал с Олегом и Игорем в часовню Спасителя, на Петербургской стороне, а оттуда в Петропавловскую крепость помолиться у могил наших предков и попросить их помочь нам быть их достойными на поле брани. Из крепости мы поехали на Смоленское кладбище, на могилу Ксении Блаженной, которую я очень чтю. Вернувшись в Мраморный дворец, мы зашли к дяденьке проститься. Прощание, конечно, было очень трогательное. Дяденьке нездоровилось, так как он простудился в Стрельне, сидя по вечерам после обеда в саду до поздних часов и ведя с тетей Олей и дядей Георгием Михайловичем оживленные разговоры о войне.

Иоанчик предложил братьям причаститься перед отъездом на войну. Он заказал в Павловской дворцовой церкви раннюю обедню. Служил наш духовник архимандрит Сергей. Перед обедней он сделал нам общую исповедь. <...>

Наконец, слава Богу, мои родители благополучно приехали из Германии, где застала их война. Отец перед самой войной был в Бад-Вильдунген[е], где лечил почки, а матушка с братом Георгием и сестрой Верой – у своей старшей сестры, а затем у своей матери. Отец сперва не хотел верить в возможность войны и не уехал вовремя, а потом был вынужден срочно выехать на автомобиле, который ему предоставил светлейший князь Ливен. Отец затем где-то встретился с матушкой, и они выехали в Россию. Но в это время была объявлена война.

Поезд, в котором находились мои родители, остановили недалеко от русско-немецкой границы и поставили возле него часовых. Чуть ли не в коридоре вагона родителей стоял немецкий часовой, причем двери купе приказано было не закрывать. Таким образом родители провели ночь. На следующий день их всех посадили на автомобили с опущенными занавесками и перевезли через границу. Их предупредили, что если они будут высовываться, то в них будут стрелять. По дороге, уже в России, их высадили из автомобилей и предоставили дальше идти пешком. Должно быть, немцы считали, что им самим ехать дальше небезопасно.

И так, пешком, мои родители, брат Георгий одиннадцати лет, сестра Вера восьми лет, фрейлина матушки бар. С.Н. Корф, кн. Шаховской, воспитатель Георгия француз Бальи-Конт, Верина англичанка и прислуга пошли по шоссе, на восток. Своего адъютанта Сипягина, присоединившегося на пути, и своего старого камердинера Фокина отец отправил обратно за оставшим багажом.

Но Сипягина немцы объявили пленным, и так он никогда больше в Россию не вернулся, а Фокин вернулся через несколько недель через Данию. Бедные родители и все бывшие с ними шли пешком, пока не встретились с разъездом уланского Смоленского полка. Начальник разъезда штаб-ротмистр Бычко узнал

моего отца и помог всем добраться до ближайшей станции железной дороги. Родители затем уже благополучно прибыли в Павловск.

На отца сильно подействовали пережитые волнения, но, как всегда, он ничего не говорил, а переживал их молча, в своей душе.

Накануне ухода на войну в полку был молебен на Софийском плацу днем, после обеда. Полк в этот день представлял из себя необычайную картину: наши серые лошади были выкрашены в зеленый цвет, чтобы быть менее заметными, моя Ольнара с удивлением осматривала себя, поворачивая голову, и видимо боялась самой себя. Полк выстроился в конном строю. Посреди каре стоял аналой и духовенство. Первый взвод 4-го эскадрона был назначен для приема штандарта под моей командой. Я поехал во главе взвода к дому командира полка и выстроил взвод развернутым фронтом перед командирским подъездом. Мне не впервые было везти штандарт к полку, но тот день был особенный, полк уходил на войну, и я чувствовал это и сильно переживал. Приняв штандарт, я повез его на Софийский плац. Не доезжая до полка, я снова построил фронт взвода и, согласно уставу, скомандовал «шашки вон!». Раздались звуки полкового марша. Полк встречал свою святыню, штандарт – эмблему верности и преданности престолу и отечеству. Как я счастлив, что мне пришлось подвозить штандарт к полку в этот незабвенный день!

На молебен приехал Верховный главнокомандующий Николай Николаевич, в качестве старого командира нашего полка. Ему подвели командирскую лошадь, ту самую, которую он только что купил у кронпринца. Я думаю, что если бы Николай Николаевич это знал, он был бы очень недоволен: когда была объявлена война, он приказал сжечь свою форму прусского гусарского полка, шефом которого он состоял.

На молебен собрались родственники и знакомые офицеров полка. <...> По окончании молебна полковой батюшка, отец Иоанн Блажевич, обходил полк и кропил его святой водой. Николай Николаевич благословил полк небольшой иконой. Он держал ее в поднятой руке и очень громко и нервно говорил. Затем он обратился к полку с речью, страшно кричал и махал шашкой.

Полк прошел по-полужэскадронно перед великим князем. Проезжая перед Николаем Николаевичем, я салютовал ему шашкой. <...>

По окончании торжества великий князь и все офицеры полка пошли в офицерское собрание. <...>

23 июля полк выступил на войну. Олег пишет в полковом дневнике: «В течение 23 июля, шестого дня мобилизации, эскадроны пятью эшелонами прибывали на станцию Александровскую, где происходила погрузка»...

Утром в этот день, перед отъездом в полк, я пришел к родителям проститься. Отец поставил меня на колени в углу, перед образами, в своем кабинете, и благословил. При этом он мне сказал, чтобы я помнил, кто я, и соответственно этому себя держал и добросовестно служил. Он добавил, что мой дед сказал ему то же самое, когда отец уезжал на Турецкую войну в 1877 году. Родители

проводили меня на подъезд и долго смотрели мне вслед, пока мой автомобиль удалялся по липовой аллее.

Я приехал в эскадрон. Он весь был в конюшне, лошади были поседланы. Входя по очереди во взводные конюшни, я здоровался с гусарами: «Здорово, братцы, поздравляю вас с походом!» Я никогда не забуду этих минут. Какое счастье поздравлять свой родной эскадрон с походом и вместе с ним идти на войну! Часто ли такое счастье доставалось офицерам полка! С 1878 года и по 1914-й, то есть в течение целых 36 лет, наш полк не воевал. Офицеров, бывших с полком на турецкой войне, давно уже в полку не было. Из них я знал лишь нашего старого командира полка генерал-адъютанта барона Мейендорфа и командира Гвардейского корпуса генерала Безобразова. У нас были офицеры, участвовавшие в Русско-японской войне, как полковники Гресе и Гревс, ротмистр граф Велепольский и мой эскадронный командир, ротмистр Раевский, но они были на ней в других полках, так как наш полк в Русско-японской войне не участвовал.

Глава двадцать восьмая. На фронте в первые дни войны

4-й эскадрон пошел грузиться на Александровскую станцию, которая была недалеко от расположения полка. Мы грузились вместе со 2-м эскадром, которым командовал граф П.А. Игнатъев (Патька). Я был с ним в добрых отношениях. Он был знающий офицер, с университетским значком, окончивший Военную академию по первому разряду. По окончании Академии он вернулся к нам в полк, а не пошел по Генеральному штабу. <...>

Но вот настала минута расставания. Она была очень тяжела, но приходилось держаться перед эскадромом и присутствовавшими. Наконец, наш очень длинный поезд тронулся. <...>

В пути у офицеров был отдельный вагон и у каждого свое спальное место. Патька был сперва очень печален, но постепенно тяжелое впечатление от разлуки с близкими рассеялось и мы пришли в обычное наше настроение. Олег в полковом дневнике записывает: «Настроение всех было восторженное: гусары пели песни, на станциях толпы народа встречали нас криками “ура” и горячими пожеланиями успеха».

Во время дороги мы разбирали данные нам карты района, где нам предстояло действовать. В наш вагон сели два армейских пехотных офицера. Один из них был пожилой уже капитан. Оба они были одного и того же полка, Виленского военного округа. Капитан очень хвалил генерал-адъютанта Ренненкампа, своего командующего войсками, назначенного командующим 1-й армией, в которую входил и наш полк. Через некоторое время, уже на войне, я узнал от полковника Гревса, что капитан этот пал смертью храбрых.

К 25 июля последний эшелон прибыл на станцию Пильвишки, и вечером этого же дня полк расположился биваком в районе деревень Верокишке – Уштиловье – Антоново, верстах в 4 от станции. Лейб-гусары в составе 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии вошли в число конницы 1-й армии. В состав 1-й армии входили 20-й, 4-й и 3-й армейские корпуса; кавалерия:

правый конный отряд генерала Хана-Нахичеванского – 1-я и 2-я Гвардейские кавалерийские дивизии и 2-я и 3-я кавалерийские дивизии, последние без казачьих полков. Левый конный отряд генерала В. Гурко – 1-я Кавалерийская дивизия (армейская конница). <...>

Того же числа корнету графу Игнатъеву с его командой связи было приказано захватить одного немецкого подданного, жившего на заарендованном участке и занимавшегося, по полученным от местных жителей достоверным данным, шпионажем, выслеживанием передвижений русских войск и сигнализацией. Окружив дом, граф Игнатъев его арестовал и отправил в штаб-квартиру 1-й армии. При этом было арестовано еще три немца.

26 июля полк отдыхал на биваке до 5 часов пополудни, когда внезапно пришло приказание седлать лошадей. В 6 часов все эскадроны выступили в местечко Пильвишки, где находился штаб 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Оттуда наши полки с артиллерией двинулись на фольварк Романишки. Скоро стемнело. Наступила полная ночь. Несколькими разами мы останавливались. Впереди был слышен грохот колес орудий, которые переправлялись через мосты. Во время этого перехода мы все видели, как впереди и по сторонам от нас время от времени вспыхивали белые огни. Вспышки происходили на отдельных хуторах, расположенных на ровной местности. Очевидно, то была шпионская сигнализация противника. Она была так хорошо организована, что все старания наших разъездов ее перехватить не увенчались успехом. <...>

27 июля в 5 часов утра всей дивизии было приказано выступить к лесу восточнее фольварка Котовщишна, куда мы прибыли к семи часам утра и где полк стал в резерве. С утра шел дождь, но мало-помалу стало разгуливаться. Командир бригады, командир полка и офицеры вышли на опушку леса, с которой ясно был виден городок Владиславов, а за ним постройки немецкого города Ширвиндта. Носились слухи, что в последнем находится батальон пехоты противника, что на вышке кирки стоит пулемет, для обстрела моста через пограничную речку Шешупу. Вследствие этого, с целью рекогносцировки впереди лежащей местности, были посланы разъезды от полков дивизии. В это же время 5-я батарея выехала на позицию, и мы с минуты на минуту ожидали, что завяжется бой. Но вот наступил десятый час, потом одиннадцатый, а перестрелка всё не начиналась. В двенадцатом часу полку было приказано пройти лес обратно и расположиться биваком на западной его опушке. Тут нам представилось красивое зрелище: из ярко освещенного солнцем, еще мокрого от ночного дождя леса выскочила на ржаное поле напуганная пара коз. Несколько гусар пустились за ними верхом вдогонку.

Офицеры расположились тут же на отдых. Предыдущая дождливая ночь утомила, теперь же сделалось так жарко, что можно было, раздевшись, спать на земле.

В 6 часов полку было приказано вступить в Ширвиндт, который вследствие обхода, совершенного уланами, был к вечеру брошен занимавшим его ландвером. Немало досадовали мы на то, что так долго простояли перед этим городом, не подозревая, что пехоты в большом количестве там вовсе нет. Но, несмотря на это, все с нескрываемой радостью стремились вперед к мосту,

отделявшему Россию от Германии. Вот и пограничный столб, и речка Шешупа, а за ней первые улицы с вывесками на немецком языке...

Какую противоположность представлял Ширвиндт по сравнению с грязным и непривлекательным Владиславовом! Чистенький город, повсюду была видна аккуратность. Первое, что бросилось мне в глаза, было разбитое стекло в витрине магазина – неизбежный след войны!

Комендантом города был назначен полковник Гревс, а его помощником – граф Остен-Сакен. Немедленно было приказано открыть погреба и разбить все находящиеся в них бутылки с вином. Жителям предложили оставить город. Двенадцать человек были взяты заложниками. Оставленное в магазинах оружие было тут же конфисковано, а вся корреспонденция пересмотрена.

Офицерское собрание было устроено в гостинице, на площади города, где находится памятник Вильгельму I. Тут же по тенистой аллее, окаймляющей кирку, поставили лошадей. Было отрадно лично убедиться в том, с каким уважением относятся наши солдаты к чужой религии, в то время как, по газетным известиям, австрийцы кощунственно надругались в Боснии над православной церковью, где растоптали ногами св. Дары. Ничего подобного у нас не могло случиться. Многие офицеры лично видели, как гусары входили в кирку, снимали фуражки и крестились.

В 7 часов вечера 2-й и 5-й эскадроны под командой ротмистра графа Велепольского были высланы с пулеметным отделением лейб-гвардии драгунского полка и подрывными выюками на станцию Виллюнен с целью ее взорвать. От 4-го эскадрона были высланы четыре разъезда: первый под моей командой, второй с корнетом Кисловским к Скорблинен; третий с корнетом Безобразовым на Зодраген и четвертый со взводным Денисовым в район Виллюнен. В каждом из них было по 12 гусар. В то же время вокруг Ширвиндта были поставлены полевые караулы.

Назначенные для взрыва станции Виллюнен эскадроны выступили из расположения полка в 5 часов дня. Подле деревни Кузьмино дозорные были обстреляны, после чего деревня была занята. Около станции гусары встретились с немецкими уланами, один улан был убит. В это время штаб-ротмистр Кушелев взорвал железную дорогу у Виллюнена в пяти местах. Эскадроны возвратились в Ширвиндт.

Теперь я скажу подробно о моем первом боевом задании. Перед отправлением на разведку разъезды 4-го эскадрона получили свои задачи от полковник Звегинцева. Мне был дан целый район в окрестностях Ширвиндта, который я должен был наблюдать в течение чуть ли не суток. По желанию эскадронного командира со мной поехал эскадронный вахмистр подпрапорщик Яценко. Найти данное мне направление было чрезвычайно просто, потому что на всех немецких дорогах стояли надписи. Самые дороги были в замечательном состоянии.

Проехав немного, я увидел низкий дом или амбар, перед которым стояло несколько человек местных жителей. Они недружелюбно и со страхом смотрели на меня. Я к ним подъехал и сказал по-немецки, чтобы они не боялись и что я их не трону.

Двигаясь дальше, мы подъехали к хутору, на котором решили остановиться и передохнуть. На этом хуторе жила немка с двумя сыновьями: одному было лет 16, а другому – 12. Поставив часового с подчаском, мы въехали во двор, где гусары и расположились, а я с Яценко вошел в дом. Мы вынули бывшие с нами закуски, хозяйка дала нам молока и сделала яичницу. Я ей сказал, что моя мать – урожденная немецкая принцесса, что мой родной дядя – герцог Саксен-Альтенбургский и что германская кронпринцесса Цецилия приходится мне троюродной сестрой. Она была очень удивлена и сначала не верила.

Отдохнув, мы двинулись дальше, дружески распрошавшись с хозяйкой хутора. Я старался быть любезным, чтобы оставить о нас, русских, хорошее впечатление. Всю ночь с разъездом я осматривал данный мне район, но противника нигде не обнаружил. На следующий день я продолжал наблюдать данный мне район и опять с тем же результатом. Приближаясь на обратном пути к Ширвиндту, я встретил на большой дороге, подле дома, пожилого крестьянина, который так нас испугался, что расплакался. Он думал, что мы подожем его дом. Наконец, мы вернулись обратно в Ширвиндт. Наши офицеры сидели перед гостиницей под навесом на городской площади. <...>

Я раза два в эти дни встретился с Иоанчиком – он был ординарцем при штабе 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Второй раз это случилось, когда мы проходили через Владиславов, и мы успели обменяться с ним несколькими словами.

1 августа, сменные драгунским полком, мы вышли из Ширвиндта и расположились квартиро-биваком в деревне Мейшты, что к северу от Владиславова. Офицеры уже расположились по-эскадронно в отдельных дворах, собрание приготавливали рядом, во фруктовом саду, лошади были расседланы... Вдруг внезапно под городом послышались пушечные выстрелы, огонь начал быстро усиливаться. Генерал Шевич послал брата Олега к начальнику дивизии узнать, что будет приказано делать Гусарскому полку. Начальник нашей дивизии генерал Раух велел полку седлать и, оставаясь на правом фланге наших войск, ожидать дальнейших приказаний.

4-й и 5-й эскадроны рассыпались в цепь на опушке леса под командой графа Велепольского. Когда мы подходили к лесу, мы встретились с кирасирами его величества. Во главе их находился полковник Коленкин. При этом мы любовались двумя солдатами, которые перед нами в полуверсте подле дороги собирали телефонную проводку под шрапнельным огнем и делали свое дело не торопясь, совершенно спокойно. Немецкие шрапнели ложились уже в самом Владиславове, где начались пожары. <...>

Около 5 часов к генералу Шевичу подъехал драгун, который в полном замешательстве стал докладывать, что Ширвиндт уже занят немцами и что войска отступают. Никто, конечно, не поверил ему, тем более что стрельба немецкой артиллерии стала утихать. Вскоре затем пришло известие, что противник от Ширвиндта отступил.

Немецкая артиллерия принесла довольно значительные повреждения обоим городам: как Ширвиндту, так и Владиславову. Много строений в первом из них было разрушено, между прочим, был разгромлен дом, в котором за два часа до этого находилось наше собрание. Крыша и колокольня кирки носили

следы шрапнельных пуль. Большая часть снарядов ложилась в центре города, на площади. Во Владиславове шрапнели также попали в несколько домов. Одна из них убила смотревших в окно двух еврейских детей. Несмотря, однако, на все эти происшествия, жизнь в городе к вечеру опять закипела и жители стали возвращаться – многие из них даже вовсе не уходили.

Наша артиллерия не осталась в долгу перед немцами. Один из наших снарядов убил командира неприятельской батареи, причем пуля пробила подзорную трубу, в которую он смотрел. Эту подзорную трубу и еще много других трофеев захватили наши доблестные артиллеристы, когда немецкие пушки были впопыхах увезены.

День 1 августа останется у нас навсегда в памяти, как первый день серьезного боя в эту войну.

5 августа было солнечное затмение, и как раз в те минуты, когда оно происходило, наша дивизия встретилась с 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией.

Я был рад встретить мужа моей сестры Татианы Костю Багратиона. <...>

6-го числа был известный бой Гвардейской конницы под Каушеном, во время которого командир 3-го эскадрона Конной гвардии ротмистр барон Врангель (впоследствии Главнокомандующий Добровольческой армией) атаковал во главе своего эскадрона немецкую батарею.

К сожалению, я не участвовал в этом бою, потому что 4-й эскадрон был назначен охранять обоз 1-го разряда. Слышал впереди выстрелы, но не знал, что происходит. Мне помнится, что я стоял возле скирды сена, когда увидел несколько конногвардейцев. Я их спросил, что происходит впереди. Один из них, бойкий парень, ответил мне, что Конная гвардия, как всегда, побеждает. Мне очень понравился его ответ.

После боя наш эскадрон был назначен в охранение. Ясно помню, что когда полк собрался вместе, уже почти стемнело. Я стоял в группе наших офицеров, говорили, что Врангель убит; Гревс и Велепольский жалели убитого, как хорошего офицера, которого они знали еще по японской войне. Вдруг в этот момент появляется сам барон Врангель верхом на громадной вороной лошади. В сумерках его плохо было видно и он казался особенно большим. Он подъехал к нам и с жаром, нервно, стал рассказывать, как он атаковал батарею. Я никогда не забуду этой картины.

В этом бою поручик Кауфман был ранен в нижнюю часть живота. Он умер в госпитале в Вильне, в той самой палате, в которой через два месяца умер мой брат Олег. Его напутствовал, как и Олега, протоиерей отец Георгий Спасский, приобретший позже, в эмиграции в Париже, громадную известность и популярность. <...>

Глава двадцать девятая. Август 1914

Мы участвуем в боевых действиях

В эти дни 3-й и 4-й эскадроны под командой полковника Гревса заняли город Рессель, где встретились с уланами ее величества. Уланские офицеры и наши завтракали вместе в ресторане. Странно было сидеть за большим столом, покрытым белой скатертью, и пользоваться ножом и вилкой. Я почувствовал,

что отучился есть в культурной обстановке, питаюсь наскоро в поле и на биваках. Во время завтрака пришла депутация от города, с повязками Красного Креста на рукавах, и вручила командующему уланами полковнику Княжевичу контрибуцию в размере тридцати тысяч германских марок. Среди депутации был и католический священник, тоже с повязкой Красного Креста.

Рессель был красиво расположен, и я любовался видом на долину перед городом, по которой вилась обсаженная деревьями дорога. По ней мог подойти противник, чтобы выгнать нас из города. К вечеру мы вернулись на бивак, поместились в каком-то помещицьем доме и спали в большой комнате, в которой висела гравюра, изображавшая Вильгельма II молодым.

На следующее утро перед выступлением полковник Гревс, стоя перед маленьким образом в углу, в котором он спал, молился Богу. Я ясно вижу его в защитной гимнастерке, с красным боевым ремнем. Гревс был очень симпатичный человек и прекрасный товарищ в мирной обстановке, а на войне еще лучше: всегда спокойный, распорядительный и храбрый. Находиться под его командой было одно наслаждение.

В палатке я спал только лишь в первые дни войны, потом мы всегда оставались в домах, что, конечно, было гораздо приятнее. Наша собранская кухня действовала отлично, и мы хорошо ели. Старший собранский вестовой Мишенин был распорядительным и толковым человеком. Но было особенно приятно получать из дому съестные припасы... <...>

Олег в эти дни по-прежнему находился в штабе.

«Я очень доволен, – писал Олег 15 августа генералу Ермолинскому. – Отношения прекрасные. Наступление тоже... Я пишу дневник полка и нахожусь при штабе, где приходится много работать и бывать под огнем. Но все же хотелось бы в строй».

Вспоминаю, как мы 13 августа подходили к крепости Тапиау. Мы захватили с налету укрепленный лес и определили, что правый берег Деймы сильно укреплен и занят пехотой противника. Держали позицию до прихода пехоты. С темнотой полк отошел в направлении Велау. Дело было так: 4-й эскадрон подходил к лесу по полю, справа от нас шло шоссе, обсаженное деревьями, перед нами – небольшой лес, за лесом – спуск к реке, через нее – мост. Совершенно неожиданно нас стали обстреливать с опушки леса. Мы сразу же повернули и полным ходом стали уходить. Наконец, мы остановились, спешили и рассыпались в цепь. В это время я остался командовать эскадронам, потому что ротмистр Раевский уехал за приказами. Мы начали наступать на лес. Не помню, стреляли ли в это время или нет. Брат Игорь был со мной, но затем почему-то надо было отступить. Чтобы гусары не думали, что мы отступаем, брат Игорь и я за ним начали кричать: «Заманивай! Заманивай!» – вспомнив, что так делал Суворов, чтобы подбодрить свои войска. И это подействовало. Мы снова двинулись вперед. На опушке леса оказались свежие окопы, оставленные неприятелем. Видимо, противник отступил к Тапиау.

На ночь нас отвели куда-то очень далеко, в направлении Велау. Когда мы шли от леса по шоссе, полковник Гревс послал меня сказать полковнику Гревсу, чтобы мы, ввиду близости противника, шли без разговоров и не курили. Заночевали мы в какой-то большой усадьбе.

В двадцатых числах августа наша дивизия стала на отдых. Наш полк расположился биваком в деревне Рейшенфельд, в которой оставался несколько дней. Когда наша дивизия приближалась к местам своего отдыха, мы повстречались на дороге с шедшей нам навстречу 1-й Кавалерийской дивизией, которой командовал генерал В.И. Гурко, сын фельдмаршала. Он ехал во главе своей дивизии. Вид у него был настоящий кавалерийский. Сидел он верхом лихо, приятно было на него смотреть, в особенности если его сравнивать с нашим генералом Раухом, у которого вид был отнюдь не спортивный. Раух храбростью тоже не отличался.

В моем представлении, начальник кавалерийской дивизии должен быть всегда впереди, подбадривать свои полки и вообще быть примером лихости и храбрости. Ничего этого не было у Рауха. Он был всегда злой и не в духе, с полками не здоровался и нашими симпатиями не пользовался. Но от него нельзя отнять, что он был знающим генералом. Так как его нервы не выдерживали звука выстрелов, то ему бы следовало не дивизией командовать, а сидеть где-нибудь в большом штабе. Там он принес бы больше пользы. Так думали многие из нас. <...>

Олег был очень энергичен и добросовестно вел полковой дневник, для чего расспрашивал офицеров об их действиях. Я старался использовать это время, отдохнуть и набраться сил. <...>

В день приезда генерала Ермолинского, который приехал нас навестить, меня послали в штаб дивизии с каким-то поручением. В штабе дивизии мне вручили пакет, который я должен был отвезти в штаб генерала Хана-Нахичеванского. Я поехал туда с несколькими гусарами, но лишь вечером добрался до штаба конного отряда. Тут я заночевал и только на следующий день увидел корпусного командира.

Генерал Хан-Нахичеванский принял меня, и я отдал ему пакет. Рука его была на перевязи, он был легко ранен. Оказалось, что я привез представления к наградам. Хан, который хронически всюду опаздывал, и в этот день все сидел у себя в комнате, когда пора было выступать. <...>

28 августа наш эскадрон был послан с места ночлега, из деревни Марценшики, на разведку, на юг, в направлении озер, около Орловен.

Не доходя Нейдзальского леса, из эскадрона были высланы веером, через лес и в обход его, шесть разъездов: три офицерских и три унтер-офицерских. Ядро эскадрона втянулось в лес и, дойдя до озер с дачным поселком и охотничьим домиком, остановилось уже в сумерках.

У опушки леса разъезд, которым я командовал, увидел на дороге трех немецких улан. Я дал знак стрелять. Двое упало, третий удрал. Одного из упавших мы нашли. Мне стало как-то жаль убитого, и я его перекрестил.

Когда мы вернулись к эскадрону, я застал наших офицеров в очень тревожном настроении: выяснилось, что лес, в котором мы находились, был окружен наступающими немецкими войсками. По всем дорогам через лес, а также восточнее и западнее его, двигались на северо-восток германские колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, обходившие эскадрон, который таким образом оказывался в мешке. Свободным был только пройденный уже путь на Гольдап, до Орловен оставалось еще верст десять-пятнадцать.

Положение создавалось тяжелое.

Здесь я уступаю место моему однополчанину поручику С.Т. Рооп: «Теперь только нам точно известно местонахождение обходивших неприятельских частей, а тогда эскадрон видел только ближайшее окружение себя противником и знал только, что свободный для него обратный путь – лишь уже пройденный им. О движении противника было послано донесение в штаб 2-й Кавалерийской дивизии в деревне Соколькен, где предполагался, согласно приказа по дивизии, ночлег. Донесение отправлено было с тремя гусарами, в том числе и вольноопределяющимся Эрдели. Эскадрон же остался в лесу для дальнейшего наблюдения. Часа через три появился Эрдели пешком и доложил, что из деревни, вероятно Соколькен, в которой должен был находиться штаб дивизии, посланные с донесением были обстреляны противником, причем оба ехавшие с ним гусара и их лошади, так же как и его, Эрдели, лошадь, были убиты; но старший успел передать ему донесение. Не имея возможности пробраться через занятую уже противником местность, он вернулся пешком к эскадрону...

Решено было не задерживаться более и отходить, укрываясь лесами, в направлении на Гольдап. Когда в полной темноте подошли к северной опушке леса, услышали впереди, в направлении Гольдапа, сильную артиллерийскую и ружейную стрельбу (ночной бой у Гольдапа). Ночь была туманная, сырая, мгла не давала видеть вдаль. Продолжать движение в тумане, когда неизвестно, где противник и где свои, рискованно: попадешь под обстрел и противника, и своих. Решили простоять в лесу до рассвета, если туман ранее не рассеется.

Вошли вновь немного в лес, выставили ближайшее охранение, и эскадрон, не расседывая, стал ждать рассвета, держа коней в поводу...

Когда 29 августа (заря только что начала занимать) штаб-ротмистр Волков вышел на опушку леса на холм, он увидел невдалеке нескольких людей, одетых как будто в русские шинели. Посланный унтер-офицер доложил, что это разведывательный эскадрон 3-го гусарского Елизаветградского полка со своим командиром штаб-ротмистром Небо. Подойдя к Небо, Волков узнал от него, что он только что наблюдал, как в лесу, где скрывался 4-й эскадрон, с западной его опушки втягивалась неприятельская пехотная колонна с артиллерией; узнали от Небо также, что в Гольдапе находится конный отряд генерала Хана-Нахичеванского (что было неверно, так как ночью Гольдап был занят 8-й герм. кав. дивизией). Оставаться дальше в лесу не представлялось возможным. Решено было уходить на Гольдап...

Сняв посты, эскадрон, выткнувшись из леса, взял направление на Гольдап (вспомнив, что, по сведениям, данным Небо, он был занят отрядом генерала Хана-Нахичеванского) и, поднявшись на хребет между двумя железными дорогами, перед спуском в долину, по другой стороне которой на командных высотах находится Гольдап, увидели, что над Гольдапом рвутся шрапнели. Одновременно сбоку влево увидели сильную пыль от кавалерийской колонны – не менее полка, – на рысях шедшей наперерез 4-му эскадрону, и вскоре различили, что с кавалерийской колонной идет и батарея. Как теперь известно (по дневникам от 29 августа германских полков), это был 8-й Германский уланский полк с батареей 52-го артиллерийского полка и пулеметной ротой, продвигавшиеся с ночлега на Гольдап.

Ротмистр Раевский повел эскадрон на рысях в сторону Гольдапа, выслав в разные стороны четыре разъезда. Все разъезды донесли о присутствии противника, и почти сразу же эскадрон попал под обстрел справа неприятельских пулеметов. Произошло замешательство.

На что решиться? Сзади лес, занятый неприятельской пехотой с артиллерией: было видно, как батарея занимала уже позиции на опушке леса. Справа, в направлении на Гольдап, пулеметный огонь. Слева – заскакивающая наперерез эскадрону кавалерия (не менее полка). Оставалось направление на северо-запад, но впереди болото, и в этом же приблизительно направлении быстро движется кавалерийская неприятельская колонна.

Единственная надежда – это проскочить через остающийся не занятым еще противником коридор, но сильно болотистый и с широкими, обрывистыми осушительными каналами; и если идущая наперерез колонна успеет перерезать путь, то пробиваться через нее.

Штаб-ротмистр Волков командовал: «За мной!» – и повел эскадрон вдоль ручья в обход западного холма, чтобы прикрыться от пулеметного огня, к поселку между Клессуовен и Гольдапом. С севера и юга поселка – болото. Южное – лугового вида с озерцами и каналами, а к северу от поселка – покрытое зарослями кустарника. Обогнув холм вдоль ручья, дорога поворачивала на запад, к задам поселка, через узенький мост и терялась в болотистом лугу, пересеченном каналами и ямами. Подошли к болоту – единственный выход из мешка! В то время как эскадрон подходил к мостику, неприятельская батарея (очевидно, 4 орудия) с открытой позиции на холме открыла по эскадрону огонь.

Штаб-ротмистр Волков командовал: «Эскадрон, за мной, врозь!» Эскадрон пошел прямо вдоль поселка по топкому лугу. Взводы рассыпались по топи, стремясь к заманчивым холмкам, казавшимся – и только казавшимся – сухими. Часть взводов свернула за ротмистром Раевским по проселочной дороге в поселок, а остальные продолжали идти в северо-западном направлении под огнем батареи.

Снаряды, попадая в болото, рвались плохо. Появились все-таки раненые. Эскадрон под непрерывным обстрелом артиллерии и звуками шлюпающих в болото снарядов еще продвигается вперед, идти можно только шагом: болото по брюхо коням. Гусары часто получают души от недолетов и перелетов снарядов, зарывающихся в болото. Лошади и люди, после большого перехода и бессонной ночи ослабли, ослабли и подруги, и многие седла переворачиваются под брюхо коней. Шинели промокли, затрудняют движение спешным гусарам, потерявшим лошадей, завязших и затаенных болотом.

Стакан снаряда попадает в круп (оторван левый круп) кобылы Аллы штаб-ротмистра Волкова. Оба падают. Кобыла медленно затягивается болотом... К штаб-ротмистру Волкову добирается его вестовой гусар Ковалев, берет его к себе на коня, и вдвоем на одном коне они продолжают бороться с топью. Лошади ротмистра Раевского и поручика Тиран убиты также целыми, неразозравшимися снарядами.

Подходя к осушительным каналам, кони, бредущие по брюхо в вязком болоте, не могут перескочить с шагу и с места широкие канавы, обрываются, падают на топкое вязкое дно и, не в силах подняться, остаются лежать,

постепенно затягиваются топью и исчезают... Обесконенные гусары ползут по болоту; некоторых больше не видно на поверхности... Батарея продолжает обсыпать снарядами луг и поселок, но потери от огня незначительны: снаряды зарываются в топи. Шрапнельной пулей ранен в спину гусар Макаров, которому штаб-ротмистр Волков делает перевязку, вылив предварительно в рану флакончик йоду.

Часть гусар вместе с корнетом Кисловским стала выбираться за деревню на сухие, как казалось, места, но там они еще более завязали. Конь Добрый Кисловского ловко шел по болоту и выбирался сравнительно легко, но, ошеломленный непрерывными перелетами и недолетами снарядов у самых почти ног, запнулся; корнет Кисловский с седлом сполз ему случайно под брюхо и, не будучи в состоянии выправить седло, так как сам увяз в болоте, повел его в поводу, ища твердой почвы, но ее не оказалось; кусты, к которым он пробирался, скрывали еще большую топь. Впереди оказалась канава, переходя которую корнет Кисловский завяз по пояс. Пришлось бросить коня и выбираться самому, что и удалось не без большого труда. Конь, сделав несколько усилий, погряз по горло...

Рядом с корнетом Кисловским ранен гусар Марьян, – снаряд попал в лошадь, а осколок в ляжку гусара. Кисловский помог ему выбраться на сухое место, но так как перевязочных средств не было (они остались на седле с затонувшим конем), то Кисловский довел Марьяна до дороги и велел идти в деревню, а сам стал собирать пеших гусар. По пути из болота корнета Кисловского нагнал унтер-офицер Пономарев и хотел дать ему свою лошадь, но Кисловский отказался и пошел дальше пешком.

Князь Игорь Константинович после команды «Врозь!» остановился и стал пропускать всех людей взвода вперед и, пропустив последнего, двинулся направо от поселка, вдоль канавы. Ротмистр Раевский шел в это время по дороге на поселок.

Князь Гавриил Константинович, желая выйти на дорогу, хотел перепрыгнуть канаву, но его конь стал вязнуть и взять канаву не мог. Его высочество слез с коня и перетащил своего Парнеля через канаву. Когда князь уже подъезжал к домам поселка, почти выбравшись из болота, ехавший сзади него вольноопределяющийся Эрдели доложил ему, что Игорь Константинович остался позади один, пеший, перед канавой и перейти ее, видимо, не может. Гавриил Константинович со своим вестовым Манчуком и Эрдели повернули назад, чтобы помочь Игорю Константиновичу. Близкий разрыв шрапнели заставил их лошадей инстинктивно рвануться обратно, но, овладев ими, они вновь кинулись к князю Игорю Константиновичу, который совершенно один ходил по ту сторону канавы, держа свою лошадь в поводу и не зная, как перейти канаву.

В этот момент влево от них появился шедший рысью прусский уланский разъезд. Расстояние до разъезда было так невелико, что ясно можно было различить бело-черные флюгера на пиках. Князь Гавриил Константинович стал кричать брату, чтобы тот скорее переходил канаву, иначе их всех заберут в плен. Игорь же Константинович, вместо того чтобы попробовать перейти канаву, хотел обогнуть ее слева, чтобы выбраться на дорогу, но стал увязать и медленно погружаться в топь вместе со своей любимой рыжей лошадью...

Когда, наконец, с неимоверными трудностями и опасностью добрались до князя Игоря Константиновича, он был затянут в болото уже до самого подбородка, торчала над топью только голова и поднятые руки... Лошади уже не было видно... Когда голова его любимой лошади начала окончательно опускаться в болото, его высочество перекрестил ее...

Наконец, выбрались на более или менее твердую почву. По счастью, германский разъезд исчез. Вероятно, увидев, что эскадрон увязает в болоте, немцы решились идти дальше.

Гусар Кертович дал князю Игорю Константиновичу своего коня, а тот посадил Кертовича к себе на переднюю луку. Князь Гавриил Константинович также взял к себе на переднюю луку безлошадного гусара Рябых. И, таким образом, двинулись к поселку.

Когда мы добрались до домов, то эскадрона не было видно. Стали собирать отдельных, потерявших в болоте своих коней гусар и, собрав человек 10-15, в том числе и нескольких гусар из разъезда 6-го эскадрона, взяли на правление на предполагаемое местонахождение наших войск. По дороге из поселка были опять обстреляны. Вскоре увидели всадника, оказавшегося казаком. На душе сразу стало легче: казак мирно ехал по дороге, следовательно, не так уже далеко и свои. Дальше вышли на свою пехоту, оказавшуюся одним из полков 29-й пех. див. 20-го армейского корпуса. В полку всех весьма радушно приняли и накормили».

Когда мы, наконец, измученные, добрались на бивак, выяснились потери: семь гусар пропали без вести – вероятно, убиты либо засосаны болотом, убиты двое, посланные с донесениями, пятеро ранено, 37 коней убито или потонуло в болоте...

На следующее утро мы двинулись на соединение с полком. Мы двигались медленно, временами попадая в гущу других отступающих колонн. В это время русские войска начали отходить из Восточной Пруссии к своим границам. Одно время мы шли среди колонны, которую замыкали донские казаки. Они были панически настроены.

Совершенно не помню, где мы ночевали, – во всяком случае, лошадей мы не расседлали. На следующий день прошли через Тракенен и Гумбиннен. В одном из этих городков мы попали в дом, из которого только что ушел противник. На кухне оказалась вареная курица под белым соусом. Мы с Игорем с удовольствием ее съели.

В Тракенене, известном прусском конном заводе, я пошел искать себе лошадь. Я выбрал себе две больших рыжих лошади, на одну из них сел, а другую взял с собой, к большому неудовольствию одного из старших заводских служащих, который смотрел зверем, но не решался ничего сказать. В этот день, то есть 30 августа, мы проходили мимо штаба армейского корпуса, которым командовал генерал Хан-Алиев, производивший симпатичное впечатление. Начальник его штаба послал Игоря в разъезд, – мы совсем не были ему подчинены, но эти штабные господа любили пользоваться кавалерией, когда она им бывала нужна.

Вокруг нас и вместе с нами шли отступающие войска. Мы устали, но усталость как-то мало чувствовалась. Уже совсем стемнело, кругом пылали пожары.

Мы встретились с каким-то офицером, товарищем Раевского. Он предложил Раевскому поджечь немецкие дома. Раевский приказал мне поджечь находившийся неподалеку от нас дом, но я отказался исполнить это нелепое и жестокое приказание, считая его бесчеловечным. По счастью, Раевский не настаивал.

Наконец, за Вержболовом мы встретились с нашим полком. <...>

Наша дивизия, отступая из Восточной Пруссии, двинулась на юг, вдоль нашей государственной границы, по направлению к озеру Выштынец, имея в авангарде лейб-драгун. В арьергарде шли уланы ее величества. В это время по всем дорогам, идущим на восток, двигались части 1-й армии генерал-адъютанта Ренненкампа и их обозы, преследуемые немцами.

Около 10 часов утра 31 августа лейб-драгунский головной эскадрон столкнулся с противником. Началась перестрелка, и колонна остановилась. Командир лейб-драгун граф Нирод получил приказание от генерала Рауха нарядить несколько эскадронов для прикрытия отступавших пеших батарей, оторвавшихся от своих частей. Не успел граф Нирод отдать соответствующее приказание, как лейб-драгуны были обстреляны шрапнелью, причем лошадь графа была ранена пятью шрапнельными пулями.

Генерал Нирод не был осведомлен генералом Раухом, куда направлялась наша дивизия. Картина была не из веселых. Вдали пылали деревни, и зарево освещало всю местность. Слышны были разрывы снарядов и крики погонщиков обозных лошадей, выбивавшихся из сил. Все дороги были сплошь запружены обозами. Хаос стоял невероятный. При этом моросил мелкий дождь. Наша дивизия медленно двигалась на измученных лошадях, неоднократно останавливалась, так как ей приходилось проскакивать через пересекавшие ее путь обозы.

Моя лошадь была под седлом уже вторые сутки и качалась от усталости. Во время привалов, когда мы спешивались, я садился у борта дороги и на минуту засыпал. Из-за того, что приходилось отступать, настроение у нас было подавленное. Наконец, в Шильвишках можно было отдохнуть. Я здорово устал, но, несмотря на утомление, все же пошел на телеграф, который был далеко, отправить А.Р. телеграмму. Я посылая ей телеграммы, когда только было возможно. Обычно Рымарь давал их мотоциклистам штаба дивизии, которые очень добросовестно доставляли их на телеграф.

Каждый день генерал Раух далеко отводил нас на ночлег, потому что боялся оставаться на ночь вблизи противника. Эти переходы на ночлег были всегда большие и потому утомительные. Мы шли в темноте, на хвосте друг у друга, усталые, и дремали, сидя верхом.

Глава тридцатая. Сентябрь 1914

Последние записи в дневнике брата Олега

Между 20 августа и 11 сентября братом Олегом не сделано в дневнике ни одной записи. Пропущен также бой под Каушеном 6 августа. Правильнее всего предположить, что записи делались в другой тетради, но что эта тетрадь в походе утеряна.

Сперва Олег был при штабе полка. Но он все время стремился в строй. Наконец, его перевели во 2-й эскадрон, однако ответственных поручений ему

не давали и берегли его, потому что, несмотря на всю свою добросовестность и старание, он службы еще не знал. Офицеры эскадрона очень полюбили Олега и были с ним в самых дружеских отношениях. 11 сентября Олег записывает: «Утром, в 8 часов, получено было приказание строиться за деревней на поле оставшимся эскадронам ввиду приезда командующего армией. Люди, оставшиеся с больными лошадьми ушедших на разведку эскадронов, тоже выстроены. Вскоре было приказано перевести полк на другую сторону деревни и встать около драгун. Погода стояла хорошая. Между шоссе и Кошанами на поле мы ожидали приезда генерала Ренненкампа. Он поздоровался с полком и поблагодарил нас за усердную работу. После молебна, который был отслужен протоиереем Шавельским, была раздача орденов».

Когда приезжал генерал Ренненкампф, полк был выстроен в пешем строю, в резервной колонне. Я стоял на 4-м взводе. Ренненкампф приехал в сопровождении князя Белосельского-Белозерского, командовавшего при объявлении войны 1-й бригадой нашей дивизии. Но как только началась война, Ренненкампф прикомандировал его к себе. У Ренненкампа был, как всегда, очень бравый вид. Офицеров он не собирал и отдельно с ними не разговаривал.

Решительное наступление русских войск прекратилось только 11 августа на линии Лабиау – Типиау [Тапиау], в 30 верстах от Кенигсберга. Ко времени последовавшего затем отступления армии на Олитскую позицию, полк, равно как и вся 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, был переведен на левый фланг с целью задержать наступление громадных сил противника. Гусары блестяще выполнили свою боевую задачу, хотя и бывали иногда в довольно тяжелом положении, как, например, под Гольдапом.

В десятых числах сентября началось новое наступление, а к 20-му русские войска, непрерывно сражаясь, подошли вновь к германской границе. О том, что переживал в это время Олег, живо говорит его письмо к нашему отцу от 11 сентября:

«Не знаю, как и благодарить вас, наши милые, за все, что вы для нас делаете. Вы себе не можете представить, какая радость бывает у нас, когда приходят сюда посылки с теплыми вещами и с разной едой. Все моментально делится, потому что каждому стыдно забрать больше, чем другому, офицеры трогательны. К сожалению только, многие забывают, что нас много, и потому какая-нибудь тысяча папирос расхватывается в одну минуту и расходуется очень, очень скоро. Надо посылать много. У солдат нет табака, папирос, на что они очень часто жалуются: «Вот бы табачку али папирос!» Мы живем только надеждой, что на нашем фронте немцы скоро побегут, – тогда дело пойдет к концу. Так хочется их разбить в пух и со спокойной совестью вернуться к вам. А иногда к вам очень тянет! Часто, сидя верхом, я вспоминаю вас и думаю: вот теперь вы ужинаете, или ты читаешь газету, или Мама вышивает. Все это тут же поверяется взводному, который едет рядом.

Взводный мечтает в это время о том, что Бог поможет разбить немцев, а потом скоро придет время, когда и он, наконец, увидит семью. Такие разговоры с солдатами происходят часто. Иногда очень хочется увидеть вас, побыть с вами.

Я теперь так сильно чувствую это и думаю, и знаю, что вы там, далеко, вспоминаете нас, стараетесь нам помочь. Это очень нас всех ободряет. Я становлюсь «пипис», и мне стыдно перед товарищами, которые могут заметить, что на глаза у меня навернулись слезы.

Были дни очень тяжелые. Одну ночь мы шли сплошь до утра, напролет. Солдаты засыпали на ходу. Я несколько раз совсем валился на бок, но просыпался, к счастью, всегда вовремя. Самое неприятное – это дождь. Очень нужны бурки, которые греют больше, чем пальто.

Где Костя? Что он? Ничего не знаем. Слыхали и читали у тебя или у Та-тианы в письме, что его товарищ Аккерман ранен около него. Да хранит его Бог! Все за это время сделались гораздо набожнее, чем раньше. К обедне или ко всеобщей ходят все. Церковь полна.

Маленькая подробность! Недавно я ходил в том же белье 14 дней. Обоз был далеко, и все офицеры остались без белья, без кухни, без ничего. Варили гусей чуть не сами. Я сам зарезал однажды на собрание двадцать кур. Это, может быть, противно и гадко, но иначе мы были бы голодны.

Никогда в жизни не было у нас такого желания есть, как теперь. Белого хлеба нет! Сахару очень мало. Иногда чай бывает без сахару.

На стоянках картина меняется. Там мы получаем вдруг шоколад, даже какао, чай, папиросы и сахар. Все наедаются, а потом ложатся спать. Часто во время похода ложимся на землю, засыпаем минут на пять. Вдруг команда: «К коням!» Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься на несчастную лошадь, которая, может быть, уже три дня не ела овса, и катишь дальше. Расскажи все это Климову (наездник отца), которому мы все кланяемся и часто жалеем, что он не с нами. Скажи ему, что Диана сделала подо мной около 1000 верст по Германии. Она немного хромотает на правую переднюю, так как случайно растянула связки пута. Иногда хромота проходит. Ей пришлось прыгать в день по сотне канав, и каких канав! Идет она великолепно, и я всегда сам ставлю ее в закрытое помещение. Все наши люди здоровы. Передайте это, пожалуйста, их семьям. Макаров, Аверин, Кухарь (прислуга моих братьев) получили письма, первый даже несколько писем. У меня вестовой – столяр Мраморного дворца, шурин Румянцева-маляра. Вот совпадение!

Молитесь за нас. Да поможет Бог нашим войскам поскорее одержать победу». <...>

20 сентября был день ангела Олега. Я помню, что утром, когда полк строился, Игорь и я его поздравили. Было холодно, и Олег был в полушубке. Офицеры полка называли Олега, Игоря и меня «братьями Константиновичами». Как-то на одном из биваков, во время завтрака, полк. Звегинцев сказал так, что все это слышали: «Братья Константиновичи хорошо служат»... Конечно, нам это было очень приятно, тем более что похвалы в нашем полку раздавались очень скупно.

Возвращаюсь к записям Олега:

23 сентября: «...На север от Владиславова, впереди, ночью и утром гремят пушки. Мы отбили Ширвиндт, который сейчас занят нашей стрелковой бригадой. По словам прошедшего только что мимо нас раненого, немцы пытались вчера овладеть Ширвиндтом два раза».

24 сентября: «Идет бой под злополучным Ширвиндтом... Раух находится с главными силами где-то сзади и копаются. Нам нужны еще пушки... Ночевали сегодня в Жарделе... Наш маршрут: Жарделе, Печиски, Блювы, Гудойце, Раугали, Рудзе, Бойтеле и Атмонишки...»

25 сентября: «Сегодня мы выступили в 8 час. Мороз. Делали рекогносцировку на Радзен. Шел только один наш полк со взводом артиллерии. Передовые части вошли в город, из которого в это время выехало несколько велосипедистов. Дозорные по собственной инициативе поехали вплотную на велосипедистов. Убиты двое. Совсем непонятно, отчего вся дивизия не принимает участия в этой совсем бестолковой операции».

26 сентября: «Выступили в 8 час. утра. Предположено идти в Дайнен за-тыкать дыру, образовавшуюся между Стрелковой бригадой и 56-й дивизией, с целью зайти немцам, сидящим в Шукле, в тыл. Конечно, мы знали, что это не будет сделано. Мы сейчас сидим в одном фольварке уже 11 часов, не дойдя еще до Владиславова. Слышны пулеметы и артиллерийские выстрелы... Стрельба чаще. Пехота отходит. Команда: «К коням!» Нам было приказано прикрывать лавой отходящую пехотную дивизию. Когда подошли лавой, то заняли фольварк... Додик и я на третьем, Голицын на втором, а Кушелев на первом (взводе)».

На этих словах оканчивается запись Олега.

Глава тридцать первая. Сентябрь 1914

Смертельное ранение великого князя Олега Константиновича

27 сентября Олег был смертельно ранен и скончался в госпитале в Вильне 29 сентября. Вот как это описывает генерал Н.Н. Ермолинский:

«В ночь с 27 на 28 сентября получена была в Штабе армии из 3-го армейского корпуса срочная телеграмма такого содержания: “Раух доносит, что сегодня при лихой атаке на неприятельский разъезд ранен в ногу князь Олег Константинович. Чагин”. <...>

Ранение князя случилось при следующих обстоятельствах. 27 сентября, после полудня, 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, имея в авангарде два эскадрона Гусарского полка, наступала в направлении Владиславова. Проходя недалеко от деревни Пильвишки, боковая застава заметила неприятельский разъезд и начала его обстреливать. Немцы шарахнулись в сторону и наскочили на четвертый эскадрон Гусарского полка, шедший в голове колонны главных сил. Тотчас же был открыт огонь. Разъезд повернул опять, но встретил заставу его величества эскадрона под командой корнета Безобразова. Как раз в этот момент князь Олег, давно стремившийся в дело, стал проситься у эскадронного командира, графа Игнатьева, чтобы ему позволили с его взводом захватить зарвавшихся немцев. Эскадронный командир долго не соглашался его отпустить, но, наконец, уступил. Все остальное произошло очень быстро. Преследуя отступающий неприятельский разъезд, князь Олег вынесся далеко вперед на своей кровной кобыле Диане. Вот они настигают отстреливающегося противника... Пятеро немцев валяются, прочие сдаются;

но в это время в князя Олега целится с земли раненый всадник. Выстрел, и князь Олег валится с лошади...

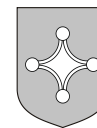
Первыми подскружили к раненому князю вольноопределяющийся граф Бобринский и унтер-офицеры Василевский и Потапов. Первые два принялись перевязывать рану, а Потапов был услан за фельдшером и с докладом эскадронному командиру. На вопрос, не больно ли ему, князь Олег ответил отрицательно. Общими усилиями раненого перенесли в близкий хутор, где фельдшер Путь сделал ему первую настоящую перевязку. Увидав прискакавших на хутор братьев, раненый обратился к князю Гавриилу Константиновичу со словами: “Перекрести меня!”, что тотчас же было исполнено.

Когда началась стрельба, ротмистр Раевский послал меня со взводом вправо от дороги, по которой мы шли. Я спешил взвод у какой-то изгороди и открыл стрельбу по противнику. После этого я прискакал на хутор, возле которого Олег лежал на животе на земле. Я дал ему образок. Олег страдал, и я подал ему яблоко, которое он стал грызть от боли. Я оставался при нем очень недолго, потому что мне надо было вернуться в эскадрон. Я был ужасно расстроен... Игорь оставался при Олеге...» <...>

Глава тридцать третья. Весна 1915

Слухи об «изменах» – Гибель на фронте Кости Багратиона

На фронте у нас начались неудачи и поползли зловещие слухи об «изменах». Генерал-адъютант Ренненкамф, как и Сухомлинов, подали в отставку, чтобы не быть уволенными. Ренненкамфа обвиняли в неудачах на фронте и в том, что он выпустил окруженную нами армию Гинденбурга. Конечно, мнения разделились, и одни были против него, а другие за. Так, генерал Ермолинский, находившийся в его штабе, стоял за него и утверждал, что Ренненкамф несправедливо осужден. Говорили, между прочим, что Ренненкамф – немец и что будто его родной брат командует немецкими войсками против нас. Все это были досужие выдумки. <...>

Взгляд с другой стороны

Предлагаем вниманию читателей воспоминания жителей города и округа Инстербург. Первый материал в этом ряду – глава из книги губернатора Инстербурга доктора Макса Бирфройнда, предоставленная для публикации калининградским краеведом и коллекционером Игорем Афониним. Другие три увидели свет на страницах журнала «Инстербургер Бриф» («Insterburger Brief»), подшивка которого передана в дар Черняховской библиотеке его издателем – Инстербургским землячеством (Крефельд, Германия).

Несколько слов о первом авторе.

Макс Бирфройнд (Max Bierfreund) родился в Шварценштайне (Восточная Пруссия, округ Растенбург) 22 октября 1865 г.

С 1892 г. жил в Инстербурге, где проработал врачом до самой смерти. Опубликовал ряд работ по вопросам медицины. В 1909–1916 гг. являлся членом городского собрания депутатов. В августе 1914 г. был назначен русскими властями губернатором города. В 1916 г. издал свои воспоминания об этом времени.

Доктор Бирфройнд скончался 2 февраля 1927 г. Одну из улиц инстербургцы назвали его именем.

Макс БИРФРОЙНД

*Русский парад и освящение знамен на Альтер Маркт**

5 сентября, примерно в час пополудни, русские провели на старой рыночной площади¹ своего рода походное богослужение, парад и освящение знамен. Под музыку военного оркестра три гвардейских полка, которым предстояло получить награды за свое победоносное участие в прошедших сражениях и благословение на будущие бои, одновременно с Банхофштрассе² и с Кенигсбергер

* Eine russische Parade und Fahnenweihe auf dem Alten Markt // Dr. Max Bierfreund. Meine Erlebnisse als Gouverneur von Insterburg während des Russeneinfalls. Würzburg. Verlag von Curt Kabitzsch. Kgl. Univ.-Verlagsbuchhändler. 1916. S. 94–95.

штрассе³ вступили на старую рыночную площадь и выстроились вокруг нее шеренгами по два-три человека друг за другом, в то время как офицерский состав в присутствии Верховного главнокомандующего Великого князя Николая и генерала фон Ренненкампа сгруппировался в центре рыночной площади. В направлении ратуши⁴ был установлен небольшой алтарь, украшенный тяжелым золотым распятием, усыпанным драгоценными камнями. Здесь же заняли место три знаменосца со своими полковыми знаменами. Необычайно торжественное и интересное зрелище началось со службы, которую отправляли четыре священника в полном облачении в сопровождении образованного из русских солдат хора певчих. Затем старший по чину священнослужитель окропил всех офицеров поодиночке святой водой, при этом он поцеловал распятие и руку Великому князю, в то время как все остальные офицеры целовали распятие и руку самому священнику. Священник также обошел строй нижних чинов и окропил всех святой водой. Затем генерал фон Ренненкампф произнес здравицу в честь царя, после чего полковые оркестры сыграли национальный гимн России. Вручением орденов и парадным маршем перед Верховным главнокомандующим завершилось это торжество, которое, наверное, навсегда сохранится в памяти тех, кто на нем присутствовал. О живейшем интересе к этому параду и в других кругах свидетельствует широкое распространение фотографических моментальных снимков, выпущенных фирмой Готтвальдта. <...>

Перевод с немецкого Л.В. Климовой.

Примечания

¹ Площадь Альтер Маркт, дословно «Старый рынок», до 1860 г. Марктплац («Рыночная площадь»), ныне площадь Ленина.

² Дословно «Вокзальная улица», с 1918 Гинденбургштрассе, ныне ул. Ленина.

³ Ул. Калининградская.

⁴ Старая ратуша Инстербурга – Альтер Маркт, 6 – стояла на углу Ратхаушштрассе («Ратушная улица», ныне ул. Князя М.Б. Баркляя-де-Толли), на месте 5-этажного дома (пл. Ленина, 1). Сохранились пристройки к ней рубежа XIX–XX вв.

*Август четырнадцатого - свидетельство очевидца**

Записано Альфредом Гаузе со слов парикмахерского мастера Вилли Пфаля из Грюнхайде, округ Инстербург, род. 02.03.1897 в Велау, умер в 1990 в Аренсбурге

В августе четырнадцатого я еще был учеником у парикмахера Фрица Подшувайта в Пилькаллене. Нас было там пятеро мужчин и одна девушка – дамский парикмахер. С 6 часов утра до 9 часов вечера и до 10 часов вечера в субботу мы были заняты на работе. В воскресенье мы работали только 8 часов – с 6 часов утра до 2 часов пополудни. Нередки были сверхурочные работы.

* August Vierzehn – ein Zeitzegenbericht // Insterburger Brief. 2004. 7/8, S. 168–172; 9/10, S. 218–220; 11/12. S. 278–279.

Долгий рабочий день не казался нам особенно мучительным, потому что мы и не знали, что может быть иначе. Живя на полном пансионе, мы не получали никакой зарплаты. Личные расходы оплачивали сами. От неплохих чаевых нам оставалось немного, так как мы должны были сами заботиться о своей спецодежде. Этот небольшой остаток приходилось тщательно распределять, чтобы хватило на танцы, ярмарку, цирк или кино. 50 пфеннигов уже были целым состоянием. В небольшой жестяной банке мне постепенно удавалось скопить несколько марок, которые шли на особые расходы. Но питание благодаря жене нашего мастера было хорошим – пятиразовое, обильное.

После 9 часов вечера мы были свободны и в большинстве случаев проводили время в веселой компании и занимались спортом. По субботам обычно ходили на танцы; после 12 часов уже не нужно было платить по 50 пфеннигов за вход, и нам оставалось кое-что на пиво. Плясали до упаду, так что пот заливал щеки, а сильноakraхмаленные стоячие воротнички промокали почти насквозь. Это продолжалось до 5 часов утра, а то и немного дольше. Но когда незадолго до 6 часов мастер приходил нас будить, мы уже лежали в постелях. Ему было вовсе не обязательно знать про наши гулянки.

В воскресенье после полудня мы отправлялись в Кашернингкен¹, где устраивались танцы под музыку деревенского оркестра. Дорога туда вела через красивый городской парк. Чаще всего мы договаривались с симпатичными барышнями. Такие вечера проходили в общем и целом очень весело. Но время от времени случались и драки из-за девушек. Так мы жили в то время – счастливые и довольные своей судьбой, хотя сегодня это вряд ли кто-то поймет.

Этой мирной жизни вскоре пришел внезапный конец: в воскресенье, в конце июля, это было уже вечером, когда мы любовались красивым заходом солнца:

«Специальный выпуск! – Специальный выпуск! – Австрийский престолонаследник Франц-Фердинанд убит сербскими фанатиками!»

Все танцевальные увеселения с этого времени были запрещены. Нам мало огорчило убийство престолонаследника, значительно больше запрет на удовольствия. Престолонаследник был для нас неизвестной фигурой, мы о нем никогда ничего не слышали; другое дело – император Франц-Иосиф. Он был нам хорошо известен по портретам. Аристократическая особа преклонного возраста с типичной императорской бородой.

На следующий день новые специальные выпуски: «Наш Император, Его Величество Вильгельм II, прерывает заграничную поездку в Норвегию! Австрия требует от Сербии удовлетворения». – «Сербия отвечает резким отказом. Ультиматум Австрии Сербии». – «Сербия игнорирует ультиматум. Россия становится на сторону Сербии». – «Вмешиваются французы и англичане».

Напряжение среди населения велико: крайняя опасность войны! Россия мобилизуется, после того как Австрия объявила Сербии войну. Как союзник Австрии мобилизуется Германия. Воодушевление в народе растет с каждым днем. Люди толпами устремляются на улицы и поют патриотические песни. Но я слышал и другие голоса, которые предостерегали: «Скоро вы будете думать иначе! Мы еще ощутим всю горечь войны».

И вот уже мы оказались в состоянии войны с Россией, Англией и Францией. Резервисты спешили под знамена. Из мужчин старшего возраста формировалось ополчение. Это было прощание со смешанными чувствами: здесь восторг, там душераздирающий плач. Объявили призыв добровольцев; они должны были приносить с собой сапоги и одеяла. На призыв отозвались многие. «Я не знаю больше никаких партий, только немцев», – с такими словами император обратился к рейхстагу. Лишь немногие люди думали иначе. На последних выборах в рейхстаг еще имелись партии, не желавшие выделять деньги на дальнейшее вооружение. Теперь и они изменили свои убеждения.

Первые появившиеся у нас солдаты были ополченцы. На выездах из города они сооружали шлагбаумы, потому что проверялись все покидавшие город или прибывавшие в него. В первые дни войны магистрат вдруг начал выдавать удостоверения личности, которые незамедлительно должен был получить каждый житель. Мастер дал мне задание – по мере надобности брить и стричь постовых. От магистрата я получил для этого особый документ. С ним я имел право проходить через все заграждения и посты в ближайших окрестностях.

При этом меня чуть не застрелили. Я думал, что знаком охране на Лазденер штрассе, потому что они меня недавно уже проверяли, и решил просто проехать через пост на своем велосипеде. Лазденерштрассе² очень крутая, и я ехал по ней в гоночном темпе. Вдруг сзади раздались окрики: «Стоять! Назад!» Так как я мчался на бешеной скорости, постовой решил, видимо, что это серьезный случай. Я очень отчетливо услышал: «Стреляю!» – и тут же щелчок затвора. Я сразу остановился и вернулся назад. Постовой угостил меня первой в моей жизни военной сигарой, и я смог поехать дальше по своим делам.

Вернувшись с работы, я сдал весь заработок. У меня не было собственных денег, все доходы, включая чаевые, я должен был отдавать мастеру. Самому приходилось довольствоваться простым «спасибо». И тут, ближе к вечеру, – приближающийся топот копыт на улице! Длинными рядами, заполняя всю улицу, скакали с гордой осанкой кирасиры. Их приветствовали с удивлением и восторгом. Для меня, да и для других тоже, это было нечто новое и необычное. Кирасиры проскакали через пилькалленский рынок на восток, в направлении Ширвиндта³. Их колонне не было конца. За ней следовали повозки, запряженные четверками лошадей – тыловые подразделения. Уже настала ночь, а конца все еще не было видно. Последней прошла конная артиллерия со всем своим снаряжением. Все это двигалось в направлении Ширвиндта. Мы ощущали радость, воодушевление и безграничную уверенность.

С нашей Мельничной горы [Mühlenberg], которая немного выше домов, открывался хороший обзор, особенно в восточном направлении. На горизонте в пяти местах горели пожары. Ясной ночью зарево было хорошо видно. Вроде бы это русские сжигали кордоны (сторожевые дома) на своей стороне; у нас таких не было. На Мельничной горе установили высокую мачту, говорили, что это радиомачта. Между тем можно стало разглядеть и пехоту.

Как солдатский парикмахер я имел возможность делать наблюдения за пределами города. У узкоколейной железной дороги, ведущей через узловой пункт Грумбковайтен⁴ на Лазденен⁵ – Шилленен⁶ и на Ширвиндт, располагалась на позиции пехота. Она была трудно различима в новой униформе, введенной

с начала войны. Узнать ее можно было только по коричневым брезентовым ремням от ранцев. Узкоколейка бойко перевозила множество людей всех возрастов в Пилькаллен, откуда они направлялись дальше, в Шталлупёнен⁷. Через город проезжали и битком набитые повозки с востока.

Первые неутешительные известия. У некоторых уже начало проходить воодушевление по поводу войны. У нас же еще царила безмятежная уверенность в скорой победе.

На востоке и на севере раздавался гром, как при начинающейся грозе. Заговорили пушки. Это было неожиданно. Но канонада приближалась, уже слышались отдельные пушечные выстрелы – русские наступали! Жизнь в городе пока шла как в мирное время. Однако работы прибавилось, так как некоторым приходилось теперь работать за двоих. В следующее воскресенье, уже поздно вечером, к мастеру пришел местный полицейский и сказал: «У тебя в мастерской есть военнообязанный, он должен явиться с велосипедом в штаб в отель Штрункуса». Я сел на свой велосипед и отправился в дивизионный штаб. Там уже собралось несколько человек.

В штабе нас проинструктировали, и мы получили задание – проехать как можно дальше до Виллюнена⁸ и разведать, не видно ли там врага. Его можно узнать по низким шапкам, пикам без вымпела или флажка, перекрещенным плечевым ремням. Если окликнут наши, громко и отчетливо отвечать: «Свои велосипедисты». Это пароль на сегодня. Понятно? Я ответил: «Так точно, господин капитан». То, что это был капитан, я знал, потому что его только что так называл какой-то солдат.

Итак, я сел на велосипед и поехал в сторону Виллюнена. Совсем один. Улица была пуста из-за введенного комендантского часа. Только у некоторых домов стояли часовые. Я уже миновал Паслёпен⁹. Вдруг оклик: «Стой, кто там?» Я быстро ответил: «Наши велосипедисты». Непроглядной августовской ночью я не заметил часового. Я показал свое удостоверение, которое по приказу начальства для надежности было спрятано в руле.

Меня пропустили. Часовой лишь предостерег меня: если я теперь замечу каких-нибудь военных, то это могут быть только русские. Итак, я ближе всех к врагу. В груди у меня слегка заскребли кошки, я медленно двинулся дальше. Что-то услышав, я остановился: конский топот, тявкающая собака – совсем недалеко. Ясно, враги! Ничего не оставалось, как только повернуть назад, и как можно скорее. Внезапно послышалось шипение в шине заднего колеса. Напуганный этим до смерти, я въехал в придорожное дерево. Слава богу, это оказалась только небольшая авария. Тяжелый камень свалился у меня с души.

Это произошло почти у Паслёпена, где я снова встретил часового. Тихо обменявшись несколькими словами, мы пожали друг другу руки: до скорой встречи. Это был новый вид прощания. Привычное до тех пор французское «адью» теперь утратило свою привлекательность. В штабе я доложил о результатах этой ночной разведки. Мой рапорт выслушали и кратко записали. Удостоверение мне велели сдать: «Хорошо, можете идти». После этого волнуяще

долгого дня я быстро улегся в постель, но только намного позже провалился в глубокий сон, из-за чего проспал подъем в 6 часов.

Ото сна меня пробудила пушечная канонада. Окна дребезжали, значит, это было недалеко. После завтрака мне пришлось снова идти к моим ополченцам, чтобы сделать их красивыми. По пути я воспользовался случаем осмотреться с Мельничной горы. На северо-востоке в направлении Грумбковайтена я увидел в небе облачко шрапнели. Радиомачту как раз демонтировали. На крыше больницы развевался флаг с красным крестом. От рынка шел пешком раненый улан с перевязанной рукой, и я показал ему дорогу до больницы, которая теперь называлась лазаретом. Тут подъехала телега с несколькими русскими, уложенными на запачканной кровью соломе.

После этих встреч и впечатлений воодушевление совсем меня оставило. Я подумал, что пора сматывать удочки. На домах были наклеены плакаты с приказом для всех военнообязанных – вернуться к месту проживания. Об эвакуации не говорилось. Но многие уже искали спасения в бегстве. Бесчисленные повозки оживляли улицы. Это было настоящее великое переселение народов. Сообщалось, что железнодорожное сообщение вскоре будет остановлено.

Жена нашего мастера приготовила для каждого из мальчиков, как она нас называла, по большому узлу с едой. Я использовал в качестве рюкзака наволочку в красную клетку. Вдруг – это было во время полдника – послышался ружейный огонь. Пули щелкали о стены домов. Я быстро накинул свой рюкзак на плечи, вскочил на велосипед и помчался прочь. Вверх по Бергштрассе, по Гартенштрассе на запад, потом дальше на юг по гумбинненской дороге.

Это было инстинктивное рефлекторное действие. Собственно говоря, я хотел выбраться на тильзитскую дорогу. Но сильная стрельба на перекрестке у магазина Штиха, где улица вела под гору к слесарной мастерской Лудшовайта, преградила мне дорогу. Внезапно стрельба прекратилась, наступила зловещая тишина. Я уже хотел было повернуть и посмотреть, что случилось, но решил ехать дальше. Я с трудом продвигался вперед на своем велосипеде, потому что повозки беженцев двигались с пешеходной скоростью и обогнать их было сложно. До Гумбиннена было 20 километров. Я прибыл туда к вечеру. Здесь люди не ощущали страха. Моему рассказу о положении в Пилькаллене они не верили. Они думали, что до Гумбиннена русские не дойдут.

У меня были родственники в Вальдхаузене¹⁰, железнодорожной станции к западу от Инстербурга по дороге в Кенигсберг; туда я и хотел добраться. К своим родителям в Норвилькишкен¹¹ я уже не мог поехать из-за близости фронта. Я пошел к вокзалу, там было оживленно. На перроне, называвшемся теперь платформой, было не протолкнуться. Среди прочих раненые, многие с пропитанными кровью повязками на голове и руках. Здесь царили подавленное настроение и слухи. Говорили, что в Шталлупёнене много погибших. Об этом рассказывали раненые. Первый батальон 33-го пехотного полка из Гумбиннена подвергся сильному обстрелу на рыночной площади в Шталлупёнене; потери были ужасными.

Перед отправлением поезда в Инстербург я взял билет и на свой велосипед. Поездка продолжалась долго, поезд часто останавливался в чистом поле.

Среди пассажиров я встретил знакомого приказчика из Пилькаллена, и мы с ним объединились. У него были связи на пивоварне Фрича в Инстербурге, туда мы и решили наведаться.

В Инстербурге на платформе та же картина, что и в Гумбиннене, – скопище людей. И здесь уже много раненых. Один и сегодня еще является мне в ужасных воспоминаниях. Его голова была обмотана толстой, пропитанной кровью повязкой. И он ходил туда и сюда перед входом в зал ожидания. С перевязанной головы блестели только его глаза, они правильно двигались.

При получении велосипеда я обнаружил на крышке ровный разрез. Я почувствовал себя жертвой покушения и очень расстроился.

Потом мы с приказчиком пошли к пивоварне. Дорога вела по Банхофштрассе (после войны Гинденбургштрассе) вниз до угла Венского кафе¹². Здесь мы свернули в сторону оврагов. Вскоре мы нашли пивоварню на обрывистом берегу реки Ангеррапп¹³. Как и большинство предприятий, пивоварня работала.

Наша просьба пустить нас переночевать была удовлетворена как само собой разумеющееся. Нам разрешили расположиться в конюшне. Сена и соломы здесь было достаточно. Пива мы могли пить сколько угодно. Мы проголодались. Я испытал большое разочарование, не обнаружив в своем рюкзаке хлеба. Забыла о нем жена мастера или подумала, что хлеб можно взять где угодно? Но его не было. Странно, но и по соседству хлеб закончился. Наши товарищи по конюшне тоже не могли нам помочь, у них у самих ничего не было.

Добрая жена мастера дала мне с собой достаточно продуктов лучшего качества: масла, колбасы, яиц и кое-чего еще. Но хлеб? Все-таки хлеб чего-то да стоит. Теперь я это узнал, пожалуй, впервые в жизни. Тем не менее я смог позволить себе на завтрак яйцо, немного колбасы и кусок сыра. Пивоварня добавила к этому пиво. Но пиво было теплое, и как же оно ударило мне в голову! Захмелев, я забылся глубоким сном, от которого отошел только к полудню. Прихорошившись, я снова почувствовал себя довольно свежим. Кроме своего набора инструментов я, к счастью, не забыл взять с собой мыло, полотенце и немного белья.

Желание найти хлеба погнало меня в город. Ведь где-то же он должен был иметься. У пекаря на Банхофштрассе все хлебобулочные изделия были распроданы, не осталось ни хлеба, ни булочки, ни пирога. Потребности армии были велики и удовлетворялись в первую очередь. Инстербург был мне еще чужим. Я стал искать следующего пекаря и нашел одного на Вильгельмштрассе¹⁴: тоже пустой магазин. Завтра, в 6 часов утра, до тех пор ничего уже не будет.

Бегать дальше в поисках хлеба я считал безнадежным занятием. Теперь следующим по важности делом была починка велосипеда. Я выбрал дорогу под гору, мимо Ульменплатц¹⁵, по Генеральштрассе¹⁶. Башня лютеранской церкви была мне знакома. Бывая у родственников в Вальдхаузене, я мог отчетливо видеть ее силуэт. Наконец на Прегельштрассе¹⁷ я нашел магазин, в котором согласились отремонтировать мой велосипед. День-два мне придется потерпеть, люди в армии, а один он много не сделает – так объяснил мне старик в магазине. Ни хлеба, ни велосипеда – а я так хотел к дяде и тете в Вальдхаузен.

Когда дома добрая женщина – жена нашего мастера – подавала ко второму полднику вместо бутербродов просто хлеб, мы недовольно ворчали, а надо было прислушаться к ее пророческим словам: «Вы еще будете искать корку хлеба и не найдете, и будете молить о ней, и никто не сможет вам ее дать!» Над ее словами мы только посмеивались, но они сбылись, и этот крайний случай наступил так скоро. Теперь я был готов охотно признать правоту жены мастера. И когда все пройдет, я буду просить у нее корку хлеба – это точно. Возчики еще не заезжали на пивоварню. Насосом я накачал себе пива и выпил его прямо на пустой желудок. Голод я утолил добрым куском ветчины, накрошив его небольшими кусочками. Приказчик из Пилькаллена покинул меня, больше мы с ним не виделись.

Я пошел еще раз на вокзал, чтобы посмотреть на людей и, возможно, встретить кого-нибудь из знакомых. Там все еще кипела напряженная работа. Женщины, старики, дети, сестры милосердия и солдаты стояли, ходили, смотрели, некоторые куда-то спешили. Служащий с широкой желтой лентой на фуражке давал пояснения нескольким людям одновременно. С фронта не было слышно ничего хорошего.

Прежде чем я улежусь спать, один дружелюбный конюх угостил меня полной кружкой пива. Когда утром в конюшне наступило оживление, я собрался и быстро отправился в ближайшую булочную. Магазин на Банхофштрассе как раз открывался, и его атаковало множество покупателей. Наконец подошла моя очередь. За пшенично-ржаной хлеб я заплатил 50 пфеннигов. В магазине аппетитно пахло свежим хлебом. Прямо перед магазином я отрезал себе горбушку. Внутри она была очень мягкая и вкусная, даже сама по себе.

Мой велосипед был еще не готов, мне сказали прийти за ним завтра. Но я так умолял, что мастер смягчился: ладно, вечером. До тех пор я отправился гулять. По дороге я увидел первых плененных русских. Их вели немецкие солдаты. Двое шли впереди с примкнутыми штыками по обеим сторонам дороги от Георгенбурга¹⁸. На тротуаре на Кёнигсбергер штрассе¹⁹ и на рыночной площади²⁰ безмолвной цепью стояли люди. Я узнал, что русских взял в плен 1-й армейский корпус под командованием генерала Франсуа в районе Краупишкена²¹. Там днем раньше прошел тяжелый бой. Русские потерпели поражение, и им здорово досталось. Теперь их отправляли в Берлин, примерно 3000 плененных. Они выглядели оборванными и грязными, но все это были крупные мужчины. Я с моим ростом 1,60 м чувствовал себя против них совсем крошечным. По русским были заметны тяготы прошедших дней; они устало шатались и шаркали по мостовой. Ничего удивительного, если они уже месяц или даже больше были в пути и, наверное, ночевали только под открытым небом; большинство из них явно побывало в бою. Колонна проходила по рыночной площади в направлении Кёнигсбергер штрассе.

Пленных сопровождали солдаты ополчения в старой синей форме с блестящими латунными пуговицами и в больших шлемах времен Освободительных войн²². Многие ополченцы имели окладистую бороду, которая шла им и вызывала уважение. Эти нарядно одетые мужчины способствовали разрядке напряжения среди зевак. Ополченцы с радостью принимали передаваемые им

подарки, преимущественно сигареты и сладости, и перебрасывались шутками с народом. Колонна казалась бесконечной. Да, думали мы, русские побеждены, через несколько дней война закончится. К тому же и из Франции одно за другим шли сообщения о наших победах. Насколько серьезным было истинное положение дел на фронтах, мы не имели представления.

К вечеру мой велосипед был готов, за ремонт мне пришлось раскошелиться на целую марку. На это ушли мои последние деньги. У меня осталось всего несколько медных пфеннигов. Однако я не слишком расстроился по поводу своего плачевного положения, преисполненный надежды еще до темноты окататься у родственников в Вальдхаузене. Там я часто проводил свои школьные каникулы вместе с пятью их детьми: тремя кузинами и двумя кузенами.

Уже смеркалось, когда я добрался до вожделенной цели. Тетя и дядя были поражены моим неожиданным появлением. В доме царила взволнованная неразбериха. Они как раз получили от руководства железной дороги указание приготовить самое необходимое из одежды и продуктов для эвакуации, так как железная дорога теперь будет работать только до Велау²³. На следующий день поезд спасения заберет всех людей, собравшихся у домов путевых обходчиков. Только железнодорожный персонал останется на своих постах до следующего распоряжения.

Эти меры обеспокоили население, и поползли слухи: дела у наших солдат плохи, они в тяжелом положении против русских. Вся наша 8-я армия отойдет за Вислу и оставит Восточную Пруссию русским. Вот тебе и на! Победа наших солдат под Краупишкенем и Гумбинненом – и теперь вдруг это отступление. Но в общем и целом мы не утратили мужества, несмотря на внезапно изменившееся положение.

В семье командовала тетя Ида. Она решила отправить дочерей Марту и Фриду и меня в Виттгиррен²⁴, а они с младшими детьми на поезде спасения должны были покинуть родину и вернуться после победы. Когда прибыл поезд спасения, стали прощаться. Было пролито несколько слезинок, но все воспринималось не так уж трагично; ведь долго путешествие не продлится. На рождество все снова будут дома, и солдаты тоже.

Остающиеся не только чувствовали себя покинутыми, но и боялись попасть в плен. Поэтому мы трое хотели как можно скорее оказаться в Виттгиррене, подальше от основных путей сообщения – железной дороги и шоссе, ведущих в Кенигсберг. Поскольку в этот день было уже поздно, а мои кузины должны были еще кое-что сделать по дому и по хозяйству, мы остались еще на одну ночь в Вальдхаузене. Когда рано поутру свистками заявил о себе следующий поезд спасения, мы спрятались, чтобы он вообще не останавливался у дома путевого обходчика.

Когда же поезд прошел, на глаза у нас навернулись слезы. Мы запрягли лошадь в телегу и отправились в Виттгиррен. Из тетиной домашней обстановки мы не взяли с собой ничего. В Виттгиррене тоже все готовились к бегству.

В деревне расположился эскадрон 9-го конноегерского полка из Инстербурга. Солдаты посоветовали нам поскорее уехать, ведь здесь могли появиться русские, а кроме них во всей округе не осталось никого из немецкой армии. Теперь мы уже сожалели, что не эвакуировались на последнем поезде спасения. Но все сожаления были бесполезны, и мы стали готовиться к бегству. Мы удлиннили телегу, а вместо боковых досок уложили длинные приставные лестницы. За неимением брезента мы натянули над повозкой половики, сотканые самой тетей Луизой. Тетя Луиза хозяйничала во дворе. Именно она содержала в порядке дом и ухаживала за домашними животными.

Тетя все время причитала. Будь ее воля, она погрузила бы с собой весь земельный участок. Они не могли ни с чем расстаться. Я тем временем отрубил головы 12 большим, почти взрослым молодым курам – чистокровным орпингтонам, которые как раз входили в моду как новая порода. Увидев, что стало с курами, она очень разозлилась на меня. Орпингтоны были ее гордостью.

Для оципывания кур опускали в горячую воду. Доставать их оттуда тетя не доверяла никому. Я не имел об этом никакого понятия, а девочки не любили это дело. Тетя умела обращаться с мясом, она была вдовой мясника. Нарубленных кур засолили с большим количеством соли в каменном горшке. Так, несмотря даже на жаркую погоду, мы на продолжительное время были обеспечены свежим мясом.

В передней части повозки мы оборудовали постель для меня и тети, место для девочек было сзади. Продуктами мы запаслись на совесть. Хлеб, колбаса, копченое мясо и яйца были упакованы в ящики. Среди поклажи было несколько мешков с зерном, шротом и мукой, а также картофелем. Разумеется, тетя подумала и о необходимой кухонной утвари. День выглядел мирным. Со стороны фронта ничего не было видно и слышно. С восходом солнца мы запрягли лошадь. Ее, как и других животных, еще раз хорошо накормили. Остающихся животных мы также снабдили достаточным количеством корма и воды. С двумя свиньями и несколькими курами нам пришлось расстаться. Отпущенная с цепи, собака с лаем носилась по двору, радуясь по поводу своего освобождения.

Можно было отправляться в путь. Мы не стали запирают двери, чтобы не создавать бессмысленных трудностей незванным гостям. Около 7 часов мы покинули двор, последней шла корова, привязанная сзади к повозке. Деревня была безлюдна; наверное, здесь уже никого не осталось.

Мы миновали крестьянские усадьбы Ляйтнера и Вендера. Перед усадьбой Шварца мы свернули к Ауксинне²⁵ – удивительно красивой речке, которая течет откуда-то с юга округа и впадает у Норкиттена²⁶ в Прегель²⁷.

Ауксинне шириной всего несколько метров, примерно 6-7. Ее берега местами круты и окаймлены лесом. Поблизости от деревни была только купальня, где вода доходила детям до колена. Самое ровное место сельские жители выбрали для брода. Для пешеходов рядом с ним имелся надежный мостик с перилами, который выдерживал наводнение и ледоход. Мы легко перебрались через реку. Но затем возникли трудности: противоположный склон был крут и ухабист. Мы, трое парней, подталкивали повозку сзади, а тетя вела лошадь в поводу. Нам пришлось приложить немало усилий, пока мы не выбрались

на возвышенность. Чтобы не слишком осложнять жизнь нашей лошади, мы пошли дальше пешком рядом с повозкой. Пес с лаем прыгал вокруг нас. Все было так печально, а он и тут находил для себя удовольствие. Чтобы корове было легче, мы отвязали ее от повозки и ввели за веревку.

Выехав на шоссе, повозка покатила быстрее. Теперь мы могли ехать дальше до запланированной цели – Велау, через Обелишкен²⁸ и Норкиттен. Но дорогу все сильнее запруживали повозки беженцев. Начались пробки. Уже перед Обелишкеном мы больше стояли, чем ехали. Тетя Луиза вскоре пришла в дурное настроение и начала причитать: «Так не пойдет, надо возвращаться!» Мы, парни, присоединились к ее мнению повернуть обратно. Но это было не так просто. Наконец мы нашли просвет, через который благополучно выбрались на небольшую полевую дорогу, ведущую в Скунгиррен²⁹. Ауксинне мы пересекли на этот раз у Фриденсфельде³⁰. К полудню после короткого путешествия мы снова были дома.

Примечания

¹ В тексте – Kascherningken; вероятно, имеется в виду Karszariningken – Карчарнингкен, с 1950 пос. Железнодорожное Краснознаменского района (в нескольких километрах к югу от Добровольска – бывшего Пилькаллена).

² Так в тексте: в данном предложении – слитное написание названия улицы, в предыдущем – раздельное.

³ Ныне пос. Кутузово Краснознаменского района.

⁴ В тексте – ошибка или опечатка: Grumbkoweitien; правильно – Grumbkoweitien, Грумбковкайттен; с 1928 Грумбковсфельде, с 1947 пос. Правдино Краснознаменского района.

⁵ Краснознаменск.

⁶ Пос. Победино Краснознаменского района.

⁷ Нестеров.

⁸ Ныне не существует (район кургана Измайлово у озера Бородинское, ранее называвшегося Виллюнер-зее).

⁹ Поместье близ Пилькаллена.

¹⁰ Ст. Пастухово, Черняховский район.

¹¹ Пос. Становое Краснознаменского района.

¹² Кафе «Старая Вена» находилось на месте бывшего сквера перед магазином «Гринвест» (угол улиц Ленина и Спортивной).

¹³ Комплекс зданий пивоварни, основанной братьями Бернеккерами в 1860-е гг.

Перевод с немецкого Л.В. Климовой.

на берегу Ангералп, сохранился и используется городскими предприятиями (ул. Заводская).

¹⁴ Ул. Пионерская.

¹⁵ Теперь парковка и площадка со скульптурой оленя у нового торгового центра (угол улиц Пионерской и Госпитальной).

¹⁶ Часть совр. ул. Пионерской между ул. Госпитальной и пл. Ленина.

¹⁷ Ул. Прегельная.

¹⁸ Ул. Партизанская (по ней проходит дорога в пос. Маёвка – бывш. Георгенбург).

¹⁹ Ул. Калининградская.

²⁰ Пл. Ленина (бывш. Альтер Маркт).

²¹ Пос. Ульяново Неманского района.

²² В немецкой историографии – войны за освобождение германских земель от наполеоновских захватчиков (Befreiungskriege 1813–1815).

²³ Ныне пос. Знаменск Гвардейского района.

²⁴ Поместье неподалеку от селения Грос-Виттгиррен – совр. пос. Родниково Черняховского района.

²⁵ Река Голубая.

²⁶ Ныне пос. Междуречье Черняховского района.

²⁷ Река Прегола.

²⁸ Пос. Зеленцово Черняховского района.

²⁹ Пос. Пеньки Черняховского района.

³⁰ В то время селение называлось Грос-Аукскаллен, ныне не существует.

Мета ВАЙХЕРТ

*В 1914 году**

В августе этого года исполнилось ровно 60 лет с того времени, как русские вступили в Инстербург. Тогда я была еще маленьким ребенком, но воспоминания о тех днях стоят перед моими глазами так отчетливо, как будто это было только вчера. В то время моя мать была серьезно больна, и поэтому мы не могли бежать из города.

Любопытство выгнало меня на улицу безо всякой опаски. Так я увидела русский патруль, проезжавший по улице верхом с высоко поднятыми винтовками. Время от времени слышались выстрелы, ведь в городе еще оставалось несколько небольших групп из немецкой роты велосипедистов.

Когда в гостинице Фриделя на Театерштрассе¹ подстрелили одного русско-го, патруль повернул назад, но немецкие солдаты уже исчезли. Вскоре после этого длинные колонны русских вступили в город.

Солдат разместили на лугах перед городом, а офицеры вскрывали квартиры сбежавших горожан и устраивались в них на постой. В наш дом вселились два уже немолодых офицера. Это было для нас крайне неприятно, ведь мы приютили в своей квартире немецкого солдата, раненного под Гумбинненом.

Известный врач доктор Бирфройнд принял на себя руководство городом и вел все переговоры с русскими оккупационными войсками. Всем взрослым велели выйти на работу. Многие мужчины, как и мой отец, вступили в вооруженный отряд горожан, что-то вроде полиции.

Через несколько дней на Альтер Маркт состоялся парад победы. Многие граждане Инстербурга окружили рыночную площадь в качестве зрителей. Несколько священников окропили русских солдат святой водой, состоялось награждение орденами, играл военный оркестр. Великий князь Николай Николаевич на голову возвышался над коренастым, усатым генералом Ренненкампом. Среди зрителей находился и человек в тюремной одежде, к удивлению и ужасу зрителей громко ругавшийся сам по себе. Как выяснилось, он был солдатом, отставшим от велосипедной роты. Несколько позже он вроде бы обслуживал русских в отеле «Дессауэр хох».

Когда однажды один из живущих в нашем доме офицеров пришел за мной, всех охватил ужас, но русский только погладил меня по голове и сказал, что у него дома осталась такая же дочка. Он дал мне русский солдатский хлеб и попросил обменять его на немецкий. Мы покупали его в булочной Райта на Мюленштрассе², и за ним приходилось стоять в очереди.

Как и многие другие инстербургские граждане, мой отец тоже оказался в числе заложников. Когда он вернулся целым и невредимым, то сел за пианино и заиграл «Боже, славим мы тебя...»³. Услышав эти звуки, появились оба русских офицера и попросили отца сыграть что-нибудь из Шопена и Бетховена. Отец сделал это, русские поблагодарили. Но когда затем отец, к нашему большому

* Weichert Meta. Im Jahre 1914 // Insterburger Brief. 1974. 9/10. S. 158.

удивлению, заиграл «Германия, Германия превыше всего»⁴, русские, хотя выражение их лиц почти не изменилось, все-таки сказали довольно резко: «Ну, хватит!» Тем не менее они и дальше оставались дружелюбными по отношению к нам.

На богослужения в лютеранской церкви люди устремлялись толпами. Суперинтендент Ляйдерайтер утешал верующих и внушал им надежду. Из каких-то источников он, по-видимому, получил известие о перемене военного положения и дал понять своим слушателям, что освобождение не заставит себя долго ждать. Однажды ночью над нашим городом послышался звук цеппелина, который можно было четко различить на ясном небе. Канада становилась все сильнее, и, наконец, в сентябре наш город снова стал свободным от врага.

Перевод с немецкого Л.В. Климовой.

Примечания

¹ Ныне Ул. Л. Толстого.

² Ныне ул. Партизанская.

³ «Großer Gott, wir loben dich...» – экуменический гимн, написанный в XVIII в. на основе латинского гимна «Te Deum».

⁴ «Deutschland, Deutschland über alles» («Das Lied der Deutschen») – «Песнь немцев», или «Песнь Германии», написанная Гофманом фон Фаллерслебеном на музыку Йозефа Гайдна в 1841 г.

Автор публикуемых ниже воспоминаний – Вильгельм Бриндлингер – родился 21 октября 1890 г. под Инстербургом, в Пирагинене, в семье учителя. Посещал гимназию в Инстербурге, изучал право в Кенигсберге и Галле. Юридическую карьеру начал в участковом суде Инстербурга, потом переехал в Хайдекруг, где работал адвокатом и нотариусом, затем в Мемель. Здесь в 1931 г. был избран обер-бургомистром (находился на этом посту по 1945 г.). Председательствовал в Мемельском обществе спортивного плавания (Schwimm-Sport-Verein). После отъезда из Восточной Пруссии жил в Мюнхене. Как говорили друзья В. Бриндлингера, он открыл в себе поэтическую жилку. Его стихи и рассказы, проникнутые тоской по родине и многообразными – от юмора до горечи – чувствами, публиковались в журнале Общества инстербургцев «Инстербургер бриф» и изданиях некоторых других землячеств. Умер 19 июля 1967 г. По свидетельству Г. Ульриха, в столе у доктора Бриндлингера, в рукописи, осталось несколько прекрасно написанных романов о родине, посвященных преимущественно Мемельскому краю, однако, по своей скромности, автор не торопился найти издателя.

Вильгельм БРИНДЛИНГЕР

*Клопы, бомбы и тыл**

Инстербург, любимый город! Ты был близок мне, как никакой другой. Но знал ли я тебя? Когда я размышляю над этим вопросом, то никогда не могу ответить на него утвердительно, потому что я помню тебя разным. Ты меняешь не только облик, но и характер в зависимости от того, в каком качестве

* *Brindlinger Wilhelm. Wanzen, Bomben und Etappe // Insterburger Brief. 1964. 9/10. S. 201–206.*

я возвращаюсь к тебе в воспоминаниях и снах. Вот я, например, малыш, которого родители взяли с собой «в город» – ты беспредельно, необозримо велик. На твоих широких, непривычно твердых для меня каменных улицах кишат повозки, велосипедисты, собаки и люди, которых я никогда не видел – молодые и старые, большие и маленькие, во всевозможных одеждах, шляпах и шапках. Колокольня упирается шпилем прямо в небо; дома с нижними окнами величиной с амбарные ворота и рядами верхних окон уходят ввысь, так что можно свернуть себе шею, прежде чем доберешься взглядом до крыши! Куда смотреть? Что слушать? Вокруг скрип, крик и смех, стук копыт и шум колес, так что детские вопросы не достигают материнских ушей. И в суматохе на тротуарах или рынках приходится со страхом цепляться за ее руку или юбку, чтобы не снесло людским потоком, чего доброго, в повозку к цыганам.

А когда я, сразу же после этого или на следующую ночь, прихожу к тебе, например, студентом на каникулы после берлинского семестра – господи боже, ты совсем другой! Этакий сонный городок. Время от времени прогремывает повозка по улицам со старомодной неровной булыжной мостовой, да и не такое уж множество людей оживляет широкие плиты тротуаров. Дома стоят низкие и скромные, некоторые одноэтажные. И тихо так, что у магазина Бренделя слышно, как перед «Красной аптекой» грызутся собаки¹. «Гнездо», – говорит разум; «и родное», – добавляет сердце. Это крайности. А между ними лежит многое, самое разное, когда я являюсь себе во снах как первокласска, старшекласник или член земельного суда. Определенно: ты уменьшаешься по мере моего взросления и зрелости и вместе с тем становишься мне все ближе и дороже. Думаете, это естественно? Отнюдь; ведь мой родной Пирагинен² остается для меня одним и тем же, каким бы я туда не вернулся – все так же высоки его липы, березы и каштаны, все так же низко горбятся под ними его буро-зеленые и коричневые крыши, все так же блестят зеркала его прудов. Пирагинен я знал и знаю – но тебя...

Когда же я вспоминаю об определенном времени, ты представляешься мне особенно чужим, и об этом я должен рассказать. Весной 1915 года я нашел тебя изменившимся, особенным, и таким ты кажешься мне уже почти полвека, когда я думаю о том времени. А если я при этом возвращаюсь в одну из твоих жемчужин, в Общественный дом...³ Однако стоп, не стоит забегать вперед.

«Зимнее сражение» отбросило русских из Восточной Пруссии. Никогда еще это название не было более подходящим: зима, снег и холод были и передним планом, и фоном сражения. Наша 1-я кавалерийская дивизия принимали в нем активное участие, особенно мы, принца Августа 2-й кавалерийский полк, в большинстве случаев бок о бок с Инстербургским 12-м уланским полком и 9-м конно-егерским. Со временем мы заметили, что в качестве левого крыла прикрываем наступающую на юг группировку от неманских крепостей Ковно, Олита и Гродно. Мы не слезали с коней, мерзли, голодали, при случае спали, разумеется, тоже на холоде. Время от времени мы стреляли, хотя по-настоящему только перед Гродно. Там мы приготовили верхний слой, а точнее, «шоколадную глазурь слоеного пирога», в котором испеклись русские войска.

Затем мы продвигались по Южной Литве, задерживаясь тут и там, однако, к нашей досаде, не очень далеко от границы – и это после такой победы!

Где и как я подхватил то, что позже, в военном госпитале, было диагностировано как ботулизм, я не знаю. В походах после нашей победы мне становилось все яснее, что ни мой желудок, ни кишечник не желают удерживать хоть что-нибудь из более или менее приличной еды, которую подвозили на повозках снабженцы и готовила полевая кухня, и это было мучительно по разным причинам. Обратиться к врачу? Возможно, отправиться в военный госпиталь без почетно кровоточащей раны, а только с болями в животе и рвотой – это шло вразрез со старой воинской честью. К тому же эксперименты показывали, что поджаренный хлеб и кофе иногда задерживались в желудке. Это, конечно, было ошибкой, если не легкомыслием, и тем не менее я практиковал это много недель, пока однажды утром не решил, что больше не могу и не хочу терпеть. Наш замечательный главный врач пришел, обследовал меня, обругал и отправил в тыл на повозке, возвращавшейся после подвоза продовольствия. Хотя меня неоднократно перегружали с повозки на повозку из одной колонны в другую, поездка при моей летаргии запомнилась мне только одним – смехом: вблизи границы меня подвергли дезинсекции; ведь не мог же я дать завшиветь Германской империи! Мне было на все наплевать; но когда я получил обратно прожаренную одежду, как же изменилось мое собственное замшевое нижнее белье! Усевшее до младенческого размера, оно сделалось жестким, как древесный гриб. Нечто, формой и цветом напоминающее пряник, как смеялись надо мной товарищи. Невозможно было не рассмеяться в ответ. А что мне оставалось делать, глядя на горизонтально торчавшие бывшие рукава длиной 20 см или на растопыренные штанины длиной 30 см? Я подарил их дезинсектору, он швырнул их мне обратно; там я их и оставил. При этом мы еще и переругивались. Свободный ото вшей и только что (48 часов назад) выкупанный, я оказался там, где меньше всего ожидал, – на Новом рынке⁴ Инстербурга, у портала Общественного дома, – и вошел туда на своих ногах.

Да, я сам, на дрожащих ногах, «промаршировал» в госпиталь, в который превратился Общественный дом. Полевой госпиталь, запасной военный госпиталь? Забыл! Скорее, полевой госпиталь, потому что все лежали вперемешку: тяжелораненые рядом с легкоранеными, раненые среди больных. Не важно, что это было, главное то, что я получил койку в Малом зале – ведь я прошел дезинсекцию, что было засвидетельствовано в сопроводительном документе, который мне застегнули в петлицу, где я предпочел бы видеть Железный крест.

Сначала я лежал в апатии или в полусне; но кое-как умудрился нацарапать открытку родителям. Было ощущение нереальности. Оно прошло через несколько дней, по мере выздоровления и особенно после того, как меня навестили родители и сестра, радостные и счастливые и с гостинцами, которые я не мог есть. Я заметно приходил в себя, хотя время от времени еще воспринимал все как сон. Возможно ли это? Ты месяцами жил под открытым небом с постоянно подавляемым, но непреходящим чувством, что сладкая жизнь не гарантирована завтра, не говоря уже о послезавтра; как можно лучше ухаживал за своей лошастью и ее сбруей; долгие дни и еще более долгие ночи

проводил в седле, мерз, страшно голодал и отчаянно ругался. А теперь? Ты вдруг оказываешься дома, лежишь в безопасности среди товарищей, на койке с чистыми простынями, и каждый день к тебе приходят родители и сестра, да еще с великолепными харчами, которые скоро можно будет уплести – пока еще нет, но, надо надеяться, уже скоро!

* * *

Да, сначала я часто боялся спать, закрывал глаза и тут же открывал их, дабы убедиться, что я действительно лежу в Малом зале Общественного дома. Какие воспоминания! Здесь, в так красиво обшитом панелями зале рядом с концертным, мы, будучи гимназистами, устраивали с девушками из хора Общества духовной музыки танцы после больших концертов и представлений, а также частенько и после репетиций, если нам удавалось улизнуть от почтенного дирижера Нотца. И там стоял стол, за которым мы сидели на выпускном вечере в перерывах между танцами, и рядом со мной – «она» с золотистой моцартовской косой! Неужели это сон? Нет, реальность! И во мне расцвело блаженство, разрастаясь и превращаясь в теплое продолжительное ощущение счастья. Ведь скоро я после почти 10-месячного перерыва вернусь в Пирагинен, окажусь в родном доме, под тремя знакомыми липами. И все это на самом деле!

* * *

Как только я вернулся к нормальному состоянию и к участию в окружающей жизни, то сразу оказался в центре большой проблемы госпитального сообщества. Впоследствии я больше года пролежал в бесчисленных военных госпиталях, и в каждом из них была основная, хотя и не всегда любимая, тема, например, симпатичная сестричка или противная старшая сестра, паршивая кормежка или наглые санитары, по-свински грубый штаб-лекарь или еще что-нибудь – неважно что, но оно было везде. Но нигде не встречал я такой господствующей темы, которая определяла бы все разговоры и мысли, как здесь. Она занимала добрых четыре пятых из 24 часов в сутки. – Клопы, «наши» клопы!

Да, прекрасный Общественный дом со всем его содержимым страдал от нашествия клопов. На него, подобно полчищам саранчи, напали легионы клопов – и захватили. Причину мог назвать любой: койки из казарм! И было достаточно экспертов по клопам, готовых разъяснить, какие молниеносные последствия может иметь импорт всего лишь нескольких экземпляров на развод и как бурно разрастается потомство на перенаселенных внутренних пространствах. Особо опытные знатоки доходили в своих рассуждениях до того, что ввоз даже одной особи является ненужной роскошью! Да-да, дискуссии на узкоспециальную тему выявили, что перепроизводство потомства должно наступить неизбежно, если для разведения клопов достаточно пропитания и укромных мест – как здесь, в нас лично и в стенных панелях. Итак, на всех уровнях было выяснено, как должны развиваться события.

Если я ничего не заметил в первую ночь, то это объяснялось тем, что меня клопы не любили. Не потому, что я был пропитан никотином, как теперь; тогда я вообще не курил. Нет, они пренебрегали мной по неизвестным причинам,

вызывавшим зависть окружающих, хотя использовать мою койку в качестве ночлежки не отказывались. Я, наверное, просто был им не по вкусу. Хотя нет, это неправда! Конечно, не имеет смысла спорить о вкусах с клопами; но все-таки, чтобы оценить меня, хоть один клоп должен был бы снять с меня пробу, а они даже не пытались этого сделать! Да, как ни неприятно в этом признаться, но, говоря по совести, я был для них слишком неаппетитным!

Но шутки в сторону! Было чертовски больно смотреть, как страдали мои товарищи, кто-то больше, кто-то меньше. Светлокожие блондины были особо отмечены в меню клопов. Ночи были беспокойными, почти все устраивали засаду и охоту на клопов. Однако по утрам следы на лице и теле показывали, что клопы оказались хитрее: красные шишки, обширные опухоли. Кому это удавалось, те проводили ночи в чуланах и других соседних помещениях без коек на столах и скамьях. Хуже всего, пожалуй, было моему соседу слева с грудной клеткой в гипсе: эти твари держались в панцире на его груди даже днем!

Из альтруизма я по утрам присоединялся к остальным, обходя все койки с горячей спичкой, и радовался тихому треску, сигнализовавшему еще об одном поджаренном клопе. Несколько десятилетий я хранил иммерманновского «Мюнхгаузена» из-за зажатого в нем трупа клопа. Эта наглая тварь отважилась ясным днем, когда я читал, пробежать по раскрытой странице, и я молниеносно захлопнул книгу. Одного этого достаточно, чтобы показать, насколько клопы заполнили дом. А что можно было сделать? При обшивке стен панелями помочь могла только обработка запертых помещений газом, а койки были необходимы. В общем, если клопы и размножались в мое время, то без моей помощи. Ну и хватит об этих вонючих тварях!

Я мог уже вставать с постели, когда однажды в первой половине дня по госпиталю резко прозвучало: «Тревога! Русские летчики!» Мгновенно все, кто был на ногах, в бело-синих полосатых пижамах устремились на улицу мимо взволнованно протестующих санитаров. Где? В самом деле, слышалось гудение, и в направлении водонапорной башни летел самолет, довольно высоко; похоже, это был биплан. Однако общее внимание было привлечено громкими, перекрывающими друг друга командами: на рыночной площади, как обычно, собралось несколько обозных колонн. В одной из них, видимо только что прибывшей, близости от «Тиволи»⁵ седобородый фельдфебель-лейтенант пытался собрать в нечто типа каре свою команду с древними однозарядными маузерами. Так его, наверное, когда-то учили отражать атаки кавалерии. Да, это был русский самолет! Теперь был виден белый, синий и красный цвет колец под крыльями, и он летел на нас! «Прицел 1200! Заряжай, огонь!» – раздалась команда, и протрещало нечто вроде залпа. «Заряжай! Целься, огонь!» Действительно, по команде его люди стреляли и стреляли залпами, и теперь уже довольно точно вертикально вверх, и все еще продолжали стрелять, когда летчик повернул налево и стал удаляться над Гартенштрассе⁶. И тут разрыв, примерно как от 7,7-см гранаты, только круглее и ярче. С прицелом 1200 они салютовали русскому, пока он не скрылся из виду. «Идиот! С прицелом 1200 вертикально вверх!» – злился какой-то старый вояка с окладистой бородой. «Да пусть стреляет! Когда ему еще доведется?» – со смехом утешал усатый, и тут раздался – в отдалении – еще один разрыв. «Все по-дурачки, – ворчал бородач, – а при стрельбе вверх могло

бы что-нибудь получиться». – «Ну, брат, этот старый мерин со своей армией все-таки мог его и подбить», – радовался усатый.

Это было нечто; даже клопы до вечера были забыты. К сожалению, радость по поводу художественной залповой стрельбы несколько поутихла, когда стало известно, что погибла молодая девушка. Я уже не помню, где это произошло, но перед глазами все еще стоит дыра величиной с кулак, которую оставила бомба в толстой тротуарной плите примерно у дома Залеккера⁷ на Гартенштрассе. Замечательная взрывная сила! И это в то время!

Было утешительно узнать, что самая первая бомба, сброшенная в Шлюхтене⁸ на спортплощадку, где занимался школьный класс, не причинила никакого вреда. «Наверное, она предназначалась для солдат», – такой был сделан вывод. Это был второй русский летчик, которого я видел, и последний. Первого мы в январе вынудили совершить посадку у Шорелленского леса, под Клоненом⁹, о чем я тем же вечером рассказал отцу и Мете, когда они привезли мне меховую куртку.

Прошло несколько недель, прежде чем я выписался из госпиталя с приведенными в порядок потрохами и прибыл на сборный пункт в замок, в уланскую казарму. Теперь приходилось ждать отправки транспорта в 1-ю кавалерийскую дивизию. Это длилось довольно долго и поначалу меня не тяготило. Я был целыми днями свободен, мог даже наносить короткие визиты в Пирагинен и гулять по городу, где угодно и сколько угодно.

Но что это? Такого Инстербурга я не знал. Город, его жизнь, сама его суть казались совершенно иными: с одной стороны – нервными, почти лихорадочными, с другой стороны – какими-то затхлыми. Каждый местный, с кем бы я ни говорил, был абсолютно уверен в победе и убежден, что опасность со стороны русских окончательно устранена – уверен и убежден, как в самом себе. Но сегодня я думаю, что все мы были не так уж уверены; темная туча висела над нами слишком долго, а восточный ветер... И от этого дух нечистой совести витал над такими беседами.

Странно еще и то, как мало в городе было знакомых – я имею в виду тех, кто был мне дорог. Кто был на войне, а кто уже и в могиле. Знакомые барышни носили где-то косынки сестер милосердия. Правда, люди в военной форме с избытком заполняли все образовавшиеся пустоты. Военные в самой разной форменной одежде, как снаружи, на улицах и в переулках, так и внутри, в кафе и кабаках! Но если среди них не было нескольких раненых, ускользнувших из лазарета, то мы относили их к той категории, которая, хотя это был вздор, вызывала у нас насмешки: к «героям тыла». Да, мы, фронтовики, надменно смотрели на тыловиков сверху вниз. И это приклеилось ко мне, хотя очевидно только часть из них была «зажравшейся» и «красноносой», а не все, как мы считали. Да, как быстро и легко можно поддаться предубеждению! И стоит поклониться многим из всех этих спящих снабженцев, интендантов, казначеев и т.п. и еще отдать им честь.

Нет, напрасно я искал в мельтешащей тыловой толпе мой Инстербург и поэтому с каждым днем все больше тосковал по своей батарее. Меня не мог

утешить даже Пирагинен. Только радость оттого, что я снова дома, позволяла мне забыть о том, что русские украли у меня или уничтожили. Они порвали все фотографии моих студенческих лет; потому что те так и лежали среди разбитых настенных картин и книг из опустошенных шкафов и полок, и все покрыто кучами дерьма, этим азиатским приветом. Но только ли они украли всю мою одежду, вплоть до визитки цвета кофе с молоком, и все белое, а также снаряжение для фехтования и коллекцию студенческих головных уборов, из коих некоторые я видел годы спустя на головах камсвикенских и тамовишкенских сорванцов? Кто знает?

В. Бриндлингер (слева). Фотоателье В. Лутката, Инстербург.

Когда позже в замке объявился бородатый критик обстрела самолета, пехотный фельдфебель Саарбрюккенского XXI корпуса и симпатичный парень, я с удовольствием показал ему Инстербург, так сказать, изнутри – от Дюнкеля¹⁰ до «Зеленой кошки»¹¹. Он сделал то, что не удалось моей матери: затащил меня к фотографу. Случилось это так: я купил у него большой браунинг, поскольку чувствовал себя недостаточно вооруженным. Мы стояли в одной из оконных ниш замка. Я присел на край подоконника, широко расставив ноги. Он стоял передо мной, также в оконном своде в многометровой толще наружной стены, и пытался объяснить мне устройство пистолета. Хотя я уверял, что знаю этот механизм, он настаивал на обучении – и случайно выстрелил мне между широко расставленных ног. Ясное дело, меня как ветром сдуло в коридор; но он просто окаменел с открытым ртом на ошарашенном лице. Наконец, бледный как мел, он начал заикаться: «И я 8 лет был унтер-офицером... и я был...» – и так далее, одно и то же, целых 5 минут! Что я мог сделать? Я рассмеялся, хотя мог бы повести себя иначе. Но это было ужасно забавно. Потом на глазах этого воина, прошедшего огонь и воду, выступили слезы; он обнял меня и пожелал непременно получить на вечную память мое фото. Мне пришлось пойти с ним, вопреки моей нелюбви к фотографированию, и так мы оказались в «Художественном фотоателье В. Лутка»¹² на Гинденбургштрассе. Ему это удалось; но был ли он в конечном итоге так же рад, как моя мать, я сомневаюсь. Вот так, несколько необычно, появилась фотография добровольца ефрейтора В. Бриндлингера.

Наконец на сборном пункте набралось 7 или 8 человек для отправки в 1-ю кавалерийскую дивизию; гордым руководителем группы стал я! Прекрасным весенним днем мы сначала ехали, а затем – от Виштитена¹³ – шли пешком на восток в тыл дивизии. Я очень старался, хотя и не слишком успешно, скрыть за бравадой свои переживания после прощания с родными и с Пирагиненом. Расставание с Инстербургом было легким. Город угнетал меня. И потому я нечасто вспоминаю тыловой Инстербург, а если и вспоминаю, то только клопов, бомбы и ошарашенного вице-фельдфебеля с окладистой бородой, и кто поставит мне это в вину?

Перевод с немецкого Л.В. Климовой.

Примечания

¹ «Красная аптека» и магазин модных товаров Бренделя находились в разных концах длинной площади Альтер Маркт (дома №7 и 21).

² Пирагинен (Pieragiennen) – с 1928 Ангерлинде (Angerlinde), с 1946 пос. Мичурино Черняховского района (ныне входит в городскую черту Черняховска).

³ Общественный дом (Gesellschaftshaus) – ныне здание городского театра (в недавнем прошлом гарнизонный Дом офицеров (западная сторона Театральной площади).

⁴ Новый рынок, или площадь Нойер Маркт (Neuer Markt), появившаяся в городе в 1860 г., ныне Театральная площадь.

⁵ Заведение «Тиволи» (ресторан, кабаре, театр) располагалось на южной стороне Нойер Маркт (ныне здесь стоит 5-этажный дом).

⁶ Гартенштрассе – ул. Садовая.

⁷ Гартенштрассе, 27.

⁸ Шлюхтен (Schluchten, дословно «овраги») – овражистая часть левого берега р. Ангерапп (Анграпа), где находилась молодежная спортивная площадка (район совр. городского стадиона).

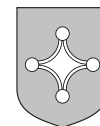
⁹ Лесной массив (Schoreller Forst) и населенный пункт (Klohnen) в округе Пилькален (территория совр. Краснознаменского района).

¹⁰ Кондитерская Фрица Дюнкеля на углу Дойче- и Вильгельмштрассе (автоматический магазин на углу улиц Крупской и Пионерской).

¹¹ «Зеленая кошка» – старейший ресторан Инстербурга, некогда трактир, появившийся неподалеку от замка еще в орденские времена (стоял на Шлосштрассе – ныне ул. Замковая, не сохранился).

¹² Ошибка автора либо опечатка (W. Lutkah): видимо, речь идет о фотоателье Вальтера Лутката (Walter Lutkat) на Гинденбургштрассе, 18. См: Adreßbuch für Insterburg mit Abbauten. 1919. Zusammenstellung unter Zuhilfenahme amtlichen Quellenmaterials. – Insterburg: Druckerei und Verlagsanstalt G. m. b. H. (vom Quandel), 1918. S. 35, 196. Здание не сохранилось, оно занимало часть территории нынешнего сквера у отеля «Кочар» (ул. Ленина, 9) и кафе «Акватория».

¹³ Ныне местечко Виштитис у Виштынецкого озера (Мариямпольский уезд, Литва).

Ольга Александровна КОШЕЛЕВА,
художник (Черняховск)

«Прощание славянки»

«Прощание славянки» – марш, знакомый с детства. Еще ничего не значили слова «По военным дорогам Галиции... Эскадроны идут на позиции... Прощай, отчий край...» – волновала музыка.

И вот сыну 18 лет. Медосмотры, военкомат, повестка. Ни на минуту не приходила мысль «отмазать» от армии. Служили царю и Отечеству предки, отдавали долг Родине отцы и деды. И коль родился мужчиной – умей защитить, если придется жизнь отдать – не отдай ее неумело и, хуже того, позорно. Все это было понятно, обговорено искренне, прочувствовано.

И вот оно, раннее утро конца апреля. Еще голые деревья и неприветливые улицы. Солнце всходит холодное, красное. У здания военкомата – призывники, провожающие родители, друзья. Стриженные защитники Родины мечутся, изображая независимость, не подходят к родителям и боятся заплакать. Вдруг издали, на еще не проснувшейся улице, – звуки гармошки и частушки: это, провожая своих, идет Маёвка. Через короткое время – опять гармонь и частушки: идет, приплясывая, «Шприндт». Хмурое утро бывшего немецкого города потеплело и стало русским.

Подошли автобусы. Мальчишки загрузились. До сих пор помню глаза сына. Он смотрел на меня просто и строго через окошко, пока автобус не скрылся. Не помню, как мы с мужем дошли до дома. Кричать я начала уже у самого дома, кричала и когда вошла. Выла в голос и потом, до тех пор, пока не получила первое письмо. Муж уговаривал: «Мама, ну что же ты кричишь?.. Не на войну же проводила...» Я думала, что «голосят» только простые русские бабы, так как меня воспитывали, уча сдержанности и умению владеть собой. Так вот, видимо, крестьянские гены, часть моей родословной, позволяли мне выть от тоски как волчице, у которой отняли детеныша, и как «простой бабе».

Отнимая ребенка от груди, испытываешь грусть от того, что ты уже не так ему нужна, жизненно необходима, что он может прожить и без тебя.

А вот сына отнимает страна, она отрывает его от материнского сердца, становится хозяйкой его судьбы и не всегда ласковой мачехой.

Калининградский (Кёнигсбергский) астрономический бастион, в народе просто «крепость», известен не только как памятник истории и архитектуры, но и как областной призывной пункт. Мощные стены, массивные закрытые ворота. Во все возможные щели пытаются заглянуть родители, девушки, облепившие сооружение.

Комендант крепости, по дружбе с моим другом-художником, проводил меня внутрь помещения. Привел ко мне сына, позволив посидеть с ним часа два. Эти два часа мы просидели за столом взявшись за руки. Черняховские мальчишки

то и дело забегали к нам на пару слов. То кто-то ноги стер сапогами, то кожа лица зашелушилась. В промежутке между свиданием и отправкой я сбегала в аптеку, набила сумку тальком, кремами, таблетками, но, к сожалению, отдать это все ребятам у меня не получилось. В отличие от других призывников (для России), одетых не самым лучшим образом (все равно потом выкидывать), наши были одеты в красивую форму, так как их отправляли в Чехословакию.

Потом было построение, митинг, на который в крепость уже впускали родителей для официального прощания. После этого появились «покупатели», как их шутливо называли, и разобрали ребят по своим частям.

Митинг являл собой унылое зрелище – разношерстный строй. И только 40 наших черняховских – подтянутых, в форме, построенных в каре, – стояли особняком.

Выступающие официальные лица что-то нудели о последнем партсъезде и съезде профсоюзов. И почему-то представители от родителей и призывников повторяли почти то же.

И тут духовой оркестр грянул марш «Прощание славянки». Им одним можно было заменить все митинговое словоблудие. Пусть не знали ребята, где эта самая Галиция, что там делали эскадроны на позициях, кто написал этот марш и когда, но «Прощай, отчий край» было понятно всем.

Строй тронулся. На плацу осталось только наше черняховское каре. Я была единственной матерью из города – как будто одна на всех, и все 40 пар ребячьих глаз сосредоточились на мне, как на последней точке, связывающей их с домом. Изобразив на лице мужество и оптимизм, помчав на прощание рукой, я «выползла» из крепости. По Гвардейскому проспекту я бежала, пытаюсь найти какой-нибудь закоулок, чтобы откричаться там. Боялась, что сердце мое лопнет, потому что на прощание на меня смотрели не только глаза сына, но и 40 пар глаз чьих-то сыновей, но все равно не чужих, а наших.

Вернувшись из Калининграда, я позвонила родителям, телефоны которых знала, о том, что ночью рижским поездом через Советск наши ребята поедут до Риги, чтобы оттуда лететь в Чехословакию к месту службы. Призыв весны того года был в Германию, Чехословакию и Афганистан. Поводов для волнений было достаточно: кто куда попадет? В Чехословакию – это утешало.

Кому-то из родителей, видимо, подсказали железнодорожники, что ночью поезд с призывниками пройдет с остановкой в Черняховске.

В надежде увидеть своих родители собрались на вокзале. На всякий случай пришла и я.

Пассажирский поезд подошел к перрону. Толпа ринулась к вагонам. Стоял крик. Кричали все – и матери и отцы, выкрикивая имена своих детей. Вагоны были закрыты, в темных окнах были видны только затылки. Никто не повернулся лицом. Поезд тронулся.

Если бы кинематографы снимали фильм о войне, то эта сцена на ночном перроне была бы очень убедительна. А ведь это было только прощание с юностью сыновей. Это была, слава богу, не война, и впереди были ожидание и встреча. Впереди было будущее...

Девятнадцать лет моей жизни я отдала экскурсионной работе, удачно сочетая ее с деятельностью педагогической. Работа над текстами экскурсий, изучение исторического и природоведческого материала, поездки и посещение выставок и музеев русских городов, Литвы, Белоруссии – интеллектуальный запас.

Одна из исторических тем экскурсии начиналась с фразы: «Восточная Пруссия была тамбуром между Западом и Востоком. И все военные конфликты разрешались на этой территории» – и заканчивалась «надеждой на то, что Великая Отечественная война будет последней на этой земле».

Война Семилетняя, Наполеоновские войны, Великая Отечественная – о них написаны книги, сняты фильмы. Народ знает имена героев. Первая мировая, или «империалистическая», как называлась она в учебниках истории советских времен, почти забыта. Революция и Гражданская война перечеркнули память о выдающихся военных – офицерах, генералах, солдатах царской армии. И только небольшие остатки их – прапорщиков, поручиков и штабс-капитанов, ставших маршалами, – спасали Отечество в Великую Отечественную войну.

Первая мировая. Немцы под Парижем. Россия – как всегда, на помощь.

Сражение под Гумбинненом 1-й армии генерала Ренненкампа, трагедия 2-й армии генерала Самсонова, окруженной под Танненбергом, газовые атаки, применяемые немцами, победы и поражения, георгиевские кавалеры, ранения и смерти, братания с противником на фронтах, революция, перемешавшая понятия о добре и зле, друзьях и врагах, – все эти события коснулись судьбы каждого русского человека: и дворянина, и простолюдина. Коснулись они и судьб семей моего рода: Глинок, Оларовских и Сычевых.

Все пятеро братьев Глинок из семьи Глинка Евгения Васильевича и Геденовой Веры Александровны, потомственных смоленских дворян, моих прадедушки и прабабушки, были воспитанниками 2-го Московского кадетского корпуса, который был основан для дворянских детей-сирот. Все братья окончили военные училища (Александровское, Алексеевское) и подпоручиками были направлены по месту службы. Все сражались на фронтах Первой мировой войны.

Глинка Василий Евгеньевич, 1887 года рождения, подпоручик 85-го Выборгского полка, который дислоцировался в Новгороде. В 1914 году полк вошел в состав 25-го корпуса 2-й армии генерала Самсонова. Василий Глинка погиб при окружении армии Самсонова под Танненбергом. Могила неизвестна. Осталась шутильная фотография с братом Евгением на ступеньках родного дома в имени Балыки на Смоленщине.

Глинка Александр Евгеньевич, 1880 года рождения, подпоручик 143-го пехотного Дорогобужского полка, 6 августа 1911 года переведен в 10-й Малороссийский гренадерский пехотный полк, который в 1914 году сражался на Западном и Юго-Западном германо-австро-венгерском фронтах. Александр Глинка был ранен, попал в плен. После окончания войны его обменяли. Прожил недолго. Умер от рака легких. Урна с прахом была похоронена в саду его сестры Ольги под огромным высоким кустом белых роз. Жена осталась с четырьмя детьми.

Сейчас у нынешних хозяев бывшей уникальной бабушкиной усадьбы над могилой моего двоюродного дедушки растет картошка.

Глинка Евгений Евгеньевич, 1888 года рождения, мой родной дед, отец моей матери. Подпоручик 10-го Малороссийского гренадерского пехотного полка, дислоцированного во Владимире. В 1914 году полк сражается на фронтах Первой мировой войны. Ее полк встретил в составе 1-й гренадерской дивизии гренадерского корпуса 4-й армии Юго-Западного фронта. 1914 год – Галицийское, Варшавско-Ивангородское, Ченстоховско-Краковское сражения. 1915 год – тяжелейшее отступление из Польши.

Мелькают номера полков и армий. 1914 год – полк входил в 3-ю, затем в 9-ю армию. 1915 год – 4-я армия. 1916 год – кровопролитнейшие бои на Барановичском направлении. Участвуют армии 3-я, 4-я, 2-я в составе «Особой» армии («Особой» называли 13-ю армию из суеверия к числу 13) Западного фронта. Военный историк А.А. Керсновский пишет: «Гренадерский корпус имел мало счастья в этой войне. Прежде всего ему не везло на командиров...» 10-й Малороссийский гренадерский пехотный полк входил в дивизию генерал-лейтенанта Лавра Корнилова и успешно сражался в 1914 году с австро-венгерской дивизией. В 1915 году был взят перевал Черемошский.

В ночь с 22 на 23 апреля против дивизии Корнилова был брошен целый вражеский корпус и несколько отдельных бригад. Дивизия оказалась в окружении, но в плен к австро-германцам попало несколько десятков раненых русских солдат и офицеров и тяжелораненый Корнилов.

29 июня 1916 года при помощи врача Гутковского и фельдшера чеха Франца Мрняка Корнилов и группа офицеров бежали из австро-венгерского госпиталя в форме немецкого ландштурма. Они прошли сотни верст по вражеской территории, вышли к границе Румынии, перешли ее и поездом переместились в Россию.

Совершенно точно, что дед сражался в дивизии Корнилова, был ранен, бежал из плена вместе со своим денщиком. Совершенно точно, что он не расставался с армией, так как в 1917 году был избран солдатским депутатом. В 1918 году родилась моя мама, а брат ее, видимо, в 1914. Денщик с дедом не расставался до самой его гибели. С кем оставался дед после уничтожения русского офицерского корпуса при бездействии Временного правительства, как оказался дед с семьей в Пятигорске и был ли он в числе 50 тысяч заложников, изрубленных «чрезвычайкой», неизвестно. Факт то, что денщик не оставил без помощи бабушку с двумя детьми – помог им бежать под видом его семьи в Казань, где жили родственники и бабушки, и его семья.

Дай Бог счастья его потомкам за его благородное солдатское сердце и преданность фронтовой дружбе.

Глинка Ольга Евгеньевна, 1881 года рождения. Это четвертый ребенок прабабушки, за которого она молилась в церкви как за воина. Красавица, выпускница гимназии, в белом платье она окончила университет, но диплом ей не успели вручить, потому что она была мобилизована на фронт.

1914 год. Суровая последипломная практика войны.

Послужной список из архива:

Глинка Ольга Евгеньевна – врач этапного лазарета Государственной думы. Дважды награждена. Георгиевская медаль «За храбрость» IV степени – приказом по войскам 3-й армии от 19 января 1915 года; вторая награда – в 1916 году.

На фронтах заразилась тифом. Помог выжить фронтовой друг-врач.

На Смоленщине работала земским врачом. После революции организовывала больницы. Растила племянников – детей своих рано ушедших братьев – и меня, внуку. Врач от Бога. Единственный врач в оккупированном немцами городе Жуковка (Брянская область) во время Великой Отечественной войны. Умерла в возрасте 84 лет во сне, на Успение. Хоронил весь город. Процессия останавливалась трижды – люди хотели проститься. Она была человеком редкого трудолюбия, благородства и «деятельной доброты», как она выражалась. Похоронена на кладбище в Жуковке. Скромный памятник, обветшавший, заменили новым врачи районной больницы в 2012 году. Храбро, мужественно прошла она через две войны и совсем непростое мирное время, став легендой города.

Глинка Михаил Евгеньевич, 1895 года рождения. Самый младший брат в семье – тот же путь дворянского мальчика: кадетский корпус, военное училище, подпоручик 3-го пехотного Нарвского полка, дислоцированного в Смоленске. В 1914 году 19-летний офицер Нарвского полка в составе 2-й армии генерала Самсонова сражается под Алленштайном (ныне Ольштын); будучи раненым, попадает в плен. После окончания войны был освобожден из плена путем обмена. Прошел всю Великую Отечественную войну.

В 1948 году умер от рака. Похоронен на Жуковском кладбище. Теперь с ним рядом лежит сестра Ольга Евгеньевна. Он, как и все Глинки, был не очень разговорчивым и очень скромным человеком, а я тогда была маленькой. И живая история моей семьи, моих родных была просто обыкновенным настоящим.

Родные моей мамы и бабушка тоже говорили о себе и своих родителях очень мало, и то вскользь. И только при соотнесении тех скудных сведений из их воспоминаний, архивных данных, добытых сыном, а также благодаря ценнейшему подарку Музея Глинки в Ново-Спасском – родословной Глинок, при сравнении и сопоставлении фактов вырисовывается место предков в жизни Отечества.

Замыкает список известной мне части моих дворянских предков, участников Первой мировой войны, Оларовский Павел Павлович.

Оларовский Павел Павлович, 1889 года рождения, потомственный казанский дворянин, родной брат моей бабушки по материнской линии, родился в Усть-Каменогорске Семипалатинской области. Образование: Симбирский горный кадетский корпус. Корпус не окончил: за участие в революционной деятельности из числа студентов был отчислен и выслан на Сахалин. После ссылки продолжил обучение и окончил Казанское военное училище.

Первую мировую войну встретил командиром 9-й роты пулеметной команды 162-го пехотного Ахалцихского полка.

В довоенное время в послужном списке подпоручика Оларовского перечислены полки, в которых он служил: Несвижский 4-й гренадерский полк, 215-й Бузулукский пехотный полк, 193-й Свяжский, 192-й Рымникский пехотный полк. Но последним был 162-й пехотный Ахалцихский полк. И, как значится в послужном списке, П.П. Оларовский «был в походах и делах против австрийцев, ранен в бою при Недежжевица-Дужа в 1914 августа 15, высочайше пожалован орденом Святой Анны 4-й степени за храбрость, за отличия в делах против австрийцев 1914 декабря 21». Помимо этой награды, ранее получена медаль – как об этом написано, «имеет право на ношение медали в память 300-летия Дома Романовых». Был ранен. 11 марта 1915 года убит, похоронен 13 марта 1915 года в Брест-Литовске на военном гарнизоне кладбище.

История, она не пощадила ни «благородных», ни «простолюдинов» – перемолола в прах, смешала на поле сражения кровь и тех и других.

Два моих родных деда стоят рядом: «его высокоблагородие», с которым до конца его дней оставался солдат-денщик, и бывший крестьянин, ставший после Гражданской войны генералом. Не на войне с врагом расстались они с жизнью: один изрублен шашками в Пятигорске, другой расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Над братскими их могилами стоят кресты. Сычѳв Григорий Михайлович – родной дед по отцовской линии, крестьянин из деревни Овстуг бывшей Орловской губернии. Видимо, окончил сельскую школу, построенную дочерью Тютчева. Она цела и сегодня.

В Первую мировую дед был призван на фронт. Более чем очевидно, что был он храбрым и мужественным, потому что получил первый офицерский чин прапорщика царской армии. Судя по тому, что в 1937 году он был уже в звании генерала и в должности начальника комендантского управления Кремля, был он человеком незаурядным. «Видимо», «очевидно», «судя» – эти слова, присутствующие в предложениях, – оттого, что, судя по всему, материалов в архивах на «врагов народа» небогато. Только Красный Крест отозвался скупыми сведениями да сообщением о реабилитации после XX съезда КПСС.

Где воевал он в Первую мировую, в каком полку, в какой армии, в каких местах, имел ли награды?

Архивные строчки, как тонкие нити, протянулись от прошлого к настоящему, притянули дальнюю историю рода, семьи, сплелись в одну родственную нить.

Благородство, доблесть, мужество мужчин, сила духа женщин. Где брали они силы, расставаясь, отпуская от себя самых дорогих, отпуская в военное пекло, ожидая и оплакивая?

Издалёка и сейчас в их честь звучит Агапкинский марш, щемящий душу, торжественный и грустный, – «Прощание славянки».

Братья Солодовы

В России каждый род имеет свою отдельную историю и в то же время много общего с судьбами других родов – участие в восстаниях, переселениях, войнах... Эти драматические события, исторические катаклизмы коренным образом изменили жизни тысячи людей, в том числе и представителей семьи Солодовых. Так, в ревизской сказке 1858 г., в списке крестьян села Монастырского (Нерчинск), значатся отставного солдата Никандра Солодова сын Анисим, двадцати восьми лет, с женой и двумя детьми – Николаем и Иваном¹. По семейному преданию, Анисим был сослан из Эстляндии в Нерчинск на каторгу, затем переведен на поселение. В ноябре 1875 г. его сын Николай венчался с Елизаветой, дочерью местного мещанина. У них было 7 сыновей, в том числе Павел (мой дед), Савва, Георгий, Петр, Василий... По-разному сложились их судьбы.

Павел в 16 лет уехал в г. Сретенск и поступил в типографию Штейна. Георгий выбрал другой путь: как ученик 14-го Сибирского стрелкового полка, поступил в фельдшерскую школу при ветеринарном лазарете 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. Он прошел испытания на «отлично» и 2 апреля 1913 г. получил свидетельство за подписью председателя комиссии – корпусного ветеринара 2-го Сибирского армейского корпуса, статского советника.

1914 г. Началась Великая война. Все братья Солодовы были мобилизованы. Формирование полков шло быстро, но сложно: не хватало офицеров; часть казаков оказались больными; не все поставленные лошади были пригодны к строевым работам; полки 2-й и 3-й очереди были на льготе, поэтому частично утратили военные навыки.

После ряда боев в Восточной Пруссии командование рекомендовало ускорить прибытие Сибирских корпусов на фронт. Служили молитвы, эшелоны отправлялись на Запад. 1-й Читинский полк отбыл 8 сентября, 2 октября прибыл в Ивангород, на Северо-Западный фронт. 1-й Нерчинский полк уже с сентября 1914 г. участвовал в боях Северо-Западного фронта, а затем (на протяжении трех лет) Западного, Юго-Западного, Румынского фронтов. С октября 1915 г. по октябрь 1916 его командиром был полковник П.Н. Врангель².

Глава Католической Церкви Бенедикт XV, выступавший против войны, просил воюющие государства на Рождество и Пасху приостанавливать бои. Видимо, его услышали. 1915 г., 22 марта, Пасха. В период временного затишья братья – Савва, Георгий, Михаил (двоюродный брат) и Василий – сфотографировались в одном из дворов Варшавы и эту весточку с поздравлением «Христос Воскрес!» послали родителям в Нерчинск. (Эта фотография чудом сохранилась в семейном архиве Солодовых.)

Боеспособность Сибирских корпусов оценивалась высоко. Так, Людендорф в своих воспоминаниях подчеркивал, что Сибирские корпуса были особенно сильны и доставляли много хлопот³. Первая мировая война еще раз

показала: качество войск зависит от подготовки, от армейских традиций чести. И среди солдат русской пехоты явно выделялись сибиряки.

В ходе боев были большие потери. Например, 16-й стрелковый полк вместе с командиром С.М. Розанским полностью погиб в одном из сражений под Варшавой 27 сентября 1914 г.⁴ Полки переформировывались, что снижало их монолитность.

В сентябре 1914 г. резко увеличился поток беженцев, интернированных, военнопленных за Урал. В январе 1915 г. там было уже 186 тысяч военнопленных – австрийцев, венгров, немцев и др. Их распределяли по лагерям и городам: в Чите находились 32,5 тысячи, в Нерчинске – 2,5 тысячи, в Сретенске – 11 тысяч⁵. Из-за острой нехватки рабочих рук могли работать и военнопленные. Некоторые офицеры имели возможность снимать комнаты и работать инженерами, учителями и даже врачами. К лету 1915 г. пленных было уже 353 тысячи.

Павел Николаевич Солодов, унтер-офицер, готовился к отправке на фронт, но его жена с четырьмя детьми бросилась на колени перед генералом со словами: «Кто же будет кормить их?» Она была красивая и молодая – двадцати трех лет. Посочувствовали. Деда оставили служить в Сретенске, в военном госпитале для пленных. Его братья – Петр и Василий – служили в Нерчинске.

Савва был переведен в 19-й Кавказский полк, в 10-ю роту. Он послал родителям свое фото 28 июля 1916 г. Унтер-офицер Савва Солодов погиб в том же году в Австрии.

Георгий в один из боев попал в плен, работал в польском поместье – ведь он был ветеринаром. Он смог вернуться в Нерчинск, имел награды, но прятал их. Был репрессирован, вернулся. В 1942 г. работал ветеринаром. Когда пастухи, подчиненные ему, потеряли двух коров, его осудили по уголовной статье на 10 лет. По возвращении он работал в ОРТ-амбулатории в Нерчинске.

Василий погиб в годы Гражданской войны.

Павел после войны вернулся к типографской работе. Был руководителем типографий в Кургане и в Свердловской области. Именно он, мой дедушка, привил мне любовь к истории страны и своему роду.

Таким образом, в многогранную историю нашей страны братья Солодовы тоже внесли свой вклад, как потом и их сыновья, воевавшие уже в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ Госархив Забайкальского края. Ф 1. Оп. 1 (о). Д. 17637. Л. 29 об., 30.

² Соколов Б. П.Н. Врангель. М., 2013. (Жизнь замечательных людей). С. 37.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. В 2 томах. М.: Госиздат, 1923.

⁴ Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Иркутск: Круг, 2011. С. 242.

⁵ Там же. С. 244.

Литература

1. Агеев А.М., Верховский Д.В. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. В 2 томах. М.: Наука, 1975.

2. Забайкальское казачество: история, традиции, перспективы развития: Материалы регион. науч.-практ. конф. Чита, 2000.

3. Строчков А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: 1974.

4. Шаццлло В.К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003.

Поиск через границы и время

В 2008 г. в Информационный центр «Жди меня» Черняховской библиотеки от родственников участника Первой мировой войны И.К. Козаченко поступила заявка на поиск, связанный с его пребыванием в плену в Восточной Пруссии. Заявка была направлена в редакцию программы «Жди меня», выпускаемой ТК «Вид» на Первом канале Российского телевидения, однако поиск пока не дал результата. С любезного согласия внучки воина Первой мировой мы публикуем этот материал.

Екатерина Алексеевна ГРИШИНА
(Славский район)

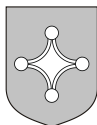
Сыновья Ивана Козаченко

Иван Кондратьевич Козаченко родился 1 мая 1888 г. в Херсонской губернии. 20 июля 1914 г. был призван на фронт, в кавалерию, так как началась Первая мировая война. В ноябре этого же года попал в плен, где был распределен на принудительные работы в Восточную Пруссию. Он работал на одном крупном хуторе. Ум, трудолюбие, хорошее знание немецкого языка заставили хозяев относиться к нему, как к своему сыну. А их родной сын погиб на войне, других детей не было. А внуков хотелось. Поэтому хозяева пожелали, чтобы Иван заменил их невестке мужа. У них родилось двое сыновей, о которых у нас, к сожалению, нет никаких сведений.

В октябре 1918 г. Ивана освободили в связи с революцией в Германии. 19 декабря 1919 г. он прибыл домой.

Прошло много лет. Началась Великая Отечественная война. Иван Кондратьевич служил тыловым работником, на передовую линию он не попал из-за плохого зрения и отсутствия нескольких зубов. А вот его сыновья отважно боролись за освобождение Родины. Один из них погиб под Сталинградом. Но от чьей руки? Ведь в Германии остались два его сводных брата, и, возможно, братья убивали друг друга, сами того не зная... Ивана Кондратьевича теперь тоже нет в живых, он умер 19 декабря 1978 г.

Войны, надеемся, уже в прошлом. И наша семья хотела бы найти семьи сыновей Ивана Козаченко. Хотя нас разделяют границы, мы – родные по крови.

Музей истории (Черняховск)

В центре города, в глубине сквера на пересечении улиц Крупской и Пионерской, находится Музей Истории, открытый черняховским предпринимателем Владимиром Ивановичем Яновским. Здесь выставлены для посетителей предметы старины, собиравшиеся на протяжении многих лет. Музей расположен в отремонтированном и переоборудованном старом немецком здании. Два больших выставочных зала занимают оба его этажа.

Значительная часть экспонатов относится к истории бывшей Восточной Пруссии. Самый древний экспонат музея – топор бронзового века. Здесь можно увидеть также предметы быта разных эпох, артефакты древнепрусских времен и средневековья.

В день прощания с семьей. Из фондов Музея истории.

Германская островерхая каска начального периода войны (Pickelhaube). Музей истории.

Открытие музея состоялось 5 сентября 2008 года. Дата была выбрана не случайно. В этот день в 1914 году в Инстербурге, где после Гумбинненского сражения располагался штаб Первой армии под командованием генерала Ренненкампа, прошел парад русских войск. Музей располагает уникальной коллекцией экспонатов, относящихся ко времени Первой мировой войны. Среди них – извлеченная из болота 122-миллиметровая русская гаубица образца 1910 года, немецкая полевая кухня, кайзеровский шлем, личные вещи, фотографии, письма и документы русских и немецких

солдат, награды, дневник немецкого офицера со схемами позиций и рисунками...

На верхнем этаже музея располагается экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне и послевоенному времени. Среди послевоенных экспонатов – вещи и документы переселенцев сороковых и пятидесятих годов. Многие из них напоминают нынешним посетителям об их собственном детстве и молодости.

Хотя большая часть выставленных экспонатов касается местной истории, музей не является исключительно краеведческим. Некоторые вещи собраны со всего света, например, коллекция касок или сувенир из моржового клыка, изготовленный на Аляске в 1830 году.

Некоторые местные жители после посещения передают в музей старинные вещи, хранившиеся у них дома.

Однополчане. Фото на память. Из фондов Музея истории.

Так музею были подарены многие предметы быта, семейные архивы ветеранов Великой Отечественной войны, альбомы со старыми фотографиями... Нередки и случаи, когда гости города, в том числе и иностранцы, побывавшие в музее, впоследствии поддерживают с ним связь и делятся интересными и полезными сведениями.

В музее имеется также информация о воинских захоронениях обеих мировых войн, Книги Памяти павших на территории нынешней Калининградской области русских воинов и списки захороненных здесь немецких солдат. Поэтому сотрудники музея нередко имеют возможность оказать необходимую помощь людям, приезжающим со всей страны и из-за рубежа, чтобы увидеть могилы своих погибших во время войны родственников и почтить их память.

*Директор Музея истории
Любовь Владимировна Климова.*

Война набирала размах...*

20 объявлений войны. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не было случая, чтобы въ течение одного года послѣдовало 20 объявленій войны.

15-го іюля — Австро-Венгрія объявила войну Сербіи.

19-го іюля — Германія объявила войну Россіи.

21-го іюля — Германія объявила войну Франціи.

21-го іюля — Германія объявила войну Бельгіи.

22-го іюля — Англія объявила войну Германіи.

23-го іюля — Австро-Венгрія объявила войну Россіи.

23-го іюля — Черногорія — Австріи.

24-го іюля — Сербія — Германіи.

29-го іюля — Черногорія — Германіи.

29-го іюля — Франція — Австро-Венгрія.

31-го іюля — Англія — Австро-Венгрія.

10-го августа — Японія — Германіи.

12-го августа — Австрія — Японія.

15-го августа — Австрія — Бельгіи.

20-го октября — Россія — Турціи.

23-го октября — Франція — Турціи.

23-го октября — Англія — Турціи.

25-го октября — Бельгія — Турціи.

25-го октября — Сербія — Турціи.

11-го мая — Италія — Австро-Венгрія.

Кромѣ того, хотя Черногорія не объявила войны Турціи, но эти державы также находятся въ состояніи войны, не считая нужнымъ объ этомъ объявлять. Почти въ такомъ же положеніи находятся между собой Италія и Германія.

Обзор военных действий в Восточной Пруссии**

1914 год

2–17.8. Пограничные бои на восточной и южной границах провинции.

17.8. Сражение под Эбенроде (Шталлупёнен).

19.8. Бой под Брайтенштайном (Краупишкен).

20.8. Сражение под Гумбинненом.

23–31.8. Сражение под Танненбергом.

5–15.9. Сражение на Мазурских озерах.

15–30.9. Бои на Неманской дуге.

1–3.10. Немецкое отступление к границе, битва под Рачками.

3.10–5.11. Позиционная война и бои на восточной границе между Ликом и Ширвиндтом.

5–15.11. Передислокация на зимние позиции.

7–17.11. Бои на южной границе между Зольдау и Найденбургом.

15.11.1914–7.2.1915. Зимние позиции.

1915 год

7–22.2. Зимнее сражение на Мазурах.

18–28.3. Бои под Мемелем и Таурогеном.

* 20 объявлений войны // Нива. 1915. № 24. [Даты даны по ст. стилю.]

** Übersicht über Kriegseignisse in Ostpreußen // Max Dehnen und Walter Raschdorf. Heldenfriedhöfe in Ostpreußen. Gräfe und Unzer Verlag. Königsberg (Pr). S.31. Перевод Л.В. Климовой.

Адрес музея:
ул. Крупской, д. 6.
Тел.:
8(40141)3-20-72.
E-mail:
museum.wj@mail.ru
Режим работы:
с 10 до 17 часов
ежедневно,
кроме понедельника

Это было недавно...

Из историко-культурной хроники востока Калининградской области. 1991–2014 годы

1991, июнь. В газете Ассоциации представителей культуры и искусства г. Черняховска «Воскресение» (№5) появляется первый материал о состоянии старых кладбищ и воинских захоронений на территории Черняховского района (статья А. Богданова).

1993. Вслед за подписанием в 1992 г. между Германией и Россией межправительственного Соглашения об уходе за военными могилами в Калининградской области на средства Народного Союза Германии по уходу за военными могилами Международным неправительственным фондом «Вечная память солдатам» и строительной фирмой В.И. Яновского началось восстановление захоронений Первой и Второй мировых войн.

1993. В Черняховске организован первый русско-немецкий молодежный лагерь, участники которого начали работу по восстановлению воинского кладбища на ул. Курчатова.

1994, 10 сентября. В газете «Полюс», в рубрике «Страницы истории», печатается статья Д. Сечкина «Русский след на немецкой брусчатке», посвященная 80-летию парада русской гвардии в Инстербурге (вероятно, первая в местной прессе публикация об этом параде).

1995, 23 августа. В «Полюсе» (рубрика «Страницы истории») выходит материал Д. Сечкина и Т. Кассиной «Инстербург. Август четырнадцатого», в котором впервые на русском языке публикуется ряд распоряжений назначенного русскими военными властями губернатора Инстербурга – доктора М. Бирфройнда.

1996, 6 июля. Состоялось торжественное открытие и церковное освящение воинского кладбища на ул. Курчатова.

1997, 20 сентября. В рубрике «Воскресение» Геннадия Разумного (газета «Полюс плюс») под заголовком «Восточная Пруссия глазами русского офицера» публикуются отрывки из книги А.А. Успенского «Восточная Пруссия – Литва. 1914–1915 гг.» (Каунас, 1932).

1998, 5 сентября. В газете «Полюс плюс» выходит рубрика «Воскресение», почти целиком посвященная событиям Первой мировой войны.

1999. В.В. Кузнецов работает над реконструкцией статуи улана по довоенным фотографиям памятника павшим воинам 12-го Литовского уланского полка, созданного скульптором С. Кауэром (1926).

2001. В Калининграде на стене Дома искусств (Ленинский проспект, 155) установлен памятный знак Николаю Гумилёву при поддержке мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Автор работы – светлогорский скульптор Николай Фролов.

2002, 26 октября. В поселке Победино Краснознаменского района установлен памятный знак в честь Николая Гумилёва – восьмитонный валун с барельефом поэта-воина. Авторы проекта – скульпторы Людмила Богатова и Олег Сальников. Здесь же прошел первый литературный фестиваль «Гумилёвская осень», который с тех пор ежегодно проводится в рамках Дней литературы как областной праздник, привлекая литераторов региона и ближнего зарубежья и поклонников поэзии Серебряного века.

2003, начало сентября. В Черняховской типографии печатается 3-й номер журнала «Надровия», посвященный событиям Первой мировой войны, здесь публикуются воспоминания русских и немецких очевидцев (некоторые – впервые). Это был последний номер «Надровии», подготовленный черняховским краеведом Г.Ф. Разумным (1955–2003).

2003, 13 сентября. На арке у спуска к р. Ангране (пл. Ленина – ул. Горная) установлен трехчастный памятный знак в честь парада русских войск в Инстербурге в 1914 г. и 300-летия русской гвардии. Инициатор проекта – директор музея «Кафедральный собор» Игорь Одинцов, автор – калининградский скульптор Андрей Шевцов. Проект поддержан Черняховской администрацией (глава района – Галина Фоменко).

2006, 1 июля. В честь 10-летия со дня восстановления воинского кладбища на ул. Курчатова состоялось торжественное памятное мероприятие с участием руководства района и представителей Народного Союза Германии по уходу за военными могилами.

2006, 8 сентября. При поддержке администрации Черняховского городского округа (глава округа – А.О. Виноградов) восстановлен памятник павшим воинам 12-го Литовского уланского полка (воссозданная В.В. Кузнецовым статуя улана установлена на отремонтированный предпринимателем В.И. Яновским постамент).

2006, 8 сентября. В День города в Черняховской библиотеке проведена научно-практическая конференция «Инстербург – Черняховск: Малый город – большая история» (Разумновские чтения). Два доклада посвящены Первой мировой войне.

2007. В Нестерове протоиереем Георгием Бирюковым выпущены брошюры: «Гумбиненское поле» (с воспоминаниями участников сражения 7/20 августа 1914 г.) и «Две судьбы» (с отрывками из воспоминаний сестер милосердия Первой мировой – выдающейся русской певицы Надежды Плевицкой и великой княгини Марии Павловны).

2007, 9 ноября. На II втором слете краеведов Калининградской области обсуждаются состояние кладбищ и памятников Первой мировой войны и разработка программы мероприятий, посвященных 90-летию окончания (2008) и 100-летию начала (2014) Первой мировой войны.

2008, 5 сентября. В Черняховске открыт первый частный музей, значительная часть экспонатов которого относится к периоду Первой мировой войны. Его создатель – краевед, коллекционер, предприниматель В.И. Яновский. Участниками церемонии (и первыми посетителями) были представители общественных организаций района и области, казачества, местных и региональных СМИ, ветераны Великой Отечественной войны, юные и взрослые граждане Черняховска, гости из Польши и Литвы, а также скульптор, Народный художник РФ В.А. Суворцев – автор памятника М.Б. Барклаю-де-Толли и памятных досок о событиях времен Семилетней

войны 1756–1763 гг. и Наполеоновских войн, ставший в Дни города Почетным гражданином Черняховска.

2008, 7 сентября. В рамках Дней города в Черняховске проведена Международная историко-краеведческая конференция «Инстербург-Черняховск: Мозаика событий и судеб. Страницы истории» (Разумновские чтения), в которой приняли участие историки, краеведы, журналисты, архитекторы из России (Калининград, Черняховск, Гусев, Советск и др. города) и Германии (Берлин). Несколько докладов посвящено событиям Первой мировой войны. Часть материалов опубликована в выпусках рубрики «Воскресение» региональной газеты «Полюс + ТВ». Для участников конференции организована экскурсия в только открывшийся Музей истории.

2009, 21 августа. В Гусеве, в историко-краеведческом музее им. А.М. Иванова, состоялась научно-практическая конференция, посвященная 95-летию сражения под Гумбиненном.

2009, 3 сентября. Накануне Дня города в Черняховске состоялась Разумновские чтения, приуроченные к 95-й годовщине парада русской гвардии в Инстербурге. Значительная часть докладов посвящена событиям Первой мировой войны.

2010, 10–11 ноября. В Калининграде и Гусеве прошла Международная научно-практическая конференция «Гумбиненское сражение 1914 г. Правда и ложь о начале Первой мировой войны».

2011, 21 июня. В Париже открыт памятник Русскому экспедиционному корпусу. Его авторы – Народный художник России (и Почетный гражданин Черняховска) В.А. Суворцев, скульптор Д.В. Суворцев, архитекторы В.И. и О.В. Сягины.

2011. Восстановлен памятный знак времен Первой мировой войны в пос. Володаровка (Свободненское сельское поселение).

2012, 12 июля. Член Совета Общества Шаруна (Берлин) и уполномоченный проекта «ИнстЕРГОД» Д.Б. Сухин передал в дар Черняховской библиотеке подшивку распоряжений губернатора Инстербурга доктора М. Бирфройнда и приказов русских военных властей (в частности, командующего 1-й армией П.К. Ренненкампа) для населения Инстербурга за август-сентябрь 1914 г. (репринтное издание, декабрь

1914). Событие освещалось ГТРК «Вести-Калининград», ТК «Черняховск-ТВ», местной прессой.

2012, 10–11 ноября. В Калининграде и Гусеве прошла Международная научно-практическая конференция «Великая и забытая», приуроченная к 94-й годовщине окончания Первой мировой войны. Сборник материалов конференции вышел в свет в мае 2013 г.

2013, август. В Черняховской библиотеке оформлена стендовая экспозиция, посвященная великой княгине Марии Павловне (младшей), служившей сестрой милосердия в развернутом в Инстербурге лазарете Мраморного дворца. Автором экспозиции – краеведом Г.В. Каштановой-Ерофеевой – на основе анализа воспоминаний великой княгини и картографических материалов выдвинуто предположение о том, что лазарет размещался в здании средней школы для мальчиков – совр. школы №6 (ул. Суворова, 11). В экспозиции представлены фотографии периода пребывания русских войск и штаба 1-й армии П.К. Ренненкампа в Инстербурге и информация о событиях того времени.

2013, 5 сентября. Сотрудниками Калининградского областного историко-художественного музея, Общественным советом по сохранению историко-культурного наследия при главе администрации МО «Черняховский муниципальный район, Черняховским историко-краеведческим обществом «Седьмая земля», при поддержке управления культуры, молодежной политики и туризма районной администрации, проведена мемориальная акция, приуроченная к 99-летию парада русской гвардии в Инстербурге. К гвардейскому знаку на арке у пл. Ленина возложены цветы. В акции приняли участие девятиклассники школы №4, кадетские классы школ №5 и №8, руководитель районного методического объединения учителей истории И.Н. Скороспелова. Во время митинга было оглашено поздравление в адрес принимающего краеведа В.И. Яновского по случаю 5-летия созданного им Музея истории. Акция освещалась в программе «Вести-Калининград» и местных СМИ.

2013, 13 сентября. В Черняховске, в городской библиотеке, в рамках традиционных Разумновских чтений прошла Региональная

историко-краеведческая конференция, организованная ИКО «Седьмая земля» при поддержке районного управления культуры. В ней приняли участие краеведы города, района и области, сотрудники Калининградского областного историко-художественного музея, Музея Мирового океана. Значительная часть докладов была посвящена событиям Первой мировой войны.

2013, 26 октября. Черняховск и Гусев посетили участники Международной научно-практической конференции «Первая мировая война в истории и культуре России и Европы» – ученые из Германии, Латвии, Литвы, Нидерландов, Польши, России Беларуси и Украины (конференция, организованная Министерством культуры РФ, Правительством Калининградской области, БФУ им. И. Канта, совместно с Институтом всеобщей истории РАН при поддержке Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества, проходила в Калининградском областном историко-художественном музее 25 октября). Черняховские краеведы рассказали гостям о параде русской гвардии в Инстербурге и других событиях, происходивших в городе в августе–сентябре 1914 г. В Гусеве состоялась памятная церемония на воинском захоронении участников Гумбинненского сражения.

2013–2014. Народным художником России В.А. Суровцевым ведется работа над памятником «Штыковая атака» для г. Гусева. Тематика и название работы выбраны случайно: русские солдаты в штыковой атаке не знали себе равных, это было признано и союзниками, и противниками. В творческой команде – скульптор Данила Суровцев, архитекторы Владимир и Олег Сягинь. В это же время над монументом «Памяти забытой войны, изменившей ход истории», который предполагается установить рядом с местом победы в Гумбинненском сражении, на территории инновационного кластера «Технополис GS», работает известный российский и американский художник и скульптор Михаил Шемякин. Открытие памятников приурочено к 100-летию сражения под Гумбинненом.

2014, январь–февраль. Управление культуры администрации МО «Черняховский муниципальный район» (нач. Т.И. Шатская,

консультант по культуре и культурному наследию И.В. Ерофеев) подготовило проект «Реконструкция парада русской гвардии в Инстербурге 5 сентября 1914 г.» на грант Министерства культуры Правительства Калининградской области.

2014, 2 февраля. Калининград, Черняховск и Гусев посетили представители Российского военно-исторического общества. Состоялся разговор о возможном участии в реконструкции парада русской гвардии в Инстербурге военно-исторических клубов городов России.

2014, март. Подготовленный районным управлением проект «Реконструкция парада русской гвардии в Инстербурге 5 сентября 1914 г.» получил грантовую поддержку Министерства культуры правительства Калининградской области. Началась организационная работа.

2014, март. Администрация МО «Черняховский муниципальный район» (глава района – С.А. Щепетильников) поддержала инициативу краеведческой общественности об установке на здании средней школы №6 памятной доски в честь великой княгини Марии Павловны (младшей) и княгини Елены Петровны (Сербской) и других сестер милосердия времен Первой мировой войны. К работе над проектом привлечен Народный художник России В.А. Суровцев.

2014, май-август. В СМИ выпускается ряд публикаций о событиях Первой мировой войны – Восточно-Прусской операции 1914 года, ее участниках, августейших сестрах милосердия.

2014, 24 мая. В замке Инстербург состоялись Разумновские чтения по теме «Памятники и памятные места восточной части Калининградской области: история и современное состояние». Организаторы конференции – ИКО «Седьмая земля»

и управление культуры, молодежной политики и туризма администрации МО «Черняховский муниципальный район».

2014, 30 мая. В Калининграде открыт памятник «Благодарная Россия героям Первой мировой войны», установленный Российским военно-историческим обществом на пожертвования граждан. Авторы монумента – Народный художник России, скульптор С.А. Щербаков и Заслуженный архитектор России И.Н. Воскресенский.

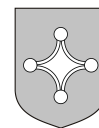
2014, июнь. В Черняховске отремонтирована арка с памятным знаком в честь парада русской гвардии.

2014, 26–28 июня. В Калининграде прошла Международная научная конференция «Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой войне», посвященная 100-летию с начала масштабного военного конфликта, здесь с докладами выступили и краеведы области, в том числе черняховцы. Во время экскурсии по Калининградской области участники конференции посетили Музей истории в Черняховске. Состоялась также экскурсия в польскую крепость Бойен.

2014, июль. Из РГВИА по запросу администрации Черняховского района присланы копии документов, подтверждающих размещение в здании бывшей мужской средней школы (ныне средняя школа №6) лазарета Мраморного дворца Российского общества Красного Креста, где сестрами милосердия служили великая княгиня Мария Павловна (младшая) и княгиня Елена Петровна (урожденная принцесса Сербская).

2014, 1 августа. В Черняховске, у арки на ул. Горной, сотрудниками Калининградского областного историко-художественного музея проведена выставка, приуроченная к скорбной дате – 100-летию со дня начала Первой мировой войны.

Е.В. Рябенко.

Указатель географических названий

Августов – город на северо-востоке Польши, на Августовском канале
Алленбург – пос. Дружба Правдинского района
Алленштайн – г. Ольштын, Польша (адм. центр Варминьско-Мазурского воеводства)
Амбрасгиррен – пос. Россошанское Краснознаменского района
Ангерапп – р. Анграпа
Ангербург – г. Венгожево, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Ангерлинде – см. Пирагинен
Ауксинне – р. Голубая.
Беднорен – пос. Щеглы Черняховского района
Биалла – г. Бяла-Писка, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Пишский повет)
Беднорен – пос. Щеглы Черняховского района
Беднорен (позже Штансдорф) – н.п. в округе Пилькаллен, не сохранился
Бильдервайчен – пос. Луговое Нестеровского района
Биркенрид – см. Ужбаллен
Биркенфельде – пос. Березино Гусевского района
Бишофсбург – г. Бискупец, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Ольштынский повет)
Брайтенштайн – см. Краупишкен
Бракупёнен – пос. Кубановка Гусевского района
Будупёнен – пос. Берестовое Краснознаменского района
Вальдхаузен – ст. Пастухово, Черняховский район
Варте – р. Варта, Польша
Варшлеген (позже Лауринсхоф) – н.п. в округе Гумбиннен, не сохранился
Велау – пос. Знаменск Гвардейского района
Вержболово – см. Вирбаллен
Виллюнен, Виллюнен – н.п. в округе Пилькаллен (территория совр. Краснознаменского района), не сохранился
Вирбаллен (Вержболово) – г. Вирбаллис, Литва (Мариямпольский уезд)

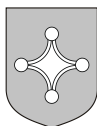
Вирбельн – пос. Жаворонково Черняховского района
Вирбельн – н.п. в округе Шталлупёнен, не сохранился
Витгиррен, Виттгиррен, Грос-Витгиррен (позже Миттенвальде) – пос. Родниково Черняховского района
Виштитен – местечко Виштитис у Виштынецкого озера, Литва
Владиславов – г. Кудиркос-Науместис, Литва
Врешен – г. Вжесня, Польша (Великопольское воеводство)
Гавайтен (позже Герцогсроде) – пос. Гаврилово Озерского района
Гогенштейн – см. Хознштайн
Гольдап – г. Голдап, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Грос-Аукскаллен – см. Фриденсфельде
Грос-Бёссау – с. Бесово, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Ольштынский повет, гмина Бискупец)
Грос-Рудшен – пос. Полтавское Краснознаменского района
Грос-Туллен – пос. Тушино Краснознаменского района
Грос-Шореллен – пос. Саратовское Краснознаменского района
Грумбковкайтен – пос. Правдино Краснознаменского района
Грюнвальде – см. Грюнкруг
Грюнкруг – пос. Болхово Краснознаменского района
Гумбиннен – г. Гусев
Даркемен – г. Озерск
Дауден – пос. Подлесное Краснознаменского района
Домнау – пос. Домново Правдинского района
Дористаль – пос. Разино Краснознаменского района
Дроцвальде – пос. Дарвино Краснознаменского района
Дуден – пос. Новопавловка Краснознаменского района
Егленешкен, Эггленешкен – пос. Чкалово Нестеровского района

Ерубишкен – пос. Каменское Краснознаменского района
Заалау – пос. Каменское Черняховского района
Зенсбург – г. Мронгово, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Зоденен – пос. Красноярское Озерского района
Зодинелен (позже Егерсфройде) – пос. Коврово Гусевского района
Зольдау – г. Дзялдово, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Инстер – р. Инструч
Инстербург – г. Черняховск
Йоханнисбург – г. Пиш, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Карчарнингкен – пос. Железнодорожное Краснознаменского района
Каттенау – пос. Заветы Нестеровского района
Каушен – пос. Кашино Гусевского района, не сохранился
Кашелекен (позже Ноймагдебург) – н.п. в округе Шталлупёнен, не сохранился
Кёгстен – пос. Новинки Краснознаменского района
Кезвурм-Пусперн – поместье близ с. Пусперн
Кёнигсберг – г. Калининград
Киаутен – пос. Смирново Озерского района
Клешауэн – пос. Кутузово Озерского района
Клешовен – см. Клешауэн
Клонен – н.п. в округе Пилькаллен (территория совр. Краснознаменского района), не сохранился
Кляйн-Байчен – пос. Подгоровка, Гусевский городской округ
Кляйн-Йодупёнен – пос. Сумароково Краснознаменского района
Кляйн-Пусперн – пос. Некрасово Гусевского района
Кобленц – город на западе Германии, в федеральной земле Рейнланд-Пфальц
Краупишкен – пос. Ульяново Неманского района.
Кузмен, Кусмен – н.п. в округе Пилькаллен (территория совр. Краснознаменского района), не сохранился
Куммельн – пос. Вишнево, Гусевский городской округ
Лазденен – г. Краснознаменск
Лаздинелен – пос. Мичурино Краснознаменского района

Лёбегаллен – пос. Толстово Краснознаменского района
Лётцен – г. Гижицко, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Лик – г. Элк, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Линденталь – н.п. в округе Тильзит-Рагнит (территория совр. Неманского района), не сохранился
Мальвен (ранее Мальвишкен) – пос. Майское Гусевского района
Мальвишкен – см. Мальвен
Маргграбова – г. Олецко, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Мариамполь – г. Мариамполе, Литва
Маттишкемен – пос. Совхозное Нестеровского района
Мемель – г. Клайпеда, Литва
Мемель – р. Неман
Мешкен – пос. Малиновка Неманского района
Мешкуппен – пос. Куприно Краснознаменского района
Мирослав – город в Польше (Великопольское воеводство)
Млава – город в Польше (Мазовецкое воеводство)
Мюлен – с. Мельно, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Острудский повет, гмина Грунвальд)
Найденбург – г. Нидзица, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
Нарев – река в Северо-Восточной Польше и в Западной Беларуси, правый приток Вислы
Нейдорф – см. Нойдорф
Нойдорф – пос. Воронцово Краснознаменского района
Ной-Туллен – пос. Кустарниково Краснознаменского района
Норвилькишкен – пос. Становое Краснознаменского района
Норденбург – пос. Крылово Правдинского района
Норкиттен – пос. Междуречье Черняховского района
Обелишкен – пос. Зеленцово Черняховского района
Орлау – с. Орлово, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Нидзицкий повет, гмина Нидзица)
Ортельсбург – г. Щитно, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)

Пакальнишкен (позже Бергендорф) – пос. Суворово Гусевского оайона, не сохранился
 Паслёпен – поместье близ Пилькаллена
 Патильшен – пос. Кошелево Черняховского района
 Пилькаллен – пос. Добровольск Краснознаменского района
 Пирагинен – пос. Мичурино, г. Черняховск
 Потаурен – пос. Потапово Правдинского района
 Прегель – р. Преголя
 Пуслерн – пос. Ломово, Гусевский городской округ
 Рагупёнен – пос. Междуречье Краснознаменского района
 Радшен – н.п. в округе Пилькаллен (территория совр. Краснознаменского района), не сохранился
 Растенбург – г. Кентшин, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
 Руккен (Рукен) – пос. Россошанское Краснознаменского района
 Сараево – столица Боснии и Герцеговины; в то время город находился в составе Австро-Венгрии
 Седан – город во Франции (департамент Арденны) на реке Маас, близ границы с Бельгией
 Скроблинен – н.п. в округе Пилькаллен (территория совр. Краснознаменского района), не сохранился
 Скунгиррен – пос. Пеньки Черняховского района.
 Соденен – см. Зоденен
 Содинелен – см. Зодинелен
 Сольдау – см. Зольдау
 Танненберг – с. Стембарк, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Острудский повет, гмина Грунвальд)
 Тапиау – г. Гвардейск
 Тауроген – г. Таураге, Литва
 Тильзит – г. Советск
 Торн – г. Торунь, Польша
 Тракенен – пос. Дивное Нестеровского района

Тутшен, Тучен – пос. Ватутино Нестеровского района
 Уздау – д. Уздово, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Дзялдовский повет, гмина Дзялдово)
 Ужбаллен (позже Биркенрид) – пос. Лощинка Гусевского района
 Ушлиаунелен – пос. Новоуральск Краснознаменского района
 Ушлиаунен – пос. Никитовка Краснознаменского района
 Франкенау – Фронкново, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство, Нидзицкий повет, гмина Нидзица)
 Фриденсфельде (ранее Грос-Аукскаллен) – н.п. в округе Инстербург, не сохранился
 Хайлигенбайль – г. Мамоново
 Хенскишкен – пос. Желанное Краснознаменского района
 Хохенштейн – см. Хознштайн
 Хознштайн – г. Ольштынек, Польша (Варминьско-Мазурское воеводство)
 Шаккельн, Шакельн – пос. Шанино Краснознаменского района
 Шамайткемен, Шамейткемен – пос. Болотниково Краснознаменского района
 Швиддерн – н.п. в округе Йоханнисбург (Восточная Пруссия, ныне территория Польши)
 Шилленен – пос. Победино Краснознаменского района
 Ширвиндт – пос. Кутузово Краснознаменского района
 Шоршинен – пос. Гаврилово Гусевского района
 Шорелленский лес – лесной массив в округе Пилькаллен (ныне территория совр. Краснознаменского района)
 Шпуллен – пос. Февральское Краснознаменского района
 Шталлупёнен – г. Нестеров
 Штеттин – г. Щецин, Польша
 Эйдткунен – пос. Чернышевское Нестеровского района
 Ярочин – г. Яроцин, Польша (Великопольское воеводство)

Содержание

К читателям	3
ПО ТУ СТОРОНУ ДНЕЙ	
Кретицин Г.В. Август четырнадцатого в Восточной Пруссии	4
Ерофеев И.В. Каушенский бой 6 (19) августа 1914 года	14
Новиков А.С. Распоряжения русской военной администрации для жителей Инстербурга в августе-сентябре 1914 года	22
Афонин И.В. Еще раз о параде 5 сентября 1914 года, или Романовы в Инстербурге	28
Каштанова-Ерофеева Г.В. Августейшие сестры милосердия в Инстербурге	35
Адылов А.А. Гумбиннен – Инстербург – Тапиау... (Восточная Пруссия в августе 1914 года как полигон для создания армейской бронетехники Германии и России)	44
Игнатов Г.И. Тильзит в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.	50
Пахалюк К.А. Пилькалленский отряд	63
Бирюков Г. Военное духовенство в боях за Восточную Пруссию. 1914–1915 годы	70
Сухин Д.Б. Административная организация восстановительных работ в провинции Восточная Пруссия. Попытка реконструкции	81
Климова Л.В. Воинские захоронения Первой мировой войны в Калининградской области	87
ФАКТЫ И ОБРАЗЫ	
Довыденко Л.В. Гумилёвская осень в Калининградской области	93

Гумилев Н.С. Стихотворения	97
Из «Записок кавалериста»	100
Акимова Г.А. О бедном улане замолвите слово.	107
Каштанова-Ерофеева Г.В. «Военный памятник – для мира»	110
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПЕЧАТИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
Лалэко А.Л. Военная журналистика в Первую мировую	113
Адылов А.А. И грянул бой... ..	115
«Мертвые сраму не имут...»	116
Зимой 1914-15-го... ..	120
Каштанова-Ерофеева Г.В. «Благодарная Россия героям Первой мировой войны»	122
ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ	
Из секретной докладной записки Германского Большого генерального штаба. 1913 год. (Из фондов РГВА) Публ. В.М. Михалева	124
Призыв кайзера к армии и флоту (6 августа 1914 года) Перевод Л.В. Климовой	128
Речь Николая II (20 июля 1914 года)	128
Немецкие официальные сообщения. Перевод Л.В. Климовой	129
Русские служебные донесения	134
40-я пехотная дивизия в Пилькалленском сражении (Из фондов РГВИА) Публ. К.А. Пахалюка	141
Память Великой войны. Имена. [Списки погибших нижних чинов 109-го Волжского полка 28-й пехотной дивизии 1-й русской армии.] (6 и 7 августа 1914 г., бои у д. Ужбаллен и Пакальнишкен) (Из фондов РГВИА) Публ. А.В. Фесенко и В.Л. Юшко	147
Памятники, памятные знаки и памятные доски, установленные в Инстербурге в честь павших в Мировой войне.	

(По Адресной книге Инстербурга
1937 года)
Перевод Г.В. Каштановой-Ерофеевой153

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

**Великий князь
Гавриил Константинович**
В Мраморном дворце. (Отрывки)156

Бирфройнд Макс
Русский парад
и освящение знамен на Альтер Маркт.
Перевод Л.В. Климовой176

Пфаль Вилли
Август четырнадцатого –
свидетельство очевидца.
Перевод Л.В. Климовой177

Вайхерт Мета
В 1914 году.
Перевод Л.В. Климовой187

Бриндлингер Вильгельм
Клопы, бомбы и тыл.
Перевод Л.В. Климовой188

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

НА ФОНЕ ЭПОХИ

Кошелева О.А.
«Прощание славянки»196

Солодова Т.С.
Братья Солодовы202

Гришина Е.А.
Сыновья Ивана Козаченко204

МУЗЕИ НАШЕГО КРАЯ

Климова Л.В.
Музей истории (Черняховск)205

ЛЕНТА ВРЕМЕНИ

20 объявлений войны207

Денен М., Рашдорф В.
Обзор военных действий в Восточной
Пруссии. Перевод Л.В. Климовой207

Рябенко Е.В.
Это было недавно...
(Из историко-культурной хроники
востока Калининградской области.
1991–2014 годы)208

Указатель географических
названий212

На вклейках журнальные публикации
военных лет из фондов Музея истории
и другие материалы.

Российское
военно-историческое
общество

Военно-исторический фестиваль 2014

23 августа. Реконструкция
парада русской гвардии
в Инстербурге. Черняховск

24 августа. Реконструкция
Гумбинненского сражения.
Гусевский городской округ,
пос. Лермонтово

НАДРОВИЯ

Историко-краеведческий журнал
2014. №8. Спецвыпуск:

Мировая война.

События. Судьбы. Документы

Черняховское ИКО «Седьмая земля»
Музей истории (г. Черняховск)
ОО СРКН г. Черняховска
Калининградской области
«Черняховское землячество»

Редакторы-составители:

Г.В. Каштанова-Ерофеева,

Л.В. Климова

E-mail: ie-gke@yandex.ru

http://www.angrapa.info

Корректурa, верстка:

Г.В. Каштанова-Ерофеева

Подписано в печать 18.08.2014 г.

Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Ариал».

Печать офсетная.

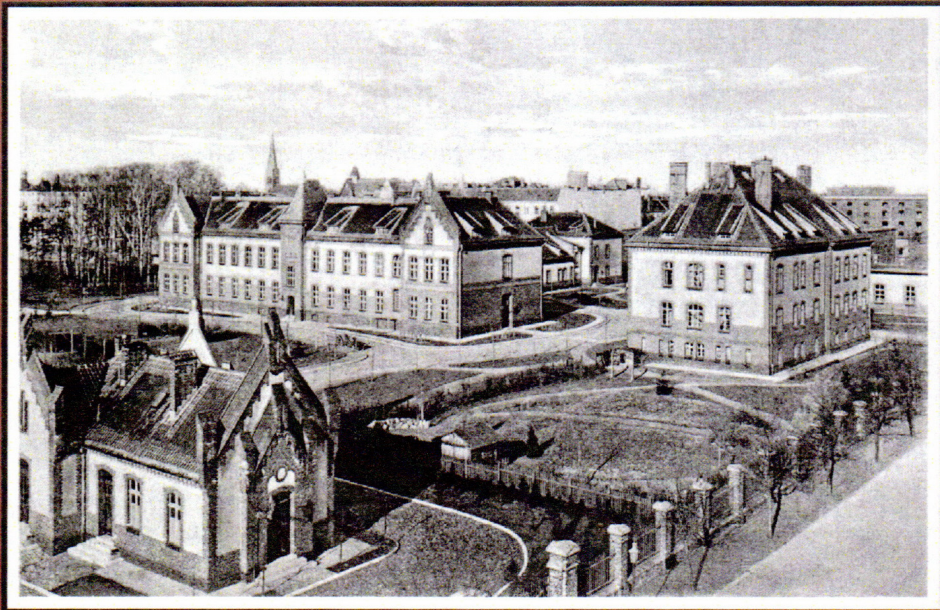
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 300 экз.

Заказ № 7685

Отпечатано с электронной версии
заказчика во ФГУП «Издательство
и типография газеты «Страж Балтики»
МО РФ.

Калининград, ул. С. Тюленина, 15

ISBN 978-5-91728-062-2

МИРОВАЯ ВОЙНА НАДРОВИЯ 2014 • 8 • СПЕЦВЫПУСК

НАДРОВИЯ

2014 • 8 • СПЕЦВЫПУСК

5 СЕНТЯБРЯ 1914Г. НА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ
СОСТОЯЛСЯ ПАРАД ГВАРДИИ В
ЧЕСТЬ ПОБЕД РУССКОГО ОРУЖИЯ
В ХОДЕ ВОСТОЧНО-ПРУССКОЙ
ОПЕРАЦИИ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЗНАК
УСТАНОВЛЕН В ЧЕСТЬ МУЖЕСТВА И
ГЕРОИЗМА ГВАРДЕЙЦЕВ РОССИИ И
СВЕТОЙ ПАМЯТИ ПАВШИХ.

МИРОВАЯ ВОЙНА

События. Судьбы.

Документы